This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

KF
16936
NEDL TRANSFER
HN 4QQH R

Digitized by Google

RF16932
3.10

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Р. К. Мотовичъ.

(Маркизъ О'Квичъ).

ЛЮБОВЬ.

ФИЛОСОФСКО—ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія газеты «Новости», Екатерининскій каналъ, № 115.
1888

Digitized by Google

KF16936

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

Digitized by Google

ПОСВЯЩЕНІЕ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Милая, помнишь-ли ты незабвенную первую встрѣчу,
Какъ зародилось тогда наше сближеніе съ тобой,
Какъ изъ ничтожнаго сѣмени выросло дерево дружбы,
Послѣ-же нѣжный Эротъ далъ и цвѣты, и плоды?
Встрѣча, сближеніе, дружба, любовь: постепенно мѣнялось
Чувство за чувствомъ у насъ, вѣчный свершая законъ...

(Гете. „Метаморфоза растеній").

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьѣ
И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
И смерть пришла; наступило за гробомъ свиданье —
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали...

(Лермонтовъ. Изъ Гейне).

Вотъ я смотрю на дворцы, на столпы, на руины и храмы,
Какъ разсудительный мужъ, ищущій пользы одной.
Скоро все это минуетъ—и будетъ все храмъ лишь единый
Бога Амура, и онъ приметъ адептовъ своихъ.
Римъ, ты вмѣщаешь весь міръ; но не будь въ немъ любви благодатной —
Не былъ-бы міромъ и міръ, не былъ-бы Римомъ и Римъ...

(Гете. Римскія элегіи. I.).

Digitized by Google

Digitized by Google

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Мнѣ очень трудно было-бы объяснить читателямъ, подъ вліяніемъ какихъ мотивовъ, — внутреннихъ или внѣшнихъ,—я пришелъ къ рѣшенію заняться такой рискованной тэмой, какъ философскій и психологическій анализъ чувства любви. Могу только увѣрить ихъ, что, приступая къ настоящему этюду, я не имѣлъ въ виду ни опредѣленнаго плана, ни опредѣленной цѣли. Мнѣ просто хотѣлось въ одной или двухъ журнальныхъ бесѣдахъ изложить нѣсколько общихъ мыслей о явленіи, всегда казавшемся мнѣ краеугольной основой всей нашей духовной жизни, и, въ то-же время, провѣрить свои собственные взгляды на этотъ предметъ. Но, слѣдуя усвоенному мною еще со школьной скамьи обыкновенію предоставлять свою мысль ея естественному, генетическому теченію, я и самъ не замѣчалъ, какъ одна бесѣда вызывала другую и моя работа постепенно разрослась въ цѣлую книгу.

Знакомя читателей съ непретенціознымъ и случайнымъ характеромъ настоящаго труда, я жду отъ нихъ любезной снисходительности къ многочисленнымъ пробѣламъ, недомолвкамъ и обмолвкамъ, которые неизбѣжно встрѣтятся имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они въ состояніи будутъ къ моимъ теоретическимъ выводамъ прилагать критическую мѣрку своего личнаго опыта....

Digitized by Google

Digitized by Google

ФИЛОСОФІЯ ЛЮБВИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Снисходительные читатели и читательницы, имѣвшіе терпѣніе пробѣгать мои философскіе этюды, напечатанные въ 1886 и 1887 гг. *), должны быть уже отчасти знакомы съ моей *манерой* смотрѣть на цѣль и значеніе существованія человѣка въ общемъ бытіи и движеніи силъ природы.

Человѣкъ, говорю я, есть не болѣе, какъ одинъ изъ безчисленныхъ преходящихъ, безпрерывно мѣняющихся и возобновляющихся, орудій и воплощеній міровыхъ силъ. Это не болѣе, какъ зажженный свѣтильникъ, пламя котораго, горя или потухая, не прибавляетъ и не убавляетъ въ природѣ ни одного атома энергіи, теплоты

*) «Немножко философіи» и «Еще немножко философіи». (Къ вопросу о свободѣ воли).

Digitized by Google

или свѣта, ни на одну іоту не измѣняетъ законовъ всеобщей гармоніи...

Передъ вами незажженная свѣча. Зажгите ее. Прибавилось-ли отъ ея пламени *что-нибудь* къ общей массѣ теплоты, разлитой въ природѣ? Конечно, нѣтъ. Пламя свѣчи есть только *видимо*-матеріализованная теплота, скрытая отъ нашихъ глазъ въ природѣ. Потушите свѣчу. Уменьшилось-ли общее количество той-же теплоты въ природѣ? Опять-таки нѣтъ. Все осталось по прежнему,— только свѣча перестала служить посредникомъ между скрытой теплотой и нашими чувствами.

То-же самое — человѣкъ. Живя, онъ ничего не прибавляетъ къ разлитой въ природѣ жизненной энергіи, умирая, онъ ничего не уноситъ съ собою въ могилу. Трупъ его — та-же потухшая свѣча.

Тутъ — наглядное представленіе *однородности* пассивныхъ и активныхъ отношеній человѣка къ природѣ. Совершенно пассивно проявляя въ себѣ, матеріализируя жизненную энергію, разлитую во всей природѣ, онъ, въ то-же время, является видимо-активнымъ, а на самомъ дѣлѣ такимъ-же пассивнымъ исполнителемъ велѣній закона необходимости, совершая различныя, будтобы, произвольныя дѣйствія, необходимыя въ общемъ движеніи или гармоніи міровыхъ силъ.

Снисходительному читателю или читательницѣ, конечно, пріятнѣе сознавать и отстаивать произвольность или самостоятельность всѣхъ своихъ дѣйствій и поступковъ...

Но возьмите ту-же самую свѣчу. Она горитъ, конечно,

Digitized by Google

совершенно пассивно, исполняя сообщенное ей дѣйствіе, а въ то-же время она какъ-бы активно и грѣетъ, и свѣтитъ. Поселите въ ней на мгновеніе вашу душу, передайте ей вашу способность движенія,—и она, безъ сомнѣнія, станетъ утверждать, что грѣетъ и свѣтитъ по своей собственной волѣ, что если-бы она захотѣла, то взяла-бы и погасла, т. е. совершила-бы самоубійство...

Все видимое различіе между нами и свѣчей заключается въ томъ, что она зажигается и гасится нашей рукой, а насъ зажигаетъ и гаситъ сама природа. Въ томъ и другомъ случаѣ *активной* является только внѣшняя, невѣдомая намъ сила, управляющая всѣми нашими дѣйствіями.

Вы спрашиваете: зачѣмъ, собственно, я завелъ рѣчь объ этихъ, кажется, вѣчно неразрѣшимыхъ проблемахъ, когда предметъ настоящаго этюда такъ близокъ къ намъ, такъ просто отражается въ самыхъ разнообразныхъ обыденныхъ явленіяхъ, такъ общедоступенъ, наконецъ?... Любовь! Кто-же не знаетъ ея въ томъ или другомъ проявленіи?...

Но въ томъ-то и дѣло, что если смотрѣть на вещи только снизу вверхъ, игнорируя,—какъ мы это дѣлаемъ во всѣхъ другихъ житейскихъ случаяхъ,—первоисточники явленій и, такъ называемыя, проклятыя проблемы,—если уподобиться кроту,—говорю я,—или, passez moi le mot, извѣстному животному, никогда не видящему верхушки дерева, плодами котораго оно питается,—то любовь, конечно, ничто иное, какъ мельчайшая, обыденная пошлость, даже зло, подчасъ отравляющее жизнь не

Digitized by Google

отдѣльнымъ только индивидуумамъ, но и цѣлымъ общественнымъ организмамъ... Такъ и смотрятъ на нее въ наше «высокопросвѣщенное» и, еще болѣе, практическое время. Едва-ли можно назвать другую область духа, которая оставлялась-бы въ такомъ пренебреженіи, предавалась-бы такимъ униженіямъ и оскорбленіямъ, какъ эта. А въ сущности, вѣдь, на ней зиждется все, что въ насъ есть истинно-человѣческаго, индивидуальнаго, все, что въ насъ господствуетъ надъ подавляющими независимый духъ цѣпями общественности и слѣпыми эгоистическими инстинктами... Куда-же вы отнесете все то, что мы называемъ душевными симпатіями, самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ, жаждою свободы и наклонностью къ добродѣтели?...

Нѣтъ! Подобные элементы свободы и энергіи духа не мирятся съ цѣпями рабства, налагаемыми условными требованіями мѣста, времени и житейской среды. Они идутъ, именно, изъ той области духа, которую мы подвергаемъ наибольшему пренебреженію и наибольшему преслѣдованію,—изъ области любви...

Но я забѣгаю впередъ. Объ этомъ мнѣ прійдется еще говорить очень много въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Теперь-же мы возвратимся къ прерванной мысли.

Итакъ, являясь во всѣхъ своихъ стремленіяхъ и поступкахъ совершенно пассивнымъ дѣятелемъ природы, человѣкъ въ то-же время, однако, питаетъ въ своемъ сознаніи ложное представленіе о своей независимости или активности. Кто читалъ многочисленныя новѣйшія

Digitized by Google

изслѣдованія объ «обманахъ сознанія», долженъ согласиться, что единственнымъ основаніемъ ихъ должно служить только-что указанное здѣсь грубое самообольщеніе. Тѣмъ не менѣе, этого самообольщенія вполнѣ достаточно было для того, чтобы человѣкъ съ самаго начала своего бытія стремился найти, опредѣлить и выдѣлить себѣ не только самостоятельное, но даже господствующее положеніе во вселенной. Отсюда всѣ его подчасъ столько-же смѣшныя, сколько и безплодныя потуги создать себѣ безконечно великій подчиненный міръ. Достаточно какому-нибудь швейцарскому проводнику взобраться на кажущуюся всѣмъ недоступною вершину высокой горы и снабдить ее какимъ-нибудь ласкательнымъ именемъ «Юнгфрау» или «Альтфрау», чтобы человѣкъ уже вообразилъ себя властелиномъ этого гиганта...

Я смѣло говорю: «смѣшныя и безполезныя потуги». Развѣ мы не видимъ на каждомъ шагу, что выработавшіяся до сихъ поръ путемъ страшной кровавой борьбы и вопіющихъ несправедливостей формы гражданственности, общественности и государственности все еще находятся какъ-бы въ зародышномъ состояніи; что человѣчество еще до сихъ поръ не имѣетъ общепризнаннаго типа государства; что всѣ безъ исключенія существующіе типы періодически подвергаются разрушительнымъ потрясеніямъ, причемъ постоянно повторяется вопросъ: «Такъ-ли мы живемъ? По той-ли дорогѣ мы идемъ»?...

Невольно складывается мысль: не существовали-ли

Digitized by Google

болѣе цѣлесообразные типы государствъ далеко за предѣлами извѣстной намъ исторіи? Не даромъ-же одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ—китайскій—сохранилъ въ своихъ преданіяхъ и возвелъ на степень основного догмата для своей современной жизни представленіе о давно минувшемъ золотомъ вѣкѣ! Не даромъ-же и самый строй жизни этого народа донынѣ не только не изученъ, но и остается совершенно непонятнымъ людямъ, воспитаннымъ въ господствующихъ политическихъ воззрѣніяхъ!

На самомъ дѣлѣ природа вовсе не такъ притязательна къ человѣку; требованія ея не только гораздо проще тѣхъ, которыя человѣкъ искусственно создаетъ себѣ въ соціальной и политической жизни, но и совсѣмъ простыя; она требуетъ отъ человѣка только временнаго бытія и передачи этого бытія другимъ, т. е. *размноженія*. Затѣмъ ей никакого дѣла нѣтъ до того, какими способами мы устраиваемъ нашу жизнь, какими государственными, соціальными или философскими цѣлями мы задаемся, даже по какимъ основаніямъ и ради какихъ идей мы отравляемъ другъ другу жизнь, перегрызаемъ другъ другу горло, сами накладываемъ на себя руки. Все это лишь неизбѣжныя послѣдствія безконечной цѣпи причинностей; продолжительность-же или неудобства нашего существованія для основной задачи природы совершенно безразличны. Погибнемъ мы, на нашемъ мѣстѣ явятся другіе. Совсѣмъ исчезнетъ присвоенная намъ форма, возникнетъ другая. Вообще-

Digitized by Google

же, мы никакими потугами и революціонными затѣями безпорядка въ законахъ природы произвести не можемъ; она такъ-же мало этого боится, какъ мы муравьинаго гнѣзда, копошащагося въ нашемъ саду....

Природѣ, повторяю, для ея скрытыхъ отъ насъ цѣлей, нужны только двѣ вещи: наше существованіе, хотя-бы только временное, и размноженіе вида. Только къ этому и направлены всѣ ея видимыя для насъ заботы. Какимъ путемъ она достигаетъ своей цѣли, — всѣмъ извѣстно: посредствомъ врожденнаго человѣку полового влеченія.

Обыкновенно на этомъ безспорномъ положеніи и останавливаются всѣ психо-физіологическія изслѣдованія сущности природы человѣка. Кто-же, въ самомъ дѣлѣ, не знаетъ и не испыталъ полового влеченія? Это, говорятъ, грубо-физическое чувство, которое, при всѣхъ нашихъ духовныхъ дарованіяхъ, удерживаетъ насъ на степени животнаго состоянія. Что намъ за дѣло до какихъ-то тамъ задачъ природы, до всѣхъ наслажденій, доставляемыхъ этимъ влеченіемъ, если удовлетвореніе его сопровождается тяжелой борьбой за обладаніе субъектомъ, за самое существованіе? Очевидно — продолжаютъ разсуждать—самой природой порождено какое-то роковое недоразумѣніе или противорѣчіе между духомъ и тѣломъ. А разъ въ нашихъ рукахъ имѣется достаточно средствъ для того, чтобы доставить побѣду первому надъ вторымъ, то борьба съ тѣломъ можетъ и должна быть только высшимъ при-

Digitized by Google

званіемъ человѣка. Поговорите, напримѣръ, съ убѣжденнымъ аскетомъ или противобрачнымъ сектантомъ, и вы услышите отъ нихъ, что они самой природой уполномочены противодѣйствовать ея велѣніямъ...

Вотъ это то, что я назвалъ выше смотрѣніемъ снизу вверхъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Попробуйте теперь припомнить все то, чему вы когда-либо учились и что самостоятельно усвоили себѣ изъ громадной области исторіи и литературы. Постарайтесь на минуту забыть тѣ трафаретки и шаблоны, которыми обставлено теченіе вашей мысли еще со школьной скамьи. Эти бумажныя плотины должны быть когда-нибудь прорваны, если вы хотите обнаружить какую-нибудь самостоятельность мышленія. Тогда вы не станете поражаться или возмущаться смѣлостью моихъ обобщеній...

Итакъ, посмотримте на дѣло сверху внизъ.

Такъ-ли уже грубо-реально то наше физіологическое влеченіе, которое мы не безъ оттѣнка презрѣнія называемъ *половымъ*? Я говорю — реально въ общепринятомъ физическомъ смыслѣ. По результатамъ оно

Digitized by Google

иначе намъ и представляться не можетъ. Отъ двухъ существъ разныхъ половъ получается третье и это сопровождается, съ одной стороны, физическими наслажденіями, а съ другой стороны — такими-же страданіями. Таковы видимые результаты, и въ сущности сама природа отъ насъ бо̀льшаго не требуетъ. Но не такъ просто это влеченіе съ точки зрѣнія его осуществленія. Никто изъ насъ не можетъ отрицать той неосязаемой силы, которой проникнуто наше половое чувство и въ которой, именно, заключается весь секретъ чрезвычайной интенсивности полового влеченія. Это неосязаемое *нѣчто*, придающее такую пріятность и такую энергію нашему влеченію, есть какъ-бы частица того могущественнаго обаянія, которымъ проникнута вся вселенная, тотъ волшебный цементъ, посредствомъ котораго природа объединяетъ, связываетъ и скрѣпляетъ все сущее. Это — частица тѣхъ элементарныхъ силъ, безъ которыхъ немыслимо было-бы существованіе самой вселенной, а именно: притяженія и тяготѣнія*)... Безъ этого коварнаго придатка, причиняющаго намъ такъ много неудобствъ и непріятностей въ нашей обыденной жизни, природа, конечно, не осуществила-бы своей цѣли, и

*) Та-же мысль, между прочимъ, выражена въ стихотвореніи Шиллера «Фантазія — Лаурѣ», съ изяществомъ и образностью, свойственными таланту этого геніальнаго поэта-мыслителя. Это стихотвореніе, — какъ и другія, на которыя здѣсь будутъ сдѣланы ссылки, — помѣщено въ концѣ книги.

Digitized by Google

volens-nolens ей пришлось подѣлиться съ нами своей творческой силой...

Человѣкъ понялъ это еще на первичной ступени своего развитія, и цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ можно доказать, что идея любви въ немъ возникла даже гораздо раньше идеи божества. Что такое весь классическій Олимпъ, если не самое яркое и самое разностороннее олицетвореніе любви? Первый олимпійскій богъ—это Эросъ, богъ любви, «все созидающій, все проникающій и все связующій». Онъ прямо возникаетъ изъ первобытнаго Хаоса вмѣстѣ съ Геа (землей) и злымъ Тартаромъ (подземнымъ міромъ). Какъ видите, творческая сила предоставлена богу любви. Тартаръ-же—его крайняя противоположность. Но и эта противоположность не по душѣ первобытному мыслителю, и онъ ищетъ пункта примиренія между ними. И вотъ онъ ослѣпительную красавицу Афродиту (Венеру) выдаетъ замужъ за кузнеца Гефеста. Небесная красота сливается съ силой и блескомъ огня и крѣпостью желѣза. Отсюда всѣ виды земного искусства: художество и архитектура.

Но на мозолистыхъ рукахъ кузнеца нѣтъ и слѣда любви, и конкуррентомъ его является человѣкъ, тоже умѣющій распоряжаться разрушительной силой желѣза, но не во имя бездушнаго Тартара, а во имя патріотическаго подвига и той-же идеи любви, хотя-бы, напримѣръ: къ отечеству, своему народу. Это—воинъ. Красавица Афродита, конечно, покидаетъ своего хромого

Digitized by Google

и вѣчно вымазаннаго мужа и уходитъ съ военнымъ. Его зовутъ Арей. По созвучію-ли именъ, или по другимъ причинамъ, отъ этой незаконной связи на свѣтъ божій является красавецъ Эротъ. Какъ сынъ своего отца и своей матери—хотя, увы! и незаконный — онъ прекрасно стрѣляетъ изъ лука—и какими стрѣлами! Самыми коварными. Вонзаясь въ сердце, каждая изъ нихъ вноситъ въ него неутолимую жажду и мучительное томленіе любви... А громоносный старецъ Зевсъ?... Напрасно онъ насупливаетъ брови и сморщиваетъ лобъ,— лукавая улыбка крошечнаго Амура сразу ихъ разгладитъ... А всѣ эти грозныя стихіи?... Самъ Поссейдонъ со всей своей свитой пустится въ плясъ подъ чарующими звуками музыки тритоновъ и любовныхъ пѣсенъ сиренъ. Вся вселенная будетъ внимать этимъ звукамъ при гробовомъ молчаніи стихій.

Разсказывать-ли дальше? Кто-же изъ насъ, хотя-бы въ дѣтствѣ, не побывалъ на Олимпѣ? Кто изъ насъ,— конечно, уже во взросломъ періодѣ,—не мечталъ обрѣсти на землѣ хотя слабое отраженіе тѣхъ восторговъ любви, которыми, точно эфиромъ, наполнена вся атмосфера Олимпа и которыми вдохновлялись поэты всѣхъ временъ и народовъ? *).

На что уже китайцы—прозаическій народъ, возводящій неподвижность, лѣнь и апатію на степень вели-

*) См. Шиллера: «Боги Греціи» и «Торжество любви».—Байрона: «Чайльдъ-Гарольдъ», пѣснь IV, строфы XLVII, XLIX—LII— Гейне: «Боги Греціи». — В. А. Озерова: «Гимнъ Богу любви».

Digitized by Google

чайшихъ политическихъ добродѣтелей! Даже и у нихъ имѣется свой собственный Олимпъ горныхъ духовъ, которые сходятъ на землю, чтобы разыгрывать роль друзей дома въ семьяхъ китайцевъ. Даже и у этого народа, говорю я, господствующій духовный міръ остается неразлучнымъ съ идеей любви:—горные духи, какъ извѣстно, оплодотворяютъ лучшихъ женщинъ, чтобы произвести на свѣтъ отборныхъ людей,—а древнѣйшія китайскія пѣсни поютъ о блаженствахъ и восторгахъ любви. Потому-то бракъ у китайцевъ и нынѣ является порожденіемъ взаимности «неба и земли» и освященіе брака совершается, именно, посредствомъ воззванія къ этимъ двумъ элементамъ. Отсюда-же и единственный въ своемъ родѣ культъ предковъ, находящій себѣ лишь нѣкоторое подобіе въ египетскомъ культѣ мертвыхъ.

Я уже показалъ, какимъ образомъ древніе старались примирять идею любви—въ смыслѣ влеченія къ красотѣ, добродѣтели и правдѣ—съ ея противоположностью—зломъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ. Но прежде всего древняго человѣка, повидимому, смущала наиболѣе доступная его чувствамъ отрицательная сторона любви. Въ умѣ его съ трудомъ совмѣщалось представленіе о любви, какъ сладостномъ дарѣ и велѣніи Божьемъ, съ тѣми страданіями, которыми сопровождается для женщины актъ рожденія. Если передача жизни третьему существу обязательна въ интересахъ самого Эроса, то зачѣмъ-же, спрашивалъ онъ себя, она сопровождается страданіями, часто опасны-

Digitized by Google

ми и для роженицы, и для ея плода? И вотъ на помощь ему является библейское сказаніе о грѣхопаденіи. Человѣкъ, говоритъ это сказаніе, хотѣлъ переступить предѣлы отмежеванной ему доли блаженства, хотѣлъ проникнуть въ тайну своего бытія, и за это жестоко наказанъ: мужъ осужденъ на вѣчный трудъ («проклята земля за тебя; со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей... въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ ты возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ»), а жена на страданія и подчиненность («умножу скорбь твою въ беременности твоей; въ болѣзни будешь рождать дѣтей и къ мужу твоему влеченіе твое, и онъ будетъ господствовать надъ тобой»).

Тутъ—добро и зло, какъ двѣ стороны одной и той-же сущности вещей. Зло—оборотная сторона добра, но добро, въ смыслѣ любви,—господствующее начало...

Затѣмъ черезъ всю библейскую эпоху, какъ она ни бѣдна литературными памятниками и какъ ни лаконична единственная ея лѣтопись, красною нитью проходитъ все та-же, предопредѣляющая и предрѣшающая судьбы человѣческія, любовь—душа безсмертнаго Эроса. Точно яркими маяками на безбрежномъ океанѣ проходятъ передъ нами лучезарные образы нашихъ любвеобильныхъ праматерей: Сарры, Агари, Ревеки, Рахили и т. д. Ихъ свѣтлаго ореола не затемняютъ даже такіе, откровенно разсказанные Библіей, эпизоды, какъ романъ Авраама съ Агарью, вакхическое приключеніе Лота съ его дочерьми, мытарства Іоси-

Digitized by Google

фа, преслѣдуемаго со строоны братьевъ изъ-за любви отца и со стороны жены Пентефрія изъ-за ея собственной любви.

Но съ особенной яркостью скрытый отъ ученыхъ изслѣдователей библейскій культъ любви раскрывается въ высокопоэтической «Пѣснѣ пѣсней» царя Соломона, гдѣ поразительная рельефность художественныхъ образовъ, безпредѣльная глубина чувства и хотя грубая, но крайне выразительная красота метафоръ далеко оставляютъ за собой даже бурную страсть и всепоглощающую любовь древне-греческой эротической элегіи и александрійскаго романа.

«Онъ ввелъ меня въ домъ Тира и *знамя его* надо мною —*любовь*»,—говоритъ героиня Соломоновой пѣсни...

«Подкрѣпите меня виномъ,—восклицаетъ *она* въ полувакхическомъ экстазѣ,—освѣжите меня яблоками, ибо я *изнемогаю отъ любви*... Заклинаю васъ, дщери іерусалимскія, сернами и полевыми ланями; не будите и не тревожьте возлюбленной, доколѣ ей угодно... Вотъ голосъ возлюбленнаго моего, онъ идетъ, скачетъ по горамъ, прыгаетъ по холмамъ. Другъ мой похожъ на серну и молодого оленя. Вотъ онъ уже стоитъ у насъ за стѣной, заглядываетъ въ окно, мелькаетъ сквозь рѣшетку... Возлюбленный мой сказалъ мнѣ: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вѣдь, зима уже прошла, дождь миновалъ, пересталъ; цвѣты показались на землѣ; время пѣнія настало, и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей; смоковницы распус-

Digitized by Google

тили свои почки, и виноградныя лозы, расцвѣтая, издаютъ благовоніе. Встань, встань-же, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Голубица моя, въ ущельѣ скалы, подъ кровомъ утеса, покажи мнѣ лицо твое, дай мнѣ услышать голосъ твой: вѣдь, твой голосъ такъ сладокъ и лицо твое такъ пріятно... О, возлюбленный мой принадлежитъ мнѣ, а я ему; онъ пасетъ между лиліями...».

. . . . . .

«Положи меня, какъ печать, на сердце твое, какъ перстень, на руку твою, ибо крѣпка, какъ смерть, любовь, люта, какъ преисподняя, ревность. Стрѣлы ея— стрѣлы огненныя...».

«Большія рѣки не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ея»...

И каждая новая строфа приподнимаетъ васъ все выше и выше—до самой горней обители всѣми забытой и покинутой нынѣ царицы любви...

«Кто *она*—невольно спрашиваешь себя вмѣстѣ съ Соломономъ—блистающая, какъ заря, прекрасная, какъ луна, свѣтлая, какъ солнце, грозная, какъ полки съ знаменами?».

Царица любви—снова повторяю я—униженная и оскорбленная, всѣми покинутая и забытая...

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Археологія нашего времени очень усердно занимается изученіемъ памятниковъ древняго міра. Вездѣ, гдѣ возможно, производятся и предпринимаются самыя смѣлыя раскопки. Срисовывается и воспроизводится чуть-ли не каждая малѣйшая царапина на пирамидахъ и обелискахъ. Настойчиво допрашиваются упорно безмолвствующіе сфинксы и гробницы... Ученые педанты приходятъ въ восторгъ отъ какого-нибудь гермесовскаго «лечебника» или счета рамзесовской кухарки... Но о свойствахъ тѣхъ сердецъ, которыя нѣкогда бились въ полуистлѣвшихъ тысячелѣтнихъ муміяхъ, о тѣхъ душевныхъ качествахъ, которыми опредѣлялись пути развитія и самый строй исчезнувшихъ цивилизацій,— обо всемъ этомъ почти и помину нѣтъ... Никому изъ этихъ ученыхъ не приходитъ въ голову задуматься

Digitized by Google

надъ вопросомъ: какимъ-же образомъ въ одномъ и томъ-же мозгу относительно-высокій умственный уровень развитія могъ совмѣщаться съ грубымъ языческимъ фетишизмомъ; какимъ образомъ тотъ самый умъ, который производилъ довольно точныя астрономическія наблюденія и вносилъ истинно-художественную гармонію въ постройки храмовъ, дворцовъ и гробницъ, могъ спускаться до обожанія каменныхъ истукановъ, домашнихъ животныхъ и т. п.?.... Никто, конечно, не скажетъ, что языческій Египетъ,—безспорно, стоявшій на довольно высокомъ уровнѣ цивилизаціи,—представлялъ собою царство идіотовъ. Еще менѣе, полагаемъ, это названіе примѣнимо къ тѣмъ великимъ законодателямъ, философамъ и поэтамъ древне-языческаго міра — разнымъ Солонамъ, Ликургамъ, Платонамъ, Аристотелямъ, Овидіямъ, Виргиліямъ и т. п. — которыми исторія начинаетъ немногочисленную плеяду общечеловѣческихъ геніевъ...

Въ чемъ-же заключается секретъ вышеуказаннаго противорѣчія? Я думаю—исключительно въ силѣ воображенія... Мнѣ кажется, что для того, чтобы признавать кошку святыней, казнить смертью человѣка даже за ея невольное умерщвленіе и проигрывать рѣшительныя сраженія изъ страха раздавить нѣсколько экземпляровъ этого животнаго—или называть быка богомъ и устраивать въ честь его торжества, поглощающія тысячи талантовъ серебра,—что для подобныхъ заблужденій необходимо обладать гораздо большею интенсив-

Digitized by Google

ностью воображенія, чѣмъ для того, чтобы усвоить себѣ одно только представленіе объ абстрактной первопричинѣ. Въ первомъ случаѣ необходимо, все-таки, найти оправданія цѣлому ряду нелѣпыхъ представленій, аллегорій и метафоръ, съ которыми никакъ не можетъ мириться умъ, не только производящій астрономическія вычисленія, но и просто представляющій себѣ вещи такими, какими онѣ во всѣ времена воспринимались нашими пятью чувствами. Во второмъ-же случаѣ достаточно простое восхожденіе по лѣстницѣ причинностей отъ частнаго къ общему, чтобы придти къ простѣйшему представленію о первоисточникѣ всего сущаго; достаточно, наконецъ, только отрѣшиться отъ вполнѣ выяснившихся заблужденій прошлаго...

Оттого-ли воображеніе древнихъ было интенсивнѣе, что оно еще не было придавлено оковами всепорабощающей государственности, или по другимъ причинамъ, —во всякомъ случаѣ, оно открывало широкій просторъ духовному міру и чувствамъ человѣка, и если онъ любилъ, то возвышался до слѣпого обожанія и полнаго самоотреченія, если ненавидѣлъ, то одинъ адъ могъ поспорить съ нимъ въ силѣ мстительности и злости...

Этихъ чрезвычайно поучительныхъ свойствъ древняго человѣка, повторяю, ученые педанты почти не замѣчаютъ. Вполнѣ ясные и выразительные слѣды любви, нѣкогда пламенѣвшей и наполнявшей недоступнымъ намъ блаженствомъ сердце классическаго язычника, нынѣ, подобно блуждающимъ огонькамъ во мракѣ ночи, мелькаютъ

Digitized by Google

среди таинственныхъ развалинъ и забытыхъ гробницъ, а ученые педанты проходятъ мимо, вовсе ихъ не замѣчая или тутъ-же добиваясь разгадки какой-нибудь гвоздеобразной царапины.

Какое имъ дѣло до всѣхъ этихъ «эротическихъ похожденій, принижающихъ только классическое величіе древняго міра»? Что они могутъ представлять для насъ *новаго* и поучительнаго? Идея о возможности обобщенія этихъ «похожденій», о возстановленіи по нимъ одного изъ тѣхъ идеальныхъ культовъ, который *естественно*, а не искусственно, какъ всѣ нынѣшніе, возвышалъ человѣка надъ его животной природой, эта идея у насъ вовсе не находитъ себѣ разработки...

А между тѣмъ, въ каждой миѳологіи,—уже помимо воплощенія идеи любви въ идеалѣ добра, милости и правды, имѣвшемъ у каждаго народа могущественнаго представителя въ лицѣ главенствующаго бога,—мы видимъ и спеціальныхъ боговъ любви: у индійцевъ—Кандарта и Лакшми (жена Вишну), у египтянъ—Гатору («владычицу боговъ»), у хананеянъ—Белиту, у грековъ—Афродиту и т. д. Если принять въ соображеніе, что въ болѣе обстоятельно изученной греческой миѳологіи богъ и богиня любви—Эросъ и Афродита—возникаютъ въ числѣ первоначальныхъ представителей Олимпа, въ качествѣ одного изъ главнѣйшихъ творческихъ элементовъ вселенной, то позволительно, по аналогіи, предположить, что такое-же первенствующее мѣсто боги и богини любви занимали и въ другихъ миѳологіяхъ и

Digitized by Google

что если мы въ нынѣшнихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ встрѣчаемъ ихъ на второмъ и даже послѣднемъ планѣ, то только вслѣдствіе того, что первоначальные историческіе періоды до сихъ поръ остаются для насъ покрытыми непроницаемымъ мракомъ.

Иду еще далѣе.

Если древній греческій романъ, отдѣляемый отъ Олимпа нѣсколькими вѣками и явившійся на смѣну миѳологической легендѣ и эротической элегіи, изображаетъ намъ любовь могущественною силою, поглощающею всего человѣка и отвлекающею его отъ прозаическихъ интересовъ дѣйствительной жизни, то, въ силу этой-же аналогіи, слѣдуетъ признать, что въ первоначальныя эпохи это возвышенное душевное настроеніе было *господствующимъ* и у другихъ народовъ, а въ томъ числѣ и у древнихъ индійцевъ. При этомъ насъ вовсе не должна смущать та аскетическая философія, которая налагаетъ особый отпечатокъ на характеръ древняго индуса, представляя его намъ совершенно отрѣшеннымъ отъ матеріальной, физической или плотской жизни и всецѣло поглощеннымъ умозрительной работой, такъ сказать, духовнымъ самосозерцаніемъ; напротивъ: отвлеченная сторона любви нашла себѣ еще болѣе утонченное выраженіе въ этомъ фанатическомъ стремленіи къ убіенію плоти, низводящей идеальное чувство на степень земной, подчиненной житейскимъ интересамъ, страсти...

Во всякомъ случаѣ, надо полагать, что для нарож-

Digitized by Google

денія индуса, дошедшаго до полнаго отрицанія своего матеріальнаго бытія и презрѣнія своей плоти, потребовалось не менѣе тысячелѣтій, чѣмъ для нарожденія современнаго намъ Шопенгауэра, отрицающаго, презирающаго и громящаго любовь, какъ величайшее соціальное зло... *).

Обратимтесь къ древне-индійскимъ молитвеннымъ гимнамъ, поэмамъ, романамъ и драмамъ. Вездѣ любовь изображается не иначе, какъ въ сопровожденіи или въ борьбѣ съ разными миѳическими силами. И здѣсь, какъ у китайцевъ, лучшіе люди являются произведеніями любовной связи боговъ съ женщинами. Герои Магабгараты и Рамаяны—дѣти Панду—родились отъ связи женъ послѣдняго съ разными богами. Высоко-поэтическое описаніе брака Рамы съ Ситой, ея похищенія и смерти, вслѣдствіе ревности мужа, составляютъ лучшія страницы этой поэмы. Эротическая поэма «Гитаговинда» описываетъ любовныя похожденія Кришны съ пастушками. Въ другой поэмѣ того-же характера «Чаурапанчасика» поэтъ, осужденный за любовную интригу съ принцессой и влекомый на казнь, предается воспоминаніямъ о блаженствахъ испытанной имъ любви, вовсе не думая о томъ, что черезъ нѣсколько минутъ голова его упадетъ подъ ударами палача. Въ сравнительно новѣйшей драмѣ «Малати и Мадхава» героиня то попадаетъ въ руки волшебника, собирающагося принести

*) «Метафизика любви».

Digitized by Google

ее въ жертву одному изъ боговъ, то превращается въ каменную статую и снова оживаетъ. То-же самое и въ романахъ...

Для недальновиднаго школьнаго учителя или глубокомысленнаго толкователя гвоздеобразныхъ надписей— все это не болѣе, какъ глупыя эротическія шалости съ примѣсью не менѣе глупаго вымысла. Однако, эти глупыя эротическія шалости съ удивительнымъ упорствомъ и постоянствомъ повторяются у всѣхъ народовъ и у всѣхъ находятся подъ покровительствомъ спеціальныхъ боговъ, а женщина почти вездѣ является эмблемой не только любви, но и цѣлаго духовнаго міра. Загляните въ молитвенные гимны древнихъ персовъ. Въ одномъ изъ, такъ называемыхъ, «яштъ» вѣра изображается «съ тѣломъ дѣвицы прекрасной, блестящей, бѣлокурой, плотной, стройной, статной, великорослой, съ выдающимися грудями и славнымъ станомъ, благородной, сіяющей и съ столь прекраснымъ тѣломъ, какъ прекраснѣйшія созданія»...

А египетская миѳологія? Озирисъ и Изида—главенствующіе боги—влюбились другъ въ друга уже въ утробѣ матери, а какъ только они познали дѣйствительную жизнь, имъ пришлось отстаивать свою любовь противъ злого генія, и они все-таки пали жертвами непосильной борьбы: Изида почти всю свою жизнь розыскиваетъ тѣло Озириса, похищеннаго Тифономъ, испытывая при этомъ всевозможныя превратности и страданія. Болѣе художественной и импонирующей картины трагической

Digitized by Google

борьбы любви съ прозаической дѣйствительностью, кажется, не дали намъ ни одна миѳологія и ни одинъ современный намъ романъ.

Были, кстати, и у египтянъ любовные романы, такъ-же, какъ и у индійцевъ, происходившіе непремѣнно въ «цвѣтущемъ саду» («Повѣсть о заколдованномъ царевичѣ»). Въ одной изъ египетскихъ сказокъ «Повѣсть о Сетнау, Хамѣ и Птанеферкѣ» мы находимъ подобіе, а можетъ быть—и варіантъ, библейскаго разсказа о приключеніи Іосифа съ женою Пентефрія. И тутъ дѣло не обходится безъ вмѣшательства бога Ра, который, для спасенія своего героя, выдвигаетъ между нимъ и преслѣдующимъ его мстителемъ озеро, наполненное крокодилами; добродѣтель-же въ концѣ разсказа торжествуетъ въ лицѣ «прекрасной жены», созданной для героя самими богами.

Извѣстны, наконецъ, тѣ любовныя оргіи, которыя, согласно установленному ритуалу, совершались въ египетскихъ и вавилонскихъ храмахъ любви. Для ученыхъ изслѣдователей это не болѣе, какъ возмутительнѣйшій культъ разврата; для непредубѣжденнаго-же человѣка—это лишь противоположная крайность культа любви, снятаго нечистыми руками съ неба и втоптаннаго въ грязь...

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Мы до сихъ поръ не выходили изъ сферы патріархальнаго быта, въ которомъ,—особенно въ его первоначальныя эпохи,—человѣкъ жилъ и трудился за свой счетъ и страхъ, и его мысль, фантазія, чувства не встрѣчали почти никакихъ физическихъ и нравственныхъ препонъ; когда все представленіе его о благосостояніи заключалось въ обладаніи хорошимъ клочкомъ земли, жирнымъ пастбищемъ, близкимъ водопоемъ и нѣсколькими домашними животными; когда понятіе о благоденствіи не выходило изъ предѣловъ довольства самимъ собою, сознанія неограниченной свободы и независимости своихъ стремленій. Это былъ періодъ, если можно такъ выразиться, и самостоятельнаго мышленія, и самостоятельнаго чувствованія. Каждый человѣкъ долженъ былъ думать и чувствовать за себя;

Digitized by Google

некому было ни научить, ни просвѣтить его; умъ и чувства его свободно витали въ безпредѣльномъ мірѣ фантазіи, не ограниченной никакими готовыми политическими или научными идеалами. Въ этомъ смыслѣ каждый первобытный человѣкъ былъ своего рода самостоятельнымъ философомъ: онъ самъ опредѣлялъ свой религіозный культъ, самъ создавалъ себѣ предметъ поклоненія и самъ узаконялъ свою власть въ средѣ своей семьи...

Появился на сцену упрощенный способъ обмѣна произведеній труда—ближайшій стимулъ къ сближенію разрозненныхъ частей человѣчества и возникновенію государственности. Я говорю о первыхъ мѣновыхъ знакахъ. Накопленіе большихъ богатствъ въ формѣ многочисленныхъ стадъ, обширныхъ пастбищъ и громадныхъ количествъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и охраненіе ихъ отъ насильственныхъ захватовъ и расхищеній не могли входить въ кругъ воззрѣній патріархальнаго человѣка на трудъ и благосостояніе. Но мѣновой знакъ—или монета—даетъ возможность накоплять большія богатства и охранять ихъ безъ особеннаго труда. А въ то-же время со всѣхъ сторонъ надвигаются непреодолимыя опасности: одно племя старается захватить мѣсто другого, да кстати поработить и его своей власти. Человѣкъ постепенно теряетъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Появляющіеся тамъ и сямъ побѣдоносные завоеватели, созидатели будущихъ государствъ, вносятъ страхъ и тревогу въ мирную жизнь первобыт-

Digitized by Google

наго философа. И вотъ патріархальное воззрѣніе на благосостояніе и благоденствіе смѣняется естественнымъ стремленіемъ къ самоограждению, къ обезпеченію завтрашняго дня, къ накопленію богатствъ...

Съ теченіемъ времени государство окончательно формируется на фундаментѣ рабства: слабая, менѣе одаренная и защищенная часть человѣчества подчиняется власти болѣе сильной и болѣе счастливой въ дѣлѣ завоеваній и захватовъ...

Рабъ — слѣпое орудіе физическаго труда. Тяжелое ярмо пригнетаетъ и тѣло, и духъ. Свободная мысль первобытнаго философа навсегда и безповоротно поглощается единственной заботой о физическомъ существованіи, объ освобожденіи изъ-подъ ярма. Государство, породившее стремленіе къ накопленію богатствъ, само-же, въ лицѣ своихъ немногочисленныхъ господствующихъ классовъ, становится монополистомъ и въ дѣлѣ накопленія нравственныхъ богатствъ, т. е. знаній. Большинство человѣчества насильственно вырвано изъ своего, такъ сказать, самосозерцательнаго состоянія, насильственно отогнано отъ источника свѣта и добра; въ нѣдрахъ этого большинства остаются и цѣлыми вѣками задерживаются всѣ элементы невѣжества и косности патріархальнаго человѣка, но безъ его свободы и наклонности къ идеализаціи окружающаго его міра, къ отвлеченному мышленію. Господствующіе-же классы или побѣдители, въ свою очередь, пользуются знаніями по стольку, по скольку они

Digitized by Google

могутъ служить орудіемъ для ихъ цѣлей. Вотъ почему, по мѣрѣ возникновенія большихъ государствъ, философія и наука становятся достояніемъ отдѣльныхъ лицъ и небольшихъ кружковъ.

Участь философской мысли постигаетъ и богиню любви. Прозаическіе интересы порабощенной жизни уже не могутъ замѣнить ей навсегда потеряннаго Олимпа. Покинутая и оставленная на произволъ судьбы всѣми другими богами, она напрасно блуждаетъ по грязнымъ людскимъ торжищамъ, среди плача, воплей и звона цѣпей трудящагося люда: на пути ея встрѣчаются лишь или безъисходное горе, или всепоглощающая забота о завтрашнемъ днѣ, или безразсудный, необузданный развратъ...

Напрасно мы стали-бы искать хотя какіе-либо слѣды затерявшагося культа любви даже въ самую цвѣтущую эпоху классической поэзіи грековъ и римлянъ.

Освободившись отъ крайне притязательныхъ и отвлеченныхъ идеаловъ Олимпа, государственность быстро шла впередъ, собирая и сосредоточивая отдѣльные обрывки человѣчества, разнородные племена и народы, подавляя и обезличивая однихъ къ выгодѣ другихъ и связывая человѣческія массы, съ одной стороны, подневольнымъ трудомъ, рабствомъ, а съ другой стороны— общими чисто-матеріальными интересами.

Тутъ идеалъ любви, какъ основа равенства, уже не могъ находить себѣ мѣста, а накопленіе богатствъ и

Digitized by Google

власти въ однѣхъ рукахъ, при рабскомъ положеніи большинства, могло только повести къ узаконенію всякихъ видовъ насилія и несправедливости, къ развитію честолюбія, расточительности и разврата.

Неудивительно, поэтому, что и литература описываемыхъ эпохъ не отражала въ себѣ самаго прекраснаго изъ человѣческихъ чувствъ, за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ опредѣлявшаго и характеръ, и дѣятельность, и судьбы человѣка. Зато, ставъ на практическую почву, она не могла не принять протестующаго характера. Отмѣчать, выводить наружу и предавать публичному позору господствующіе пороки,—вотъ въ чемъ заключалась главная задача геніальнѣйшихъ поэтовъ классическихъ временъ Греціи и Рима.

Вотъ почему роль культа любви въ такихъ безсмертныхъ произведеніяхъ, какъ «Прометей, прикованный къ скалѣ» Эсхила, «Антигона» и «Эдипъ» Софокла, «Одиссея» Эврипида и друг., играетъ неумолимый Рокъ, карающій человѣческіе пороки во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, не щадя и заблуждающейся добродѣтели (какъ, напр., Эдипа, совершившаго невольное кровосмѣшеніе).

Практическимъ порокамъ противопоставляются и практическіе идеалы, которые не перестаютъ быть таковыми даже оттого, что они облечены въ полумиѳическую форму. Такъ какъ прозаическая государственная жизнь не давала пищи для самостоятельной поэтической мысли, то древніе поэты не находили ничего лучшаго, какъ пользоваться готовыми и чрезвычайно раз-

Digitized by Google

нообразными по красотѣ, изяществу и идеямъ образами миѳологическаго міра. Но отъ этого, повторяю, великій страдалецъ за человѣчество Прометей, самоотверженно отказывающійся отъ компромисса съ жестокимъ Зевсомъ, Антигона, ради возстановленія попранной справедливости—смѣло идущая на встрѣчу неукротимому гнѣву Креона и своей неизбѣжной смерти, Филоктетъ, ревниво охраняющій наслѣдіе Геракла, волшебныя стрѣлы—единственное средство покоренія Трои, и т. п.,—всѣ эти безсмертные образы не теряютъ своего реальнаго значенія выразителей величайшихъ добродѣтелей: патріотизма, самопожертвованія, правды и справедливости. Прекрасные монологи, произносимые Прометеемъ, Антигоной, Эдипомъ и др., обнаруживаютъ большую силу ума ихъ авторовъ, ведущихъ открытую борьбу съ тиранніею и порокомъ.

Но любовь—выраженіе чувства, достояніе сердца, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ неумолимая Судьба произноситъ и тутъ-же исполняетъ свой приговоръ, она остается на заднемъ планѣ... Нельзя считать выраженіемъ культа любви сладострастный лепетъ пьяной музы Алкея, Ивика и Анакреона. Одна только Сафо своей вдохновенно-страстной пѣсней иногда приводила въ смущеніе лесбійскихъ боговъ и напоминала о золотомъ вѣкѣ эротической поэзіи. Вообще-же, истинная олимпійская любовь очень мало слышится въ произведеніяхъ указанной эпохи греческой литературы, а тѣмъ болѣе въ эпикурейской литературѣ разлагающагося Рима временъ Тацита и Ювенала.

Digitized by Google

И въ Римѣ величайшіе писатели, наиболѣе близко примыкающіе къ началу нашей эры, не идутъ далѣе воспѣванія идиллической жизни и грубо-чувственныхъ наслажденій, какъ, напримѣръ, Альбій Тибуллъ и Секстъ Проперцій, или остроумной сатиры на общественные пороки, какъ, напримѣръ, Горацій Флаккъ, который, впрочемъ, и самъ недалеко ушелъ отъ своихъ современниковъ, рекомендуя имъ слѣдующую формулу жизни: «жизнь коротка, лови минуты наслажденій, избѣгай заботъ и дѣлъ, не думай о завтрашнемъ днѣ». Нужно-ли прибавить, что и литературные титаны той-же эпохи, Виргилій и Овидій, почти ничего не внесли въ область лирической поэзіи, единственной выразительницы культа любви?..

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Безконечно длинными и утомительно-долгими представляются нашему узкому и тѣсному кругозору,—сравнительно съ нашей скоротечной жизнью,—всѣ эти историческіе періоды нарожденія, развитія и паденія государствъ. Но что они значатъ передъ неизмѣримостью вселенной въ пространствѣ и во времени, если, напримѣръ, свѣтъ пробѣгаетъ сотни тысячъ верстъ въ секунду, а разстоянія между планетами опредѣляются милліонами и сотнями милліоновъ миль; если иныя звѣзды періодически появляются и исчезаютъ отъ нашихъ глазъ съ промежутками въ нѣсколько столѣтій, а можетъ быть, и тысячелѣтій!..

Такими точно періодически появляющимися и исчезающими звѣздами мнѣ представляются тѣ руководящіе

Digitized by Google

идеалы, которые возникаютъ наканунѣ нарожденія государства и постепенно меркнутъ или исчезаютъ по мѣрѣ его развитія и разложенія, съ тѣмъ, чтобы снова возникнуть при нарожденіи новаго государства на развалинахъ погибшаго. Даже десять заповѣдей, кажущіяся намъ столь доступными и примѣнимыми къ нашей дѣйствительности, такъ-же далеки отъ насъ, какъ слабый отблескъ начинающагося разсвѣта отъ своего прямого источника. Такою-же періодическою звѣздою является и культъ любви, свободно развивающійся въ миѳологическія времена и совершенно улетучивающійся при первой попыткѣ государства наложить на него свои рабскія оковы...

Но разложеніе римской имперіи было вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ возникновенія новыхъ формъ государственности. Раздавленный тяжестью своихъ собственныхъ пороковъ, Римъ постепенно сходилъ съ исторической сцены. Практическіе идеалы рабскаго формализма утратили свои обаяніе и силу. Потребовались новые источники жизни, болѣе дѣйствительныя средства нравственнаго возрожденія, чѣмъ сухія формулы общежитія, установленныя бездушнымъ римскимъ законодательствомъ.

И вотъ, среди всеобщаго разложенія и водворившейся въ жизни мерзости запустѣнія, снова раздается чарующій голосъ изъ давно забытой обители Афродиты. Культъ любви, совершившій свое періодическое странствованіе, снова возвратился на свое мѣсто. Это была

Digitized by Google

именно та самая чудесная звѣзда, которая привела волхвовъ въ Виѳлеемъ, къ колыбели Божественнаго Младенца...

Небесный призывъ къ любви—безотносительной и постоянной, любви, распространяющейся на всѣ наши помышленія и дѣйствія, любви къ ближнему—безъ какого-либо искательства и корысти, безъ возможности взаимнаго оскорбленія или обиды, любви къ женщинѣ—безъ возможности расторженія брака и ея вторичнаго замужества,—однимъ словомъ: призывъ къ любви цѣльной, невозмутимой и вѣчной,—вотъ что гласило первое слово христіанства, явившагося истиннымъ культомъ любви на смѣну разложившемуся сухому эпикуреизму языческаго Рима...

Наступаетъ своего рода новая эра первобытной идилліи; нарождается новый эпосъ, новая лирическая поэзія съ ея фантастическими легендами и элегіями,—точь въ точь какъ въ миѳологическія эпохи, предшествовавшія нашей исторіи.

Но не легко новому идеалу дается побѣда надъ поверженнымъ во прахъ языческимъ міромъ. Навстрѣчу этому идеалу идетъ новый врагъ—новая государственность, которая, въ видѣ безконечныхъ переселеній народовъ, многолѣтнихъ войнъ и взаимныхъ истребленій, наполняетъ цѣлое тысячелѣтіе страшными опустошеніями и тѣмъ-же языческимъ варварствомъ. Вотъ, почему полный разцвѣтъ культа любви мы встрѣчаемъ лишь въ средніе вѣка, въ пѣсняхъ трубадуровъ и мин-

Digitized by Google

незенгеровъ и въ романическихъ статутахъ блестящаго рыцарства *).

Любовь, какъ абсолютное чувство, находящее удовлетвореніе лишь въ самой себѣ и имѣющее своимъ источникомъ одно лишь общеніе двухъ душъ, естественно, не можетъ мириться съ прозаическою дѣйствительностью, не можетъ развиваться среди воинственныхъ кликовъ побѣдителей и отчаянныхъ стоновъ побѣжденныхъ, среди оглушительнаго бряцанія оружія и рева войны... И если среди бушующаго урагана военныхъ страстей Айвенго съ душевнымъ трепетомъ прислушивается къ нѣжному голосу страстно-любящей Ревеки; если среди адской рѣзни Варфоломеевской ночи злополучный Рауль переживаетъ мучительную душевную борьбу между пламенной любовью къ Валентинѣ и сознаніемъ долга, призывающаго его на помощь къ своимъ братьямъ,—то тутъ любовь уже утрачиваетъ свою первоначальную чистоту: наивысшее блаженство духа превращается въ величайшее страданіе...

Итакъ, не находя себѣ покоя среди сумятицы воинственныхъ страстей, любовь ищетъ себѣ пріюта вдали отъ вѣчно бушующихъ житейскихъ волнъ и находитъ его на горныхъ высотахъ, въ тѣхъ-же уединенныхъ замкахъ, изъ которыхъ, казалось-бы, и исходили всѣ переживавшіяся средне-вѣковымъ человѣчествомъ бѣд-

*) Граціозный образецъ сочетанія идеальной небесной любви съ чувственной приводится въ концѣ книги изъ высоко-поэтической трагедіи Гейне „Альманзоръ“.

Digitized by Google

ствія. Тамъ, среди безмятежнаго веселія господствующаго общества, раздавалась вдохновенная пѣсня любви изъ устъ одинокаго барда, трубадура, миннезенгера; тамъ женщина, предоставленная безмятежному созерцанію красотъ природы и наслажденію счастливымъ покоемъ, свободно культивировала въ себѣ ту божественную искру любви, тѣ фантастическіе образы, которые заронялись въ ея душу, прививались къ ея воображенію вдохновенной пѣснью миннезенгера... Среди такой поэтической атмосферы и мужчина, облекавшійся въ тяжелые доспѣхи, чтобы направиться на турниръ для состязанія съ своимъ соперникомъ или на брань съ врагомъ божественнаго ученія, чувствовалъ себя приподнятымъ надъ кровавой дѣйствительностью, руководимымъ на высокій подвигъ нѣжною рукою самой Святой Маріи... Культъ Мадонны цѣликомъ воплотился въ культѣ «служенія женщинѣ» (Minnedienst), — въ культѣ любви, чистой какъ кристаллъ, чуждой всякой физической страсти...

Такимъ, именно, я и представляю себѣ *неразрывный бракъ*, проповѣдуемый Христовымъ ученіемъ. Человѣчеству поставленъ идеаломъ бракъ, какъ культъ безмятежной любви, хотя и соединенной съ плотскими влеченіями и физическими страданіями, но не поступающейся для нихъ своею интенсивностью, а господствующей надъ ними. Такое любовное общеніе, конечно, уже само по себѣ не допускаетъ расторженія.

Но подверженному необходимости борьбы за суще-

Digitized by Google

ствованіе человѣчеству трудно было удержаться на высотѣ этого идеальнаго требованія. И потому въ самый разцвѣтъ средневѣковаго культа любви мы встрѣчаемся съ своеобразной попыткой найти компромиссъ между недосягаемымъ идеаломъ и непреодолимыми требованіями дѣйствительности. Если брачное сожительство поглощаетъ умъ и сердце своими повседневными матеріальными интересами, если постоянная забота о завтрашнемъ днѣ пригнетаетъ всякую независимость работы мысли, ограничиваетъ проявленія взаимныхъ симпатій до крайняго минимума, до полнаго ихъ подавленія, то невозможно-ли, соблюдая супружескій долгъ, не нарушая взаимныхъ обязательствъ, находить удовлетвореніе идеальному чувству хотя-бы внѣ этой тѣсной сферы?..

Вотъ вопросъ, который предлагалъ себѣ человѣкъ среднихъ вѣковъ, экзальтированный божественнымъ культомъ всеобщей любви. И отвѣтомъ на этотъ вопросъ явилось, дѣйствительно, крайне своеобразное раздвоеніе отношеній между двумя полами: женщина, отдавая мужу свое тѣло, свой трудъ, свои заботы о хозяйствѣ, воспитаніи дѣтей, все то время, которое требуется для ухода за супругомъ, для исполненія всѣхъ указанныхъ супружескихъ обязанностей, оставляла, однако, за собою полную независимость духа и воображенія, полную свободу любви въ самомъ идеальномъ смыслѣ. Оставаясь безусловно вѣрной мужу, она всѣми силами и порывами своей души, своего воображенія, любила

Digitized by Google

другого... Но это вовсе не такъ страшно, какъ можетъ намъ показаться въ настоящее время, когда любовь къ другому очень рѣдко не представляетъ собою прямого нарушенія супружескихъ обязанностей...

Средневѣковая дама имѣла рыцаря своего сердца, которому дѣйствительно принадлежала ея любовь, но безъ всякой примѣси матеріальнаго, плотскаго интереса: реально эта любовь могла выражаться только въ рукопожатіи, въ любезномъ поклонѣ, совмѣстномъ посѣщеніи турнировъ и другихъ празднествъ, поцѣлуѣ, даже платоническихъ объятіяхъ... Но надо вспомнить, что рыцарь часто избирался на турнирѣ съ опущеннымъ забраломъ, съ неизвѣстнымъ именемъ... Вопросъ о тѣлесной красотѣ рыцаря, даже о его происхожденіи оставался на заднемъ планѣ. Идеаломъ, покорявшимъ сердце женщины, являлись въ данномъ случаѣ не физическія наслажденія любви, а высокій подвигъ, необычайная сила, великое самопожертвованіе, неподкупная добродѣтель. Однимъ словомъ, все то, что не можетъ быть скрыто ни стальной кольчугой, ни опущеннымъ забраломъ. Женщина любила въ лицѣ своего рыцаря, своего рода, полубога, Апполона, карающаго порокъ и защищающаго добродѣтель...

Само собою разумѣется, что «законный» супругъ ничего не могъ имѣть противъ подобнаго поклоненія неосязаемому идеалу и противъ внѣшняго выраженія этого поклоненія общепринятыми признаками: рукопожатіемъ, поцѣлуемъ и т. п. При томъ-же онъ и самъ яв-

Digitized by Google

лялся «рыцаремъ сердца» по отношенію къ другой дамѣ. Компромиссъ имѣлъ характеръ полной взаимности и раздѣленіе правъ мужа и «рыцаря сердца» или любовника съ теченіемъ времени настолько опредѣлилось, что даже стало предметомъ нѣкотораго рода обычнаго права. Существовали даже, подъ предсѣдательствомъ королевъ и другихъ владѣтельныхъ особъ, дамскіе суды любви, на которыхъ обиженный рыцарь могъ предъявлять претензіи къ своей возлюбленной, напр., о томъ, что она не отвѣтила ему должнымъ поклономъ, не наградила его заслуженнымъ поцѣлуемъ, а подсудимая могла объяснить въ свое оправданіе, что она не могла исполнить своего долга по отношенію къ любовнику, такъ какъ мужъ былъ въ это время дома.

Вотъ одно изъ постановленій указанныхъ любовныхъ судовъ, сохранившихся во французскихъ памятникахъ XII столѣтія:

Судъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ графини Шампанской (замѣтимъ—дѣйствительно существовавшей, а не каррикатурной). Шла рѣчь, именно, о разграниченіи правъ супруга и любовника. Поставленъ былъ вопросъ: «можетъ-ли существовать истинная любовь между лицами, состоящими въ супружествѣ?». Судъ устами графини Шампанской отвѣчаетъ:

«Мы говоримъ и утверждаемъ собраніемъ присутствующихъ, что любовь не можетъ распространять свои права на лица, состоящія въ супружествѣ. Любовники соглашаются во всемъ *безвозмездно и естественно*, су-

Digitized by Google

пруги-же должны *по обязанности* переносить взаимно свою волю и ни въ чемъ не отказывать другъ другу. Пусть это рѣшеніе, которое мы постановили съ крайнимъ благоразуміемъ и согласно съ мнѣніемъ большого числа другихъ дамъ, будетъ для насъ постоянною и неопровержимою истиною. Рѣшено въ 1174 году по Р. Х., въ третій день майскихъ календъ, седьмое собраніе»...

Надо-ли говорить, что мы даже мысленно не можемъ приблизиться нынѣ къ этимъ своеобразнымъ воззрѣніямъ на брачный союзъ, какъ не въ состояніи найти не только въ нашихъ чувствахъ, но и въ нашемъ разсудкѣ какого-либо оправданія практиковавшемуся въ тѣ-же средніе вѣка чудовищному обычаю предоставленія женъ и дочерей въ распоряженіе гостей...

Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни...

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Бесѣдуя съ просвѣщенными читательницами и читателями, я не считаю нужнымъ вдаваться въ историческія подробности, извѣстныя каждому со школьной скамьи или изъ самостоятельнаго чтенія. Поэтому я касаюсь цѣлыхъ эпохъ и отдѣльныхъ явленій лишь настолько, насколько это необходимо для освѣщенія моей основной идеи, что любовь является единственнымъ дѣйствительнымъ, основнымъ и верховнымъ руководящимъ началомъ нашей земной жизни; что къ этому началу, какъ единственному источнику, сводится все, что выходитъ за предѣлы нашихъ будничныхъ интересовъ: и религія, и нравственность, и красота, и добродѣтель, и правда, и справедливость. Существованіе этого всеобъемлющаго культа въ данную эпоху обязательно сказывается не въ однѣхъ только религіозныхъ воззрѣ-

Digitized by Google

ніяхъ и литературѣ, но и въ непосредственной жизни. Классическія эпохи знали не только цѣлую эротическую миѳологію съ соотвѣтствующею ей литературою, но и многочисленные храмы и всенародныя празднества любви... Почти то-же самое мы видимъ и въ средніе вѣка: культъ Мадонны отождествляется съ рыцарскимъ служеніемъ любви и оба эти явленія находятъ себѣ самое полное и разнообразное выраженіе въ обширной литературѣ...

Выводъ отсюда вполнѣ ясенъ: тамъ, гдѣ нѣтъ подобнаго сліянія и отождествленія высшихъ идеаловъ, нѣтъ и любви въ истинномъ смыслѣ этого слова...

Я изобразилъ передъ читателемъ одну только идеальную сторону средневѣкового культа любви. Ни одинъ изслѣдователь, конечно, не можетъ поручиться за то, что дѣйствительная жизнь всегда поддерживала строгое равновѣсіе въ раздвоенной натурѣ средневѣковой женщины, а нѣкоторые изслѣдователи, руководствуясь современнымъ намъ опытомъ, даже съ большимъ недовѣріемъ относятся къ идеальнымъ достоинствамъ средневѣкового платонизма.

Не стану спорить.

Дѣйствительно, трудно на длинномъ пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ провести точную границу между эпохой совершенно отвлеченнаго культа любви и эпохой возрожденнаго анакреонизма. Зато литературные памятники среднихъ вѣковъ, въ которыхъ культъ любви нашелъ себѣ надежный пріютъ послѣ долгаго

Digitized by Google

скитальчества по уединеннымъ замкамъ и бродяжничества по большимъ дорогамъ въ обществѣ кочевыхъ трубадуровъ и миннезенгеровъ, показываютъ, что сознаніе руководящаго, главенствующаго значенія любви выдержало долгую и упорную борьбу съ надвигавшеюся со всѣхъ сторонъ новою государственностью...

Уже въ первыхъ произведеніяхъ итальянскихъ поэтовъ: Гвиничелли, Орланди, Кваль канти, Фрескобальди, Чино-деи-Синибальди и другихъ мы видимъ попытку обосновать любовь, именно, какъ верховное начало добродѣтели, справедливости и правды; возвести ее на степень недосягаемаго идеала, поселить ее въ небесахъ и молиться на нее...

Гвиничелли находитъ, что возвышенное чувство любви доступно не каждому человѣку, а только человѣку съ благороднымъ сердцемъ (al cor gentil ripara sempre amore), т. е. что человѣкъ долженъ умѣть возвыситься до нея, заслужить ее... Орланди задается вопросомъ о сущности природы любви. «Откуда исходитъ и гдѣ рождается любовь? — спрашиваетъ онъ. Какое присуще ей мѣсто, гдѣ пребываетъ она? Субстанція-ли она, или случайное явленіе, или одно воспоминаніе?». Фрескобальди утверждаетъ, что «любовь не столько чувственная страсть, сколько умственное созерцаніе и недосягаемый идеалъ». У Чино «donna dea» — «не изъ земныхъ существъ—самъ Богъ ниспослалъ ее».

За этой плеядой полуклассическихъ поэтовъ идутъ уже извѣстные всѣмъ и каждому титаны средневѣковой

Digitized by Google

поэзіи: Данте—пѣвецъ Беатриче, Петрарка — пѣвецъ Лауры и Боккачіо—пѣвецъ Фьяметты. Данте прямо заявляетъ, что его поэтическое и философское вдохновеніе является плодомъ его безпредѣльной любви къ Беатриче, что это душевное настроеніе служило ему единственнымъ средствомъ для того, чтобы поддерживать постоянное общеніе между нею и своею душою. Беатриче не просто женщина, она — «символъ божественнаго откровенія, идеальной Христовой церкви». Мѣсто ея среди небожителей, которые постоянно окружаютъ и прославляютъ ее. Дальше, казалось-бы, идеализація любви уже идти не можетъ, но Петрарка еще превосходитъ его, и его Лаура является уже отождествленіемъ Св. Троицы. Лаура—источникъ всякаго блаженства, всякаго счастья, всѣхъ добрыхъ началъ человѣческой природы. «Отъ нея приходитъ къ тебѣ та любовная мысль, за которой ты слѣдуешь и которая приводитъ тебя къ верховному благу... Отъ нея къ тебѣ приходитъ то благородное мужество, которое направляетъ тебя къ небесамъ по прямой стезѣ»... Менѣе божественна и болѣе приближается къ анакреоновскимъ богинямъ (за что она, вѣроятно, и попала въ современную оперетку)—Фьяметта, путеводная звѣзда генія Боккачіо. Она стоитъ уже ступенью ниже Лауры и Беатриче—и съ этого момента культъ любви уже никогда не поднимается, по выраженію Данте, до той высоты

Небесъ, гдѣ обитаетъ чистый свѣтъ,
Свѣтъ умственный, любви, добра и вѣчный.

Digitized by Google

Можемъ-ли мы представить себѣ въ наше время поэта, который дерзнулъ-бы доводить идеализацію любви до такой фантастической высоты и въ то-же время разсчитывалъ-бы когда-нибудь попасть въ пантеонъ классическихъ пѣвцовъ? Гомерическій хохотъ толпы былъ-бы ему наградой. А критика? И она не погнушалась-бы толкнуть ногой распростертую во прахѣ жертву...

Мы только-что стояли на очень высокой горѣ. Чтобы подняться на нее, мы должны были долго пробираться по забытымъ и запущеннымъ путямъ, среди гробницъ и развалинъ. Зато мы, стоя на вершинѣ ея, были вознаграждены такимъ ослѣпительнымъ зрѣлищемъ истиннаго блаженства человѣческаго духа, передъ которымъ меркнетъ все наше нынѣшнее земное благополучіе... Но—увы!--по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся съ этой горы, ярко-пылающая звѣзда любви все болѣе и болѣе удаляется отъ насъ по закатывающемуся горизонту, и, очутившись внизу, мы уже теряемъ изъ виду даже послѣдній отблескъ ея на суровомъ фонѣ неба...

Но уже въ самый разгаръ средневѣковаго романтизма замѣчается вполнѣ естественная реакція противъ излишествъ любовнаго формализма и рыцарскаго авантюризма, и сатира постепенно вытѣсняетъ собою напыщенный пафосъ лирической поэзіи и сказочный характеръ романтическихъ сюжетовъ...

Самодовольное бездѣйствіе, взаимныя истребленія и полное отсутствіе умственнаго развитія въ феодальныхъ классахъ даютъ постепенно перевѣсъ нравственному и

Digitized by Google

матеріальному вліянію городскихъ элементовъ—этихъ застрѣльщиковъ прогрессирующей государственности. Поэтическіе замки, съ ихъ беззаботною жизнью, пустѣютъ и предаются забвенію. Трубадуры съ ихъ очаровательными балладами очень рано исчезаютъ въ области преданія. Приходящій имъ на смѣну рыцарскій романъ является уже послѣднимъ отголоскомъ давно прекратившихся рыцарскихъ турнировъ и празднествъ бездѣйствія... Въ концѣ концовъ, свѣтлый обликъ средневѣковаго носителя культа любви смѣняется карикатурными изображеніями испанскаго Донъ-Кихота и нѣмецкаго Ульриха-фонъ-Лихтенштейна...

Предъ нами опять открывается картина развалинъ, не менѣе поэтическихъ, чѣмъ тѣ, которыя мы видѣли раньше съ только-что покинутой нами высоты,—это разрушенный до основанія феодализмъ, подъ которымъ навсегда погребена и столь увлекательная по своей чистотѣ, столь возвышенная по самой своей сущности рыцарская любовь...

Вотъ, почему уже на самомъ рубежѣ этого генеральнаго крушенія средневѣковаго міра, когда послѣдніе немногочисленные представители его являются чѣмъ-то въ родѣ камердинеровъ или камеръ-лакеевъ Людовика XIV, когда централизація государственности доведена была до кульминаціоннаго пункта, окрещеннаго девизомъ: «l'état c'est moi», рядъ такихъ блестящихъ поэтовъ и писателей, какъ Корнель, Расинъ, Мольеръ, Лафонтенъ и др., представляются намъ окончательно отрѣ-

Digitized by Google

шенными отъ всякой склонности къ идеализаціи любви. Успѣхи государственности распространялись по всѣмъ направленіямъ: на службѣ у нея оказались не только остатки недавно павшаго независимаго феодализма, но и сама поэзія, питавшаяся около него. Какъ извѣстно, меценатство въ просвѣщенный вѣкъ Людовика XIV достигло крайняго своего развитія...

Съ этого момента начинается уже современный намъ фазисъ практической или будничной жизни. Не ставши еще сама предметомъ исторіи, эта жизнь лучше всего характеризуетъ себя тѣмъ насмѣшливымъ значеніемъ, которое она придаетъ такимъ многозначительнымъ словамъ, какъ: «классицизмъ», «романтизмъ» и «сентиментализмъ». Ироническій смыслъ этихъ терминовъ—слѣдующій: «о, какъ-же, однако, были смѣшны и негодны эти люди, искавшіе себѣ душевнаго удовлетворенія въ эротическихъ похожденіяхъ и поэтическомъ самоуглубленіи!..»...

Едва-ли мы, въ итогѣ всего сказаннаго, впадемъ въ большое преувеличеніе, если поставимъ слѣдующую формулу:

Развитіе и процвѣтаніе культа любви обратно пропорціональны успѣхамъ государственности...

Но мнѣ возразятъ: не служитъ-ли эта формула доказательствомъ и не видимъ-ли мы, большею частью, на самомъ дѣлѣ, что человѣкъ можетъ весь вѣкъ свой прожить безъ любви, такъ часто вносящей разладъ между его личными наклонностями и гражданскимъ

Digitized by Google

призваніемъ? Не спорю. Но, вѣдь, путемъ кастраціи,— отвѣчу я,—человѣкъ можетъ окончательно освободиться даже отъ самаго полового влеченія! А это, какъ и, вообще, искусственное подавленіе въ себѣ чувства любви, есть до извѣстной степени убійство духа и плоти или самоубійство... Отсюда-же и вытекаютъ всѣ эти тяжелыя разочарованія и гражданскія и національныя скорби, которыя періодически разрѣшаются губительнымъ пессимизмомъ и всеразлагающимъ скептицизмомъ...

«Для чего мы живемъ?» — любимая тема нашего времени...

Для того, отвѣчаетъ намъ природа, чтобы *любить*, чтобы, наслаждаясь блаженствомъ любви, исполнять мои велѣнія... Цѣль вашей жизни, именно, въ этомъ блаженствѣ. Не моя вина, если оно не находитъ себѣ мѣста въ вашихъ сердцахъ, наполненныхъ честолюбіемъ, любостяжаніемъ и заботами объ искусственно созданномъ вами завтрашнемъ днѣ»...

Я покончилъ съ философской стороной вопроса.

Вся задача изложеннаго до сихъ поръ заключалась въ томъ, чтобы установить общій теоретическій взглядъ на предметъ, не загромождая его излишней эрудиціей. Если-бы я вздумалъ подкрѣплять свои доводы соотвѣтствующими цитатами и подробнымъ изложеніемъ фактовъ и событій, то настоящія бесѣды уже давно разрослись-бы въ объемистый томъ. Предоставляю это сдѣлать нашимъ патентованнымъ компи-

Digitized by Google

ляторамъ, составившимъ себѣ громкую извѣстность искуснымъ эскамотированіемъ чужихъ мыслей... Я далъ канву, пусть другіе выводятъ на ней какіе-угодно узоры...

Digitized by Google

Digitized by Google

ПСИХОЛОГІЯ ЛЮБВИ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Что такое любовь? Гдѣ ея источникъ и мѣсто въ душѣ или организмѣ человѣка? Субстанція-ли она, по выраженію одного итальянскаго поэта,—или простое чувство, или «мысленное созерцаніе»,—по выраженію другого поэта?...

Поставьте эти вопросы на самую колоссальную премію, и вы можете быть увѣрены, что она никому не будетъ присуждена...

Чтобы сколько-нибудь удовлетворительно отвѣтить на эти вопросы, нужно прежде всего уяснить себѣ: что такое чувство, *вообще*, какъ оно въ насъ проявляется, достигаетъ нашего сознанія, превращается въ движеніе и т. д.

Психологія, правда, не особенно затрудняется въ данномъ случаѣ отвѣтами. Заручившись довольно неопре-

Digitized by Google

дѣленнымъ представленіемъ о структурѣ нервной системы, она чувствуетъ подъ собою достаточно реальную почву, чтобы уже съ полнымъ правомъ говорить о духовныхъ свойствахъ человѣка, и не только говорить, но и совершенно свободно распоряжаться въ человѣческой душѣ, разгораживать ее на отдѣльныя сферы и открывать въ ней различныя самостоятельныя или независимыя функціи.

Въ любомъ учебникѣ психологіи вы найдете рядъ главъ: сначала—спеціально о душѣ, потомъ о различныхъ ея функціяхъ: волѣ, познавательной способности, силѣ воспріимчивости, вниманіи, мышленіи, силѣ интеллекта, разумѣ, разсудкѣ и т. д. Но напрасно вы стали-бы искать реальную основу всѣхъ этихъ педагогическихъ подраздѣленій или, хотя-бы, болѣе или менѣе логическія соотношенія между отдѣльными «силами»: то хозяиномъ тѣла является душа, непосредственно руководящая волею, то, наоборотъ, воля господствуетъ надъ душею, понуждая ее, напримѣръ, сосредоточиваться на данномъ предметѣ, чтобы вызвать силу «вниманія»...

Положительно, на основаніи безспорнаго опыта, намъ извѣстно только одно, а именно: что нервная система составляетъ главное, а, можетъ быть, и единственное орудіе всей нашей психической дѣятельности; что источникомъ дѣятельности этой системы являются, такъ называемые, мозговые центры (т. е. спинной и головной мозгъ), которые связаны съ чувствительной поверх-

Digitized by Google

ностью нашего тѣла, съ одной стороны, и съ его мускулами, съ другой стороны, посредствомъ двухъ родовъ нервовъ—чувствительныхъ и двигательныхъ. Уже самыя названія этихъ нервовъ показываютъ, что первые изъ нихъ передаютъ наши ощущенія нервнымъ центрамъ, т. е. доводятъ ихъ до нашего сознанія, а вторые передаютъ внутренніе нервные импульсы наружу, производя сокращенія нашихъ мускуловъ и вызывая соотвѣтствующія имъ движенія. Наконецъ, извѣстно также, что не всѣ ощущенія, передаваемыя чувствительными нервами, сообщаются головному мозгу, т. е. доводятся до нашего сознанія. Такія ощущенія и соотвѣтствующія имъ движенія называются рефлективными, т. е. непроизвольными, безсознательными...

Вотъ все, что намъ извѣстно *положительно*. Передъ нами одинъ только общій контуръ нервнаго аппарата. Затѣмъ слѣдуетъ безконечный рядъ, связанныхъ съ нимъ, совершенно непостижимыхъ явленій, обобщаемыхъ нами подъ названіемъ души или духовнаго міра.

Какъ видите, кромѣ безспорнаго факта зависимости этихъ явленій отъ посредника, называемаго нами нервной системой, никакой реальной подкладки подъ ними не имѣется. Поэтому, говорить, напримѣръ,—какъ это дѣлаетъ психологія,—что духовныя явленія находятся въ зависимости отъ количества накопляющейся въ мозгу и освобождаемой имъ нервной энергіи, значитъ—рѣшительно ничего не объяснять. Вѣдь, самыя представленія о нервной энергіи, мозговой силѣ и, вообще, о

Digitized by Google

назначеніи каждой части мозга суть произвольныя догадки, построенныя на основаніи одной только аналогіи, напримѣръ, съ лейденской банкой, съ электрическимъ токомъ и т. п. Разъ-же дозволительно въ подобныхъ случаяхъ прибѣгать къ помощи аналогіи, то, въ указанномъ отношеніи, съ такимъ-же правомъ можно нервную систему сравнивать съ организаціею нашего голосового аппарата и хотя-бы, напр., со скрипкою.

Извѣстно, что изъ однѣхъ и тѣхъ-же струнъ мы извлекаемъ самые разнообразные звуки: и рѣзкіе, и мягкіе, и тихіе, и громкіе, и грустные, и веселые. Путемъ извѣстнаго способа комбинированія тоновъ, мы на одной и той-же скрипкѣ исполняемъ и нѣжную арію, и бурный галопъ, и за душу хватающую элегію. Тоже самое мы производимъ посредствомъ нашихъ голосовыхъ связокъ. Нервная система, состоящая изъ, такъ-называемыхъ, нервныхъ массъ и нитей, также передаетъ нашему сознанію самыя разнообразныя состоянія нашего организма. Но относительно скрипки и голосовыхъ связокъ намъ извѣстно, что производимыя ими музыкальныя явленія находятся *внѣ* ихъ, что эти инструменты служатъ лишь вибрирующими посредниками для передачи воздушныхъ колебаній нашему слуховому аппарату. Матеріальный составъ струны или голосовой связки играетъ въ данномъ случаѣ роль лишь на столько, на сколько онъ дѣлаетъ ихъ способными къ исполненію возложенной на нихъ работы. То-же самое приходится сказать и относительно нервной системы: матері-

Digitized by Google

альный составъ ея,—какъ вы его ни называйте,—можетъ имѣть значеніе развѣ только въ отношеніи доброкачественности ея, какъ *проводника* извѣстныхъ явленій, но не какъ *источника* этихъ явленій. Разъ-же мы отдѣлимъ нервную систему отъ духовныхъ явленій, какъ скрипку и горло отъ музыкальныхъ, то и въ томъ, и въ другомъ случаѣ у насъ по прежнему останется открытымъ вопросъ: въ чемъ-же собственно заключается сущность разсматриваемыхъ явленій?

Очевидно, источникомъ всѣхъ нашихъ психологическихъ недоразумѣній является искусственное выдѣленіе духовнаго міра человѣка изъ общаго. Намъ не хочется признать, что тѣ явленія, которыя совершаются черезъ посредство нашей нервной системы, находятся *внѣ насъ*, какъ пламя горящей свѣчи—внѣ этой свѣчи, какъ мелодія—внѣ инструмента; что всѣ эти явленія представляютъ собою въ насъ только отраженія *внѣшней, всеобщей міровой гармоніи*. Потому-то, находясь въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ внѣшними явленіями, мы не способны провести точную границу между тѣмъ, что относится къ сферѣ всеобщихъ законовъ, и тѣмъ, что составляетъ спеціальныя свойства нашихъ органовъ чувствъ. Мы говоримъ, напр., что свѣтъ пробѣгаетъ въ секунду 280,000 вер., а звукъ —1,100 фут. Мы судимъ объ этомъ по времени, проходящему между возникновеніемъ свѣта и звука и воспріятіемъ ихъ нашими зрительными и слуховыми органами. Но кто-же поручится за то, что, такъ-называемая, ско-

Digitized by Google

рость свѣта или звука не опредѣляетъ только скорости воспріимчивости нашихъ органовъ и что въ дѣйствительности свѣтъ и звукъ вовсе не знаютъ ни времени, ни разстоянія? Тогда, пожалуй, намъ останется только прійти къ заключенію, что и самого времени, и самого пространства, въ дѣйствительности, не существуетъ...

Становясь на эту точку зрѣнія, мы вынуждены отказаться отъ всякой попытки опредѣленія сущности нашихъ духовныхъ явленій и, не стѣсняясь никакими научными трафаретками, говорить о нашихъ духовныхъ состояніяхъ такъ, *какъ они воспринимаются нашими чувствами и проявляются нашимъ сознаніемъ.*

Однимъ изъ такихъ состояній и представляется любовь. Психологія отводитъ этому состоянію очень мало мѣста, включая его въ категорію тѣхъ случайныхъ чувствованій, которыя могутъ быть и не быть присущи человѣку, которыя не имѣютъ въ насъ особыхъ духовныхъ функцій и носятъ, такъ сказать, лишь временный характеръ.

Это, конечно, вполнѣ вѣрно, если разсматривать состояніе любви съ точки зрѣнія случайныхъ явленій: симпатій или сочувствія. Есть у меня предметъ такой симпатіи,—значитъ, она въ данную минуту во мнѣ существуетъ; нѣтъ такого предмета,—значитъ, и симпатичнаго влеченія во мнѣ нѣтъ. Все равно, что лѣтомъ я не ощущаю холода, а зимою на улицѣ—тепла. Но проанализируйте состояніе любви въ самомъ процессѣ

Digitized by Google

его проявленія, и вы сразу увидите, что если оно иногда находится въ человѣкѣ въ потенціальномъ состояніи, то, разъ возбужденное, оно становится уже господствующимъ надъ всѣми остальными чувствами и регулирующимъ весь организмъ.

Возьмемте любое, такъ называемое, нравственное состояніе: скуки, печали, обиды и т. п. При каждомъ изъ подобныхъ состояній человѣкъ чувствуетъ себя до извѣстной степени удрученнымъ, придавленнымъ или раздраженнымъ; но противъ каждаго изъ нихъ есть противоядіе: скуку и печаль не трудно разсѣять, обида скоро забывается; общія-же свойства этихъ состояній— кратковременность и полная совмѣстимость съ другими состояніями: скучающій человѣкъ охотно наслаждается чтеніемъ, удрученный печалью находитъ себѣ удовлетвореніе въ выраженіяхъ сочувствія, въ молитвѣ и т. п.

Ничего этого нельзя сказать о состояніи любви. Оно не только овладѣваетъ цѣлымъ человѣкомъ, всѣми его чувствами и мыслями, но остается въ немъ *постоянно*, а при отсутствіи удовлетворенія—превращается въ безпрерывное страданіе, поглощающее всѣ другія состоянія.

Смѣшивать любовь съ, такъ называемыми, симпатіями—значитъ вовсе не понимать этого состоянія. Симпатіи къ родителямъ и, вообще, къ близкому человѣку или знакомому, конечно, обусловливаютъ собою извѣстнаго рода взаимную или хотя-бы только одностороннюю

Digitized by Google

привязанность; но это состояніе вовсе не обусловливаетъ собою постояннаго общенія между субъектами, не вызываетъ мучительныхъ страданій разлуки и, вообще, не поглощаетъ всѣхъ другихъ наклонностей, влеченій и чувствованій. Любовь-же есть, именно, такое всеобъемлющее состояніе, которое поглощаетъ въ себѣ всѣ отдѣльные виды и проявленія симпатіи. Ради любви человѣкъ пожертвуетъ всѣми своими привязанностями: родственными, дружественными и т. п. Охваченный этимъ состояніемъ и не находя ему удовлетворенія, онъ часто забываетъ даже свои физіологическія потребности. Общая чувствительность, какъ будто, въ немъ притупляется. Умъ его постоянно направленъ въ одну сторону—къ предмету своего влеченія. Необычайная разсѣянность кладетъ на него какой-то особенный отпечатокъ не то грусти, не то болѣзненнаго состоянія. Читая книгу, онъ машинально пробѣгаетъ строки, не вдумываясь въ ихъ содержаніе. Иногда онъ съ досадой отбрасываетъ отъ себя книгу, отнявшую у него нѣсколько минутъ сладостнаго размышленія о своей любви. Ему хотѣлось-бы, чтобы каждая строка говорила о его чувствѣ, отвѣчала на его мысли. Крайне возбужденное, такъ сказать—приподнятое состояніе дѣлаетъ его нетерпѣливымъ по отношенію къ своимъ собесѣдникамъ: онъ не выноситъ длинныхъ разговоровъ о постороннихъ предметахъ; ему хотѣлось-бы со всѣми подѣлиться своимъ чувствомъ, всѣ разговоры сводить къ своему любимому предмету. Проникнутый влеченіемъ къ одной

Digitized by Google

женщинѣ, онъ почти не замѣчаетъ другихъ женщинъ, хотя-бы и болѣе красивыхъ, и болѣе симпатичныхъ, и болѣе умныхъ. Если какая-нибудь женщина привлечетъ къ себѣ его вниманіе своей наружностью или одеждою, напоминающими предметъ его любви, то у него непремѣнно мелькнетъ мысль: «ахъ, почему это не *она!*». Дни и ночи тянутся для него утомительно долго. Онъ ложится и встаетъ съ одной только мыслью о своемъ чувствѣ. Онъ лишь машинально исполняетъ свои обязанности съ досадливымъ сознаніемъ невозможности избавиться отъ нихъ...

Мы сказали, что, оставаясь безъ соотвѣтствующаго удовлетворенія, это состояніе превращается въ безконечное страданіе; надо прибавить, что оно даже и непосредственно выражается физическою болью; точно что-то извнутри сильно надавливаетъ на грудную клѣтку, дыханіе становится затруднительнымъ и головной мозгъ кажется болѣзненно напряженнымъ. Врачъ изобразилъ-бы слѣдующую исторію болѣзни: плохой аппетитъ, ослабленіе пульса, упадокъ нервной энергіи, наклонность къ обморочности,—и прописалъ-бы, разумѣется, успокоительное средство въ видѣ нѣсколькихъ капель лавро-вишневой микстуры...

Врачу, конечно, простительно игнорировать восторженное увѣреніе Суламиты, что не только нѣсколько лавро-вишневыхъ капель, но и всѣ океаны, вмѣстѣ взятые, неспособны залить пылающую любовь...

Цѣликомъ охваченный описаннымъ состояніемъ,

Digitized by Google

человѣкъ болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуетъ свою ограниченность въ пространствѣ и во времени; болѣе, чѣмъ когда-либо, сознаетъ себя орудіемъ чисто внѣшнихъ силъ и вліяній. Сердце, грудь — или другое воображаемое помѣщеніе любви—оказывается недостаточно вмѣстительнымъ для этого рокового влеченія, проникающаго въ него извнѣ. Вы часто услышите отъ такого субъекта: «Сердце разрывается у меня на части, душа рвется наружу, мнѣ тѣсно вокругъ!»... Здѣсь нѣтъ и тѣни самообмана: сознаніе его, дѣйствительно, проникаетъ гораздо дальше испытываемаго имъ физіологическаго чувства. Умъ его направленъ въ безпредѣльную даль; ему хотѣлось-бы обнять все пространство, всю вселенную, проникнуть сквозь небесную твердь... Смутно или инстинктивно онъ чувствуетъ, что обуревающее его влеченіе есть только слабый отзвукъ какой-то всеобщей, гигантской, невообразимой силы; что онъ въ данную минуту является лишь едва замѣтнымъ атомомъ этой міровой безконечности, пассивнымъ выразителемъ всеобщей божественной гармоніи...

Напрасно Ромео молитъ свою возлюбленную:

О, Джульетта!
Когда восторгъ твой равенъ моему
И выразить его ты въ состояніи,
То выскажись. Наполни воздухъ чистымъ
Дыханьемъ устъ и сладкимъ звукомъ рѣчи,
Чтобъ выразить то дивное блаженство,
Какое мы, сойдясь, вкушаемъ здѣсь.

Digitized by Google

Джульетта отвѣчаетъ:

О, милый, счастье можетъ выражаться
Лишь чувствомъ—не словами! Для него
Не надобны пустыя украшенья.
Блаженствомъ бѣденъ тотъ, кто въ состояніи
Описывать его. Что до меня,
Я такъ люблю тебя, что неспособна
На половину высказать того,
Что чувствую...

Я уже говорилъ выше, что наше половое влеченіе есть только одно изъ проявленій всеобщихъ законовъ притяженія и тяготѣнія. Въ состояніи любви человѣкъ это испытываетъ довольно сознательно, и поэты нисколько не фантазируютъ, стараясь облекать это взаимодѣйствіе духа и силъ природы въ разные неземные образы, идеалы и метафоры *). Только при такомъ сознаніи безусловнаго тождества души и природы и возможно созданіе такихъ поэтическихъ образовъ, какъ Беатриче и Лаура, которыя, занимая почетныя мѣста среди небожителей, не прекращаютъ своего общенія и со смертными...

Читатели поймутъ теперь, почему я въ самомъ началѣ такъ подробно останавливался на выясненіи реальной безпочвенности нашихъ психологическихъ познаній. Въ состояніи любви особенно рѣзко выражается выведенное мною положеніе, что, такъ назы-

*) Байронъ: «Чайльдъ-Гарольдъ», пѣснь четвертая, CXXI—CXXIII.—«Глуръ».

Digitized by Google

ваемый, духовный міръ цѣликомъ находится внѣ насъ, во всеобщей гармоніи, а наша нервная система является только болѣе или менѣе совершеннымъ инструментомъ для его отраженія.

Digitized by Google

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Но вотъ *они* встрѣтились — эти два злополучныхъ существа, одержимыхъ непреодолимымъ взаимнымъ влеченіемъ, которое дѣлаетъ ихъ столь смѣшными въ глазахъ окружающаго ихъ *дѣлового* міра... Какая небесная радость свѣтится въ ихъ глазахъ! Какимъ восторженнымъ настроеніемъ дышетъ каждая черта въ ихъ лицѣ, каждое движеніе! Куда дѣвался недавній отпечатокъ грусти, выраженіе угнетенности, боль въ груди, туманъ, застилавшій мозгъ! Имъ вдругъ стало и просторнѣе, и легче: въ двухъ сердцахъ все-таки больше мѣста, чѣмъ въ одномъ...

Пусть надъ ними смѣются, пусть ихъ считаютъ съумасшедшими,—какое имъ дѣло до всего окружающаго! Души ихъ слились въ упоеніи безграничнымъ блаженствомъ, въ созерцаніи красотъ природы... Тихій говоръ

Digitized by Google

деревьевъ, волнующій душу ароматъ цвѣтовъ, чудные узоры смѣющихся полей, свѣтлое, какъ глаза ангела, зеркало воды, чарующая пѣсня безмятежнаго соловья— и всеобщая божественная красота,—вотъ та среда, въ которой два влюбленныхъ сердца чувствуютъ безпрерывное общеніе съ всеобщей гармоніей, сознаютъ себя свободными отъ гнетущихъ цѣпей скоротечной жизни *).

Смѣйтесь надъ этой идилліей, глумитесь надъ этимъ сентиментализмомъ!.. Но кто вамъ сказалъ, что вы, изсушенныя прозой жизни сердца, творите на землѣ дѣло, болѣе достойное человѣческаго призванія, чѣмъ это идиллическое общеніе съ природой? Кто васъ увѣрилъ, что ваши каменныя клѣтки—лучшія вмѣстилища свободы, что ваше искусственное воспроизведеніе природы—лучше самой природы, что истинное блаженство—въ неустанномъ рабскомъ трудѣ, во взаимномъ истребленіи, въ побѣдѣ надъ врагомъ, въ нравственномъ и физическомъ угнетеніи?..

Смѣйтесь надъ этой идилліей!.. Но никогда не возвыситься вамъ до того благородства чувствъ, до того безкорыстія стремленій, которыя ставитъ на мѣсто всѣхъ вашихъ законовъ эта милая, добрая, самоотверженная богиня любви... Посмотрите, какъ эти съумасшедшіе «влюбленные» мало заботятся о завтрашнемъ днѣ; посмотрите, какою задушевною добротою, какимъ неподдѣльнымъ милосердіемъ дышетъ каждый ихъ поступокъ,

*) «Тайна», Шиллера.—«Прелестницѣ», Лермонтова.

Digitized by Google

каждое ихъ желаніе... О, какъ хотѣли-бы они видѣть весь міръ вокругъ себя счастливымъ тѣмъ-же блаженствомъ, тѣмъ-же душевнымъ покоемъ! Попросите у нихъ помощи или услуги,—они вамъ въ нихъ не откажутъ. Крикъ отчаянія, вопль бѣдности, несчастіе ближняго—все это въ нихъ скорѣе найдетъ откликъ сочувствія, чѣмъ въ вашихъ черствыхъ сердцахъ... Любовь дѣлаетъ насъ не только счастливыми, но и добрыми, свободными. Истинная свобода не въ правахъ и привилегіяхъ, не въ частичномъ освобожденіи нашего тѣла и духа отъ соціальныхъ оковъ, а въ безпрепятственномъ общеніи духа съ его прямымъ источникомъ—всемірною гармоніей...

Съ любовью въ сердцѣ и тигръ перестаетъ быть звѣремъ, и узникъ перестаетъ быть рабомъ...

Вообще, связанное съ любовью непреодолимое стремленіе на лоно природы, гдѣ каждая травка, каждый лепестокъ цвѣтка, каждое облачко въ небѣ привлекаетъ къ себѣ вниманіе любящаго человѣка, доставляя ему эстетическое наслажденіе, показываетъ, что это чувство не исчерпывается однимъ только физіологическимъ движеніемъ. Кому изъ васъ, въ минуты любовнаго влеченія, не приходило желаніе, чтобы эти каменныя стѣны раздвинулись, и передъ вами возникла волшебная картина торжествующей природы: и море, раскинувшееся въ своемъ безбрежномъ ложѣ, и гигантскія горы, сверкающія своими бѣлоснѣжными вершинами въ лучахъ солнца, и поля, покрытыя разноцвѣтными тюльпанами и фіалками; однимъ словомъ: беззаботно-счастливая при-

Digitized by Google

рода во всей мощи ея чарующей красоты? Кто изъ васъ въ такія минуты не чувствовалъ себя способнымъ на самые фантастическіе подвиги, на проявленіе самоотверженной доброты, на прощеніе самой тяжкой обиды?...

Таковы, именно, тѣ свойства, которыя способны были сдѣлать любовь основою одной изъ гуманнѣйшихъ религій. Сколько-бы наши теоретики ни разсуждали и ни писали объ альтруистическихъ обязанностяхъ человѣка, проповѣдь ихъ всегда останется висѣть въ воздухѣ, среди оглушительнаго шума и гама житейской суеты. Только любовь—это животворящее, смягчающее нравы и побѣждающее всякую злобу чувство—способна осуществить самыя гуманныя и самыя притязательныя соціальныя мечты!...

Но—увы!—многимъ-ли изъ насъ выпадаетъ на долю этотъ величайшій даръ природы въ его первоначальной чистотѣ! Любовь, замкнутая въ четырехъ стѣнахъ нашей каменной клѣтки,—только слабый намекъ на то общеніе духа съ всеобщей гармоніей, въ которомъ заключается ея истинное блаженство. Любовь, сдавленная общественными приличіями, страхомъ вторженія въ ея сферу нескромнаго глаза, двусмысленной улыбки, безчувственной насмѣшки, тщательно скрытая отъ окружающей суеты и боязливо притаившаяся въ плотно закрытомъ альковѣ,—*такая* любовь поневолѣ исчерпывается однимъ только тѣлеснымъ общеніемъ, одними только физическими наслажденіями; духовная-же сторона ея проявляется развѣ только въ несбыточныхъ меч-

Digitized by Google

таніяхъ, клятвенныхъ увѣреніяхъ во взаимной любви и... нравственномъ утомленіи. Но—увы!—какъ ни запирайте плотно дверей вашего алькова, каждая мелочь вокругъ васъ напоминаетъ вамъ о житейской нуждѣ, о житейскомъ горѣ. Реальные интересы дня, матеріальная нужда, требованія общественныхъ приличій—всѣ эти чуждые свободному духу элементы назойливо витаютъ вокругъ васъ, какъ неотвязчивый рой комаровъ, и хрустально-свѣтлый самородокъ любви очень скоро покрывается амальгамой житейской прозы: нѣжныя изліянія любви отравляются сухими разговорами о денежныхъ разсчетахъ, клятвенныя обѣщанія въ неизмѣнной вѣрности сопровождаются непреодолимыми заботами о завтрашнемъ днѣ...

Придавленная тяжестью людского безсердечія и условныхъ приличій, любовь не перестаетъ, однако, мечтать о безпредѣльномъ просторѣ и ищетъ его себѣ въ разнообразныхъ развлеченіяхъ, посѣщеніи театровъ и художественныхъ музеевъ, въ танцахъ, а очень часто и въ самомъ бурномъ разгулѣ. Еще китайцы находили, что музыка—языкъ любви. Я прибавлю: а красота—ея зеркало. Музыка и красота—единственные элементы, замѣняющіе намъ общеніе съ природой, которое не находитъ себѣ мѣста въ нашей искусственной обстановкѣ. Кто не умѣетъ наслаждаться музыкой или художественнымъ произведеніемъ, тотъ не обладаетъ любящей душой, тотъ никогда не познавалъ блаженства любви. А есть, вѣдь, и такіе, засохшіе въ матеріаль-

Digitized by Google

ныхъ разсчетахъ, люди, и они-то, именно, и являются наиболѣе жестокими критиками и безсердечными гонителями любви...

Я изобразилъ, на сколько могъ,—на основаніи личнаго чувства, непосредственныхъ наблюденій и тѣхъ сообщеній, которыми любезно почтили меня мои читатели и читательницы,—то, что назвалъ выше состояніемъ любви. Каждый читатель пойметъ, что воплотить это состояніе въ словахъ—такая-же трудная задача, какъ воображать себѣ музыкальные звуки по нотнымъ знакамъ... И то, и другое надо чувствовать; слова-же и знаки могутъ только напомнить читателю о личноиспытанномъ имъ блаженствѣ, помочь ему оріентироваться въ обуревающихъ его безсознательныхъ влеченіяхъ...

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Другой вопросъ, еще менѣе поддающійся рѣшенію, чѣмъ предъидущій: какимъ образомъ въ насъ зарождается чувство любви, подъ какими вліяніями складывается взаимное влеченіе половъ?

Тысячи повѣстей и романовъ и, надо полагать, милліоны стиховъ написаны на тему о любви. Вся, такъ называемая, изящная литература, вся беллетристика, вся поэзія, все художественное искусство многихъ вѣковъ,—все это базируетъ на одномъ и томъ-же чувствѣ. Сколько ни дѣлалось попытокъ замѣнить это начало въ литературѣ какимъ-нибудь другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ практическимъ идеаламъ жизни,—въ результатѣ получалось лишь полное извращеніе литературныхъ вкусовъ, варварское попраніе идеаловъ красоты и требованій эстетики... Вмѣсто художественнаго

Digitized by Google

произведенія, получалась ученая диссертація, діалогъ изъ судебныхъ преній, наивная проповѣдь и т. п. Мѣсто любви занимала псевдо-классическая, неумолимая Судьба, вооруженная альтруистическими сентенціями, статистическими цифрами и бумажными перунами. Къ счастью, такихъ попытокъ было очень мало, и зачерствѣлыя въ матеріальныхъ разсчетахъ сердца по-прежнему всегда находили себѣ отдыхъ въ интересномъ любовномъ романѣ, въ драмѣ, отвлекающей умъ отъ житейской суеты, въ прочувствованномъ лирическомъ стихотвореніи; холодный смѣхъ безсердечнаго меркантилизма останавливается въ горлѣ передъ раздирательной сентиментальной трагедіей; даже палачъ, готовый, по первому требованію, перерѣзать горло своему сосѣду, проливаетъ горькія слезы надъ умирающимъ голодною смертью Уголино...

Очевидно-же есть непреодолимая роковая потребность въ подобнаго рода душевныхъ возбужденіяхъ, если столь явная противоположность между характеромъ литературы, сцены и искусства, съ одной стороны, и житейскими интересами, съ другой, не влечетъ за собою побѣды послѣднихъ надъ первыми...

Но это только мимоходомъ.

Итакъ, тысячи перьевъ въ теченіи многихъ вѣковъ заняты анализомъ и изображеніемъ малѣйшихъ проявленій чувства любви. Казалось-бы, что достаточно подвести итогъ всему сдѣланному, даже развернуть одно какое-нибудь талантливое беллетристическое произве-

Digitized by Google

деніе, чтобы получить самый ясный, самый категорическій отвѣтъ на поставленный вопросъ... Я пробовалъ сдѣлать подобную попытку, но — увы! — сколько я ни вдумывался во всю совокупность всемірной литературы, сколько я ни рылся въ отдѣльныхъ ея произведеніяхъ, — искомаго отвѣта я не находилъ...

«Vedere» и «piacere» — «увидѣть» и «понравиться» — вотъ вся психологическая основа тысячъ романовъ, драмъ и стихотвореній, завѣщанная намъ еще провансальскими трубадурами *)... Нельзя сказать, чтобы въ этомъ выражалось очень много философскаго или даже практическаго анализа... Оно, конечно, безспорно: чтобы полюбить другъ друга, нужно *увидѣться* и *понравиться*. Но какъ, именно, зарождается самый процессъ взаимнаго влеченія?.. Современная, всевѣдущая наука пыталась, правда, останавливаться и на этомъ вопросѣ. Психологія смиренно опускала оружіе; но физика и физіологія пробовали найти здѣсь какую-нибудь аналогію съ магнетическими явленіями. Въ послѣднее время стали даже поговаривать о спеціальномъ микробѣ любви, и это еще въ болѣе смѣшномъ видѣ обрисовываетъ безплодныя потуги къ рѣшенію заколдованнаго вопроса... Говорятъ еще о гипнотизмѣ; но, вѣдь, и самое явленіе это до сихъ поръ не вышло еще изъ области догадокъ...

Полагаю, поэтому, что читатели и отъ меня не

*) «Орлеанская дѣва», Шиллера. Дѣйств. III, сцена X и XI. Дѣйств. IV, сц. I.

Digitized by Google

потребуютъ исполненія такой неуловимой задачи, и я доставлю достаточное удовлетвореніе ихъ любопытству, если и въ этомъ случаѣ буду придерживаться избраннаго мною аналитическаго метода...

Представители обоихъ половъ очень часто приходятъ во взаимное столкновеніе при различныхъ обстановкахъ и условіяхъ общественной жизни. Однако, не всѣ встрѣчи влекутъ за собою возбужденіе взаимнаго влеченія. Первымъ условіемъ этого процесса, очевидно, является способность одного субъекта сосредоточить на себѣ *спеціальное вниманіе* другого. Простого, случайнаго или даже разсчитаннаго на будущее сближеніе знакомства, конечно, недостаточно. Какими-же мотивами или обстоятельствами вызывается указанное вниманіе? Непремѣнно какою-нибудь выдающеюся особенностью: нравственною или физіологическою, соотвѣтствующею эстетическому вкусу, нравственнымъ наклонностямъ или физіологическимъ потребностямъ другого субъекта. Рѣже всего такое вниманіе сразу привлекается, такъ сказать, цѣльной нравственной физіономіей субъекта.

Очевидно, природа, въ видахъ обезпеченія размноженія вида, позаботилась о возможно большемъ упрощеніи условій возбужденія взаимныхъ половыхъ влеченій. Поэтому, чѣмъ ближе мы подходимъ къ далекимъ предѣламъ нашей исторіи, тѣмъ любовныя отношенія становятся свободнѣе, а сближенія между полами—болѣе упрощенными. Но извѣстный процессъ

Digitized by Google

поглощенія личности государствомъ, брачный институтъ и все разростающійся кодексъ общественныхъ приличій настолько видоизмѣняютъ характеръ человѣка, затушевываютъ и маскируютъ наиболѣе выдающіяся его духовныя свойства, что физіономія его перестаетъ служить зеркаломъ первобытной, чистой души, а очень часто представляетъ собою даже совершенно несимпатичную, бездушную маску.

Но, благодаря, именно, этому, при взаимныхъ встрѣчахъ представителей двухъ половъ, наиболѣе рѣзко оттѣняется все то, что является прямымъ контрастомъ между искусственной внѣшностью и скрытыми симпатичными особенностями. Необычайно пріятная улыбка на суровомъ лицѣ, теплое выраженіе глазъ, даже оригинальный жестъ, своеобразная походка, тембръ голоса, манера смѣяться, горячность или необыкновенная сдержанность въ спорѣ и т. п.,— все это случайные стимулы возбужденія вниманія, а за нимъ—и симпатіи или сочувствія...

Но отъ перваго проявленія симпатіи до настоящей любви еще очень далеко, и когда говорятъ: «встрѣтились — влюбились», то обыкновенно смѣшиваютъ простое сочувствіе съ любовью. Нѣтъ, любовь никогда не возникаетъ сразу, во всей своей силѣ! Любовь, какъ всякое другое чувство, подчиняется законамъ развитія и нуждается въ продолжительномъ упражненіи *)...

*) Желающимъ наглядно убѣдиться въ справедливости

Digitized by Google

Приведу это положеніе въ связь съ затронутымъ мною выше вопросомъ объ отношеніяхъ нервной системы къ нашей духовной дѣятельности. Я уже замѣтилъ вскользь, что не всѣ наши впечатлѣнія и движенія доводятся до свѣдѣнія нашего головного аппарата. Ребенокъ, напримѣръ, очень долго пріучается самостоятельно держаться на ногахъ и передвигать ихъ. Страхъ подняться съ мѣста и пойти безъ посторонней помощи вытекаетъ изъ привычки сосредоточивать вниманіе на каждомъ своемъ движеніи. Съ теченіемъ времени онъ привыкаетъ ходить, нисколько не думая о своихъ движеніяхъ, т. е. чисто рефлективно, безъ участія въ этомъ процессѣ головного мозга. Примѣръ—извѣстный. Достигается-же это путемъ упражненія...

Тѣмъ-же путемъ мы развиваемъ и наши духовныя способности, которыя наиболѣе одареннымъ людямъ удается съ теченіемъ времени поставить такъ-же внѣ постояннаго контроля головного мозга, какъ и физическія движенія. Такъ называемая, быстрая сообразительность объясняется, именно, тѣмъ, что, вслѣдствіе продолжительнаго упражненія мозга, значительная часть дѣйствій и поступковъ, въ особенности, одной и той-же категоріи (напр., математика, публициста, врача и т. п.) становится до такой степени *привычной*, что нервные центры уже перестаютъ доводить о нихъ до

этой мысли рекомендую прочитать нѣсколько романовъ талантливыхъ нѣмецкихъ писательницъ Вернеръ и Марлиттъ.

Digitized by Google

сознанія, докладывать о нихъ головному мозгу, и они пріобрѣтаютъ уже характеръ рефлексовъ. Это особенно рѣзко замѣчается,—говорю я,—въ одной опредѣленной области, обусловливающей постоянную повторяемость однихъ и тѣхъ-же дѣйствій. Напримѣръ, публицистъ, занятый постоянно обсужденіемъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, усвоиваетъ себѣ опредѣленный методъ сужденія, опредѣленные пріемы аргументаціи, опредѣленную манеру изложенія своихъ мыслей, постановки выводовъ и т. п. Вся эта работа, сопровождающая рѣшеніе каждаго даннаго вопроса, уже совершается безъ всякаго напряженія мозга, такъ сказать, рефлективно, тогда какъ человѣкъ, не привычный къ подобной работѣ, вынужденъ предварительно сосредоточить всю свою разсудочную энергію на чисто-технической сторонѣ вопроса, на его грамматической конструкціи и составныхъ частяхъ, а затѣмъ, путемъ еще большаго мозгового напряженія, создать методъ анализа этого вопроса, пріискать доказательства, сравненія, уподобленія и т. д.

Любовь принадлежитъ, именно, къ категоріи подобныхъ рефлективныхъ явленій. Отдаваясь этому чувству по цѣлымъ часамъ и днямъ, человѣкъ постепенно становится полнымъ рабомъ извѣстной суммы привычекъ, характеризующихъ цѣлый рядъ однородныхъ дѣйствій; а такъ какъ это чувство доставляетъ человѣку наибольшую сумму наслажденій, то порождаемыя имъ привычки отличаются наибольшею внутреннею устойчивостью, наибольшею интенсивностью. Мы часто слы-

Digitized by Google

шимъ выраженіе: «человѣкъ ослѣпленъ любовью»,— и въ этомъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. При сильномъ развитіи любовнаго состоянія, умъ, регулирующій человѣческія дѣйствія, совершенно отступаетъ на задній планъ, и когда для увлеченнаго «недостойною» или «несчастною любовью» возникаетъ рѣшительная необходимость очнуться и выйти изъ своего пассивнаго состоянія, то онъ становится мученикомъ страшной болѣзненной борьбы между чувствомъ и умомъ. Прочно утвердившіяся на своей позиціи привычки требуютъ прежняго, полнаго, безразсудочнаго и безмятежнаго удовлетворенія, а умъ, въ свою очередь, настойчиво выдвигаетъ передъ нимъ рядъ препятствій, съ которыми обязательно считаться, старается возбудить въ немъ чувство оскорбленнаго самолюбія, разжечь инстинктъ самосохраненія и чувство самоуваженія... Исходъ борьбы, конечно, зависитъ отъ преобладающей силы тѣхъ или другихъ импульсовъ, но, во всякомъ случаѣ, человѣкъ выходитъ изъ этой борьбы нравственно пригнетеннымъ, съ больною душою...

Не трудно представить себѣ, какъ тяжела и разрушительна должна быть эта борьба для человѣка, когда въ нее еще насильственно вторгается чисто внѣшнее, бездушное, административное начало, когда любовь стараются втиснуть въ искусственныя рамки, подчинить бездушно-формальнымъ или даже чисто научнымъ требованіямъ. Нейтральная комната Чернышевскаго—верхъ наивности и противоестественности. Какъ ни разгора-

Digitized by Google

живайте клѣтки, она, все-таки, останется клѣткой со всѣми ея пригнетающими свойствами... Попытка «облагороженія» любви посредствомъ искусственной примѣси къ ней чисто-умственныхъ идеаловъ равносильна безплодному старанію смѣшать ртуть съ водою. Подобно ртути, любовь всегда ускользнетъ отъ всякаго насильственнаго воздѣйствія. Ртуть можетъ разсыпаться на мельчайшія дробинки, но никакая сила не прикрѣпитъ ея къ одному мѣсту... Заключите ртуть въ самое тѣсное пространство, и она, все-таки, не перестанетъ расширяться и сжиматься, сообразно своимъ внутреннимъ свойствамъ. Любовь, подобно ртути, подчинена своимъ собственнымъ законамъ...

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

«Желаніе нравиться» (piacere)—одинъ изъ стимуловъ возбужденія взаимнаго вниманія. Но въ женщинѣ оно является однимъ изъ врожденныхъ и постоянныхъ стимуловъ, а въ мужчинѣ лишь случайнымъ, временнымъ. Пассивное положеніе женщины, обусловливающееся слабостью организаціи и страдательною ролью ея въ процессѣ размноженія вида, вынуждаетъ ее, съ одной стороны, искать возможности осуществленія своего призванія, а съ другой стороны — обезпечить за собой покровительство представителя болѣе сильнаго пола. Удовлетворяя этимъ органическимъ потребностямъ женской натуры, природа и внушила ей одно изъ сильнѣйшихъ стремленій — именно: «желаніе нравиться». Это желаніе сказывается въ каждой дѣвушкѣ уже при возникновеніи въ ней первыхъ симптомовъ сознатель-

Digitized by Google

наго отношенія къ окружающему. Обнаруживаясь въ началѣ крайне смутно, оно не дѣлаетъ различія между людьми, ихъ возрастами и полами. Мы очень часто слышимъ подтруниванье надъ наивностью институтскихъ привязанностей. Молодая дѣвушка одинаково влюбляется и въ стараго священника, и въ молодого учителя словесности. О любви въ настоящемъ смыслѣ слова тутъ, конечно, и рѣчи быть не можетъ; даже простѣйшая форма симпатіи играетъ здѣсь послѣднюю роль. Проявляется лишь естественное стремленіе привлекать къ себѣ вниманіе окружающихъ хотя-бы путемъ эксцентричныхъ привязанностей.

Съ годами желаніе нравиться принимаетъ все болѣе и болѣе сознательный характеръ, и взрослая дѣвушка уже ощущаетъ непреодолимую потребность соперничества съ своими товарками передъ сильнымъ поломъ. Отсюда—постоянно усиливающаяся наклонность къ нарядамъ, усвоеніе кокетливыхъ манеръ и привычекъ и желаніе привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе. Только изрѣдка у разумной женщины является мысль о тщетѣ всего этого безплоднаго разбрасыванія вниманія и безцѣльности всѣхъ этихъ тѣшащихъ самолюбіе, но безсодержательныхъ ухаживаній. Сердце долго чувствуетъ, почти осязаетъ близость своего избранника, но все его не находитъ. Поэтому, чѣмъ сильнѣе бываетъ увлеченіе минутнымъ удовольствіемъ, льстивыми рѣчами и назойливыми ухаживаніями, тѣмъ интенсивнѣе,—на досугѣ, напримѣръ, послѣ шумнаго

Digitized by Google

бала, послѣ утомительныхъ танцевъ, — чувствуется ничѣмъ незаполнимая пустота жизни, отсутствіе искомаго идеала...

Мужчина, въ силу своей прирожденной активной роли и сознанія своего превосходства надъ слабымъ поломъ, не нуждается въ подобныхъ стимулахъ возбужденія взаимнаго вниманія. Въ то время, какъ женщина съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія встрѣчаетъ устремленные на нее взоры, мужчина часто совершенно равнодушно проходитъ мимо самыхъ «интересныхъ» особъ или съ высоты своего величія дѣлаетъ оцѣнку ихъ красотѣ и нарядамъ, нисколько не думая, въ тоже время, рисоваться передъ ними своей собственной персоной. Желаніе нравиться, какъ я сказалъ, у него— преходящій стимулъ и возникаетъ только въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда предметъ его симпатіи вполнѣ для него выяснился, и у него является желаніе обладать имъ; тогда онъ, конечно, обнаруживаетъ стараніе понравиться: начинаетъ обращать особенное вниманіе на свою внѣшность, на свои манеры, даже на свои рѣчи, отыскивать точки соприкосновенія между своимъ и ея характерами, между своими и ея взглядами, и т. п. Во-вторыхъ, когда, вслѣдствіе чисто физическихъ недостатковъ или нравственныхъ—вродѣ потери общественнаго уваженія,—онъ не сознаетъ себя способнымъ импонировать женщинѣ своимъ превосходствомъ, не разсчитываетъ, вообще, привлекать къ себѣ вниманіе женщины.

Digitized by Google

Прекращается-ли у женщины желаніе нравиться съ того момента, когда ея сердце зажигается любовью и она, въ свою очередь, становится любимой? Отвѣтъ будетъ положительный лишь въ томъ случаѣ, если взаимное влеченіе находитъ себѣ *полное* удовлетвореніе. если любовь данной пары является, именно, такой уравновѣшанной и всепоглощающей, какой я изобразилъ ее выше. Женщина, цѣликомъ поглощенная своею любовью, не утрачиваетъ желанія нравиться, но сосредоточиваетъ его *исключительно* на любимомъ человѣкѣ. Всѣ силы ея прирожденнаго кокетства направлены лишь къ тому, чтобы все болѣе и болѣе сгущать паутину, въ которую ей удалось изловить сердце своего возлюбленнаго... Но—увы!—подобной полной любви мы въ нашей практической жизни не встрѣчаемъ. Сдавленная внѣшними приличіями и практическими условіями, она, какъ я пояснилъ выше, быстро амальгамируется житейской прозой. При такой обстановкѣ любовь далеко не исчерпываетъ прирожденной наклонности женщины нравиться всѣмъ окружающимъ. Раздѣляя самую страстную любовь, она, если можно такъ выразиться, постоянно держитъ камень за пазухой. Она не совсѣмъ увѣрена въ прочности установившихся между нею и любимымъ человѣкомъ отношеній; она какъ-бы боится неожиданнаго перерыва въ осуществленіи своего призванія. Сама природа, въ интересахъ принципа размноженія, требуетъ обезпеченія *постоянства* любви. Разъ-же постоянство это не вытекаетъ по необходимо-

Digitized by Google

сти изъ самой интенсивности данной любовной связи, разъ привязанность одной стороны не исчерпывается вполнѣ привязанностью другой, то равновѣсіе нарушено, и желаніе женщины нравиться *другимъ*,—хотя и совершенно безсознательное и неумышленное,—остается въ полной силѣ. Вотъ, почему мы видимъ большинство хорошенькихъ женщинъ,—да и только-ли хорошенькихъ!—до излишества запятыми своими нарядами, охотно развлекающимися бальными танцами, пикниками и т. п., гдѣ любимый человѣкъ отступаетъ на задній планъ. Вотъ, чѣмъ объясняется постоянное соперничество женщинъ въ привлеченіи къ себѣ «хвоста поклонниковъ», въ роскошныхъ выѣздахъ, въ тщеславномъ устраиваніи роскошныхъ баловъ и вечеровъ...

Мужчина, и по силѣ характера, и по складу ума, гораздо устойчивѣе женщины. Однажды привязавшись къ ней, онъ уже долго не думаетъ о другихъ,—и только отъ женщины, ея прирожденнаго кокетства, ея согрѣвающей ласки, зависитъ сдѣлать эту привязанность непрерывною и даже прогрессирующею. Къ несчастью, женщина рѣдко платитъ любимому человѣку равносильною любовью и кокетство свое употребляетъ лишь на то, чтобы вырвать у него для себя побольше свободы. Любящій мужчина, съ своей стороны, видитъ въ угожденіи капризамъ любимой женщины лишь одинъ изъ способовъ выраженія своей привязанности. Но тутъ, именно, начинается рядъ безсознательныхъ компромиссовъ, ставящихъ женщину на скользкій путь случай-

Digitized by Google

ностей и приключеній. Вѣдь, любовь—не дѣло разсудка, а произведеніе непосредственнаго чувства. Умъ и воля тутъ ни причемъ. Разъ любовь могла возникнуть при одной комбинаціи условій и не оказаться *достаточно сильной*, чтобы вполнѣ исчерпать всѣ наклонности и желанія женщины, то она такъ-же легко можетъ возникнуть при другой, болѣе сильной комбинаціи, которая дастъ новому чувству значительный перевѣсъ надъ старымъ. Тогда паденіе женщины неизбѣжно...

Къ сожалѣнію, сознаніе возможности подобнаго исхода безотчетныхъ компромиссовъ возникаетъ у любящаго человѣка слишкомъ поздно, когда связь его съ любимой женщиной изъ абсолютной, самоудовлетворяющейся, уже становится условной; когда малѣйшее сомнѣніе, подозрѣніе, недовѣріе или возраженіе вызываетъ со стороны женщины раздражительные упреки, за которыми слѣдуютъ сначала легкія, а затѣмъ и серьезныя ссоры...

Отсюда прямой переходъ къ такъ называемому, чувству ревности.

Digitized by Google

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Ревность—всѣми испытываемое и всѣми-же осуждаемое чувство. Въ основѣ его, говорятъ, прежде всего лежитъ *недовѣріе*, истинная-же любовь не переноситъ этой отравляющей примѣси. Но испытывать вполнѣ сознательно данное чувство и въ то-же время осуждать его—не значитъ-ли это злобствовать противъ собственнаго безсилія?...

Разберемтесь нѣсколько въ этомъ психологическомъ противорѣчіи. Вѣрна-ли самая его основа? Любовь не терпитъ недовѣрія—можетъ-ли быть въ этомъ какое-либо сомнѣніе! Любовь въ абсолютномъ смыслѣ этого слова, строго уравновѣшенная непоколебимою взаимностью и вполнѣ удовлетворенная, не можетъ заключать въ себѣ другой основы, кромѣ абсолютнаго-же сочувствія и абсолютнаго *довѣрія*. Уже самое слово

Digitized by Google

«недовѣріе» вызываетъ представленіе о чемъ-то *разъединяющемъ* любящія существа, держащемъ ихъ на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга; другими словами: недовѣріе есть антитеза привязанности, любовь-же, напротивъ, говоря фигурально, является цементомъ, тѣсно сближающимъ два существа. Слѣдовательно, когда рѣчь заходитъ о недовѣріи между двумя любящими другъ друга существами, то и самая любовь ихъ подводится подъ сомнѣніе.

На самомъ-же дѣлѣ и въ большинствѣ случаевъ, ревность является лишь обостреннымъ выраженіемъ той-же любви, но слишкомъ сильно возбужденной подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ. Подобно пламени, любовь горитъ спокойно и ровно до тѣхъ поръ, пока ея равновѣсіе не нарушено; но достаточно малѣйшаго дуновенія вѣтерка, нѣсколькихъ капель воды или посторонняго горючаго вещества, чтобы пламя стало мигать, вытягиваться и разбрасываться. При аналогичномъ состояніи любовнаго чувства человѣкомъ овладѣваетъ не недовѣріе, а импульсы высшаго порядка. При нормальномъ состояніи любовныхъ отношеній умъ или разсудокъ совершенно отступаетъ на задній планъ или совершенно уравновѣшивается съ чувствомъ: человѣкъ, такъ сказать, чувствуетъ то, что думаетъ, и думаетъ то, что чувствуетъ. Вотъ, почему влюбленнымъ субъектамъ даже самые безразсудные съ практической точки зрѣнія, но соотвѣтствующіе ихъ чувству, поступки представляются вполнѣ нормальными.

Digitized by Google

Малѣйшее колебаніе въ указанныхъ отношеніяхъ неизбѣжно влечетъ за собою нарушеніе равновѣсія между чувствомъ и разсудкомъ, и послѣдній, какъ господствующее начало, конечно, радъ воспользоваться своимъ минутнымъ освобожденіемъ, чтобы подчинить противника своимъ практическимъ требованіямъ... Эта-то борьба и порождаетъ въ человѣкѣ то *мучительно-неопредѣленное, инстинктивное или безотчетное состояніе,* которое мы называемъ ревностью. Человѣкъ начинаетъ взвѣшивать свои отношенія къ любимому существу, провѣрять въ умѣ каждый его поступокъ, анализировать каждое его слово и, наконецъ, контролировать свои собственныя дѣйствія. Тутъ имѣются въ наличности всѣ элементы сомнѣнія, неудовольствія, раздраженія и, наконецъ, страданія, но не прямого *недовѣрія,* исключающаго всякую привязанность.

Недовѣріе возникаетъ лишь въ моментъ крайняго обостренія того состоянія, которое мы называемъ ревностью, а именно: когда чувство попраннаго довѣрія уже переходитъ въ жажду мщенія, и чувство любви оказывается уже окончательно придавленнымъ или совершенно отступаетъ на задній планъ. Это можно наглядно прослѣдить на постепенномъ развитіи ревности Отелло: требовались весьма сильные внѣшніе импульсы, чтобы въ немъ окончательно раздавить чувство любви и вызвать неутолимую жажду мщенія. Для превращенія мучительныхъ сомнѣній въ полное недовѣріе потребовались неопровержимыя улики, а разъ чувство недовѣ-

Digitized by Google

рія вполнѣ сложилось и оформилось, возвращеніе къ любви уже стало невозможнымъ.

Но среди намѣченныхъ здѣсь двухъ стадій ревности, изъ которыхъ одна представляетъ собою лишь смутное состояніе неудовлетворенности или мучительное предчувствіе нарушенія равновѣсія любви, а другая непосредственно предшествуетъ роковой катастрофѣ, весьма характерно вырисовывается еще одна стадія, которая тѣсно примыкаетъ къ послѣдней. Это, именно, тотъ періодъ въ жизни влюбленныхъ, когда *сомнѣнія* (но, опять таки, не недовѣріе) одной стороны на счетъ другой настолько обострились, не встрѣчая *достаточнаго* противовѣса, что у первой является потребность произвести давленіе на вторую съ цѣлью вызвать у нея больше уступчивости, больше откровенности. Обыкновенно, это давленіе выражается временнымъ разрывомъ, одинаково мучительнымъ для обѣихъ сторонъ: ревнующему кажется, что другая сторона относится равнодушно къ его душевнымъ страданіямъ, пользуясь, въ то же время, въ общеніи съ нимъ если не полнымъ, то достаточнымъ блаженствомъ взаимности. Вотъ онъ и говоритъ ей мысленно: «Ты разсчитываешь на то, что я самъ подавлю въ себѣ свои сомнѣнія, и спокойно игнорируешь мои страданія; но ты не въ правѣ такъ поступать со мною хотя-бы только во имя нашей взаимной любви; страдай-же теперь и ты, терзайся опасеніями и страхомъ полнаго разрыва»... Нужно-ли говорить, что уже самый фактъ обоюдности страданія,

Digitized by Google

при полной ненарушимости самаго чувства, исключаетъ продолжительность подобнаго мщенія! Достаточно теплой ласки, нѣжнаго слова, легкаго раскаянія, болѣе или менѣе удовлетворительнаго объясненія, чтобы ревнующій сдался на капитуляцію и миръ былъ окончательно водворенъ...

Изъ всего сказаннаго вполнѣ ясно, что источникомъ ревности служитъ не недовѣріе, являющееся лишь позднѣйшимъ послѣдствіемъ накопившихся и неразсѣянныхъ сомнѣній, а то *упрямство*, съ которымъ та или другая сторона отстаиваетъ свое ложное самолюбіе, свои предразсудки и дурныя привычки. Повторяю: при полной гармоніи любви не можетъ быть мѣста для ревности. Для гармоніи-же обязательно необходимы если не полное согласіе и созвучіе, то строгая нивеллировка чувствъ, убѣжденій и привычекъ обѣихъ сторонъ путемъ взаимной уступчивости. Если, при кажущемся полномъ сліяніи душъ, мужчина сохраняетъ дурную привычку «ухаживанія», а женщина—«желаніе нравиться», то равновѣсіе любви неизбѣжно должно быть нарушено. Постепенно къ нормальнымъ отношеніямъ примѣшивается рядъ условностей и компромиссовъ, дѣйствующихъ на чувство охлаждающимъ образомъ. А разъ началось охлажденіе взаимнаго чувства, и каждая изъ сторонъ старается завоевать наиболѣе широкую свободу своимъ личнымъ наклонностямъ, то, въ концѣ концовъ, онѣ все больше и больше расходятся, и достаточно малѣйшаго повода для превращенія случайныхъ несогласій въ окончательный разрывъ.

Digitized by Google

Уступчивость и откровенность — лучшій противовѣсъ ревности. Мужчина, не способный обнаруживать эти свойства, человѣкъ безхарактерный и вполнѣ заслуживающій всѣ злоключенія несчастной любви. Но наибольшую отвѣтственность въ этомъ отношеніи приходится возлагать на женщину. Ея прирожденное «желаніе нравиться» часто превращается въ сильнѣйшій стимулъ всякихъ несчастій, если она не съумѣла потопить его въ раздѣляемомъ ею чувствѣ. «Желаніе нравиться» влечетъ за собою,—помимо рискованныхъ и пошлыхъ столкновеній съ другими мужчинами и явно-оскорбительныхъ для достоинства женщины ухаживаній,—еще стараніе угождать и быть пріятной другимъ, оказывать услуги, совершать подвиги и, вообще, производить такія дѣйствія, которыя создаютъ насильственную разлуку между нею и любящимъ человѣкомъ, сокращаютъ блаженство взаимности и охлаждаютъ самое чувство или возбуждаютъ ревность. Если-бы женщина всегда заботливо, честно и искренно лелѣяла пріобрѣтенную ею взаимность, то она умѣла-бы находить въ себѣ достаточно благоразумія и разсудительности для того, чтобы устранять всякіе поводы къ возбужденію ревности, чтобы разсѣевать малѣйшія сомнѣнія насчетъ своихъ чувствъ. Истинно-любящій человѣкъ часто не выноситъ даже слишкомъ любезнаго обмѣна привѣтствіями, излишней физической близости въ видѣ крѣпкаго рукопожатія, ѣзды въ одномъ экипажѣ и т. под.), двусмысленнаго разговора или друже-

Digitized by Google

ской переписки между любимой женщиной и другимъ мужчиной. Здѣсь также нѣтъ и тѣни недовѣрія: въ каждомъ подобномъ фактѣ онъ усматриваетъ лишь вторженіе чуждаго элемента въ сферу его чувства и испытываетъ отъ этого такія-же страданія, какъ отъ всякаго непрошеннаго вмѣшательства въ его жизнь. А въ данномъ случаѣ ему еще тяжелѣе оть того, что это вмѣшательство вызываетъ сама любимая имъ женщина. Женщина, дорожащая цѣльностью своей любви, должна щадить это чувство, улавливать малѣйшіе своеобразные оттѣнки характера любимаго человѣка и, по возможности, воздерживаться отъ всего, что возбуждаетъ въ немъ хотя-бы только скрытое раздраженіе. И, вѣдь, это вовсе не такъ трудно, вовсе не такъ дорого стоитъ! Награда-же за подобныя вздорныя лишенія очень велика, — это полная гармонія любви, ненарушимая и вѣчная!...

Требуя отъ мужчины абсолютнаго довѣрія, женщина обыкновенно ссылается на знакомыхъ ей людей, которые, при какихъ угодно обстоятельствахъ, не обнаруживаютъ, будто-бы, чувства ревности... Такія исключительныя явленія дѣйствительно бываютъ, но если мы станемъ ихъ возводить въ общее правило, то результатъ окажется вовсе не въ пользу указаннаго аргумента...

Изъ сдѣланнаго нами выше анализа слишкомъ ясно, что чувство ревности столь-же *естественно и законно*, какъ самое чувство любви; что это не только духовное,

Digitized by Google

но и физіологическое состояніе, характеризующее собою нарушенное равновѣсіе взаимности любви. Не испытывать этого состоянія человѣкъ можетъ только въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если, путемъ компромиссовъ съ спеціальными наклонностями любимаго существа, онъ постепенно доходитъ до полнаго обезличенія своего собственнаго *я*, когда воля и капризы этого существа становятся для него непреложными законами и безапелляціонными рѣшеніями. На житейскомъ языкѣ это называется «находиться подъ башмакомъ»... Во-вторыхъ, если увѣренность въ силѣ своей любви и своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ окружающимъ любимаго человѣка исключаетъ всякое сомнѣніе на счетъ случайныхъ постороннихъ вліяній и обстоятельствъ.

Но смѣю думать—и прекрасная читательница, вѣроятно, согласится со мною,—что обезличеніе любящаго человѣка—столь-же непривлекательная крайность, сколько самонадѣянность и самообожаніе—опасные для еяже нравственныхъ интересовъ стимулы. Полное подчиненіе мужчины женщинѣ можетъ быть достигнуто лишь на счетъ его умственной энергіи и физической силы. Любовь такого мужчины обязательно граничитъ съ полною апатіею, лѣнью и бездѣйствіемъ. Результатъ-же этихъ духовныхъ и физическихъ свойствъ плачевенъ: апатія и лѣнь отнимаютъ у самой любви присущую ей энергію и она на практикѣ сказывается только въ дѣтскомъ мягкосердечіи, болѣзненной чувствительности и, подчасъ, смѣшной слезливости. Подобный человѣкъ не

Digitized by Google

способенъ ни къ какой самостоятельной и постоянной, частной или общественной дѣятельности.

Самонадѣянность — совершенно противуположная крайность. Выражая собою чрезмѣрно высокій уровень энергіи, она обусловливаетъ собою обратное явленіе, а именно: полное подчиненіе женщины мужчинѣ. А такъ какъ женщина, съ врожденнымъ ей желаніемъ нравиться, далеко не склонна къ подобному подчиненію, то выгоды и удобства, извлекаемыя ею въ данномъ случаѣ изъ абсолютнаго *довѣрія* любящаго человѣка, изъ его неспособности обнаруживать чувство ревности, часто цѣликомъ поглощаются его деспотизмомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ...

Мысль моя, кажется, ясна. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы видимъ явное нарушеніе равновѣсія взаимности любви. Напрасно, слѣдовательно, женщина радуется отсутствію ревности въ отношеніяхъ къ ней мужчины—при наличности достаточныхъ поводовъ къ возбужденію этого чувства. Чувство ревности, повторяю, лишь преходящее состояніе, но зато оно, по степени своей интенсивности, служитъ показателемъ малѣйшихъ колебаній, если можно такъ выразиться, баланса взаимности и даетъ обѣимъ сторонамъ возможность своевременно позаботиться о поддержаніи его равновѣсія. Затаивая-же въ себѣ это чувство, любящій человѣкъ безсознательно придавливаетъ имъ и самое чувство любви, и раньше или позже наступаетъ моментъ, когда въ его отношеніяхъ къ любимому существу начинаютъ

Digitized by Google

замѣчаться небывалыя прежде сдержанность и холодность. Отсюда-же одинъ только шагъ до полнаго разложенія нарушенной взаимности...

Предоставляю моимъ снисходительнымъ читательницамъ вдуматься въ эти строки и сдѣлать выборъ между тѣми или другими отношеніями по своимъ собственнымъ вкусамъ...

Digitized by Google

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Было-бы, я думаю, слишкомъ наивно скрывать истину, что полная взаимность любви гораздо чаще (боюсь сказать: почти исключительно) встрѣчается во внѣбрачной жизни, чѣмъ въ самыхъ удачныхъ и счастливыхъ бракахъ. Страстная, всепоглощающая и, главное, постоянная любовь—такое рѣдкое явленіе въ сферѣ брачнаго союза, что о ней говорятъ не иначе, какъ съ улыбкой...

Къ сожалѣнію, это неопровержимые факты и закрывать на нихъ глаза—не значитъ-ли подражать птичьей наивности страуса?..

Было-бы, слѣдовательно, также наивно скрывать и истинныя причины этого страннаго соціальнаго противорѣчія.

Разберемтесь въ нихъ.

Свобода и равноправность сторонъ суть основныя

Digitized by Google

условія равновѣсія взаимности любви;—прошу помнить, что я говорю все время о людяхъ современнаго намъ склада мыслей... Малѣйшій *насильственный* перевѣсъ въ этихъ условіяхъ въ одну сторону, какъ я довольно подробно пояснилъ выше, неизбѣжно влечетъ за собою нарушеніе указаннаго равновѣсія. Но соціальные законы, вообще, и брачная жизнь, въ частности, рѣшительно никому не даютъ свободы и равноправности. Поэтому, создать и осуществить эти условія возможно лишь независимо отъ указанныхъ законовъ и внѣ брачной жизни. Это и достигается въ, такъ-называемой, внѣбрачной любви, стоящей и внѣ законовъ государства, и внѣ кодекса общественныхъ приличій...

Не стѣсняясь ни тѣми, ни другими, влюбленная пара осуществляетъ свое внутреннее влеченіе совершенно свободно, ревниво охраняя естественно вытекающую изъ него равноправность отношеній. Не подвергаясь ни съ чьей стороны чисто внѣшнимъ ограниченіямъ и понужденіямъ, она представляетъ собою свободный союзъ, основанный на одномъ только началѣ добровольнаго согласія, нарушеніе котораго одной стороной естественно влечетъ за собою и прекращеніе обязательствъ другой стороны... Это—первая причина.

Другая причина—отсутствіе въ разсматриваемыхъ отношеніяхъ *обязательныхъ матеріальныхъ* интересовъ, вносящихъ въ сферу брачнаго союза элементы зависимости и понужденія. Напомню еще разъ цитированный выше приговоръ средневѣковаго суда любви: «безкорыс-

Digitized by Google

тіе» выставляется въ немъ основнымъ признакомъ свободныхъ любовныхъ отношеній...

Третья причина—обоюдное поддерживаніе постоянства и однообразія тѣхъ условій, при которыхъ первоначально сложилась любовная связь: неизмѣнно внимательное и вѣжливое взаимное обращеніе, тщательная заботливость о своей внѣшности (одеждѣ, чистотѣ и т. п.), сдержанность въ выраженіи неудовольствія, досады и т. п. чувствъ,—все это, лучше всякихъ другихъ стимуловъ, поддерживаетъ постоянную *свѣжесть* и, если можно такъ выразиться, *молодость* отношеній. исключаетъ пошлость рутины, однообразіе жизни и т. п.

Вообще-же, вмѣстѣ съ любовью, мужчина отдаетъ женщинѣ, такъ сказать, всю свою духовную сущность, всѣ свои радости и удовольствія, свое доброе или веселое настроеніе, оставляя всѣ свои заботы, огорченія, страданія, несчастія, страхъ за будущее и, вообще, свое дурное настроеніе за порогомъ ея дома... Любимая-же женщина пользуется всѣми этими благами подобно путешественнику, который на своемъ пути встрѣчаетъ только одно *хорошее* и даже завѣдомо избѣгаетъ всего *дурного*. Мало того: взамѣнъ получаемой ею чистой и безкорыстной любви, она отдаетъ мужчинѣ всѣ свои заботы и печали, устраненіе которыхъ составляетъ для него величайшее наслажденіе. Съ формальной точки зрѣнія здѣсь сказывается уже, какъ-бы, нѣкоторая неравноправность: казалось-бы, что взаимность наслажденія любовью должна сопровождаться

Digitized by Google

и взаимностью страданія, какъ мы это и видимъ въ брачномъ союзѣ. Но идеальная любовь не терпитъ страданій и мужчина, ищущій подобной любви и обладающій большими средствами самопомощи, чѣмъ женщина, старается, въ личномъ интересѣ, устранять отъ любимой женщины все, что препятствуетъ ея свободному и спокойному общенію съ нимъ. Это его законное желаніе и, наконецъ, его право. Въ этомъ смыслѣ и *матеріальная* помощь, оказываемая мужчиною женщинѣ въ разсматриваемыхъ любовныхъ отношеніяхъ, не можетъ считаться предосудительною,—какъ плата за любовь,—если она, эта помощь, не доводится до излишества, направляется исключительно къ устраненію гнетущихъ заботъ и не превращается въ обязательство передъ любимой женщиной, въ *ея право*...

Къ сожалѣнію, наша брачная жизнь является полной антитезой всѣхъ этихъ условій развитія и равновѣсія внѣбрачной любви, которыя,—надо, впрочемъ, замѣтить,—и въ свою очередь, самымъ кореннымъ образомъ измѣняются, когда на сцену выступаютъ тяжелыя послѣдствія неповиновенія господствующимъ законамъ и приличіямъ,—напримѣръ, въ видѣ незаконорожденнаго плода,—или когда женщина, привыкши пользоваться матеріальною поддержкою, постепенно сводитъ ее на почву *обязательности*, подрывая, такимъ образомъ, самую деликатную основу свободнаго союза. Въ первомъ случаѣ къ свободнымъ любовнымъ отношеніямъ уже примѣшивается, съ одной стороны, посторонній (какъ

Digitized by Google

не признанный закономъ) принудительный элементъ, въ видѣ *обязательныхъ* заботъ о воспитаніи ребенка, а съ другой стороны—отравляющее сознаніе несчастія, доставленнаго тому же, ни въ чемъ неповинному, существу. Во второмъ же случаѣ солидарность нравственныхъ отношеній обѣихъ сторонъ нарушается явной неравноправностью. Женщина, хотя и любимая, но не принимающая участія въ созданіи благосостоянія любящаго человѣка, не раздѣляющая его печалей, огорченій, лишеній, неудачъ и несчастій, не въ правѣ *притязать* на *обязательное* участіе въ результатахъ его трудовъ. Малѣйшая *требовательность* съ ея стороны въ этомъ отношеніи совершенно уничтожаетъ нравственную основу—безкорыстіе отношеній—и замѣняетъ ее грубоматеріальнымъ условіемъ—*вознагражденіемъ* за любовь; а это условіе способно оскорбить, осквернить и разрушить самую сильную привязанность, такъ какъ оно неизбѣжно вызываетъ борьбу между практическимъ умомъ и чувствомъ, причемъ первый всегда беретъ перевѣсъ надъ вторымъ: вѣдь, на его сторонѣ—и оскорбленное самолюбіе, и чувство самосохраненія, и недовѣріе къ безкорыстію и искренности любви женщины...

Но подобные случаи указываютъ лишь на *трудность* достиженія полной и—главное—*вѣчно*-безмятежной любви, а вовсе не исключаютъ *возможности* ея между двумя существами, достаточно развитыми для того, чтобы, при всякихъ обстоятельствахъ и всякихъ случайнос-

Digitized by Google

тяхъ, оставаться вѣрными общепризнаннымъ нравственнымъ началамъ и убѣжденіямъ.

Прибавлю, однако, что я говорилъ до сихъ поръ о любовныхъ отношеніяхъ, не принявшихъ формы *постоянаго* сожительства...

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Прежде, чѣмъ перейти къ психологіи брака, служащаго средоточіемъ самыхъ разнообразныхъ проявленій духовныхъ свойствъ человѣка, я долженъ нѣсколько подробнѣе объясниться на счетъ основного предмета настоящаго этюда.

Разсуждая все время о любви, связанной съ половымъ влеченіемъ, и представляя ее регулирующимъ началомъ въ духовномъ общеніи человѣка съ всемірною гармоніей, я совершенно игнорировалъ всѣ другія формы любви и симпатіи, характеризующіяся различными проявленіями нашей духовной дѣятельности.

Признаюсь, пробѣлъ этотъ сдѣланъ мною умышленно для того, чтобы возвратиться къ нему тогда, когда основная идея этюда будетъ въ достаточной степени выяснена. Приступая теперь къ восполненію

Digitized by Google

этого пробѣла, я считаю необходимымъ, прежде всего, отмѣтить весьма существенное недоразумѣніе въ самомъ примѣненіи слова «любовь». Не только въ жизни, но и въ наукѣ (психологіи) этимъ словомъ опредѣляется всякая душевная склонность, всякое влеченіе къ внѣ насъ лежащимъ объектамъ. Такъ, говорятъ, наприм., любовь къ Богу, къ родинѣ, къ народу, къ человѣку, къ семьѣ, къ музыкѣ, къ деньгамъ и т. п. Произволъ въ этомъ отношеніи доходитъ даже до того, что, мысленно объективируясь, человѣкъ находитъ въ самомъ себѣ состояніе, опредѣляющееся названіемъ *самолюбія*,—т. е. любовь къ себѣ. Ниже я укажу всю несостоятельность этого шаблоннаго обращенія съ словомъ, назначеніе котораго — служить выраженіемъ одного изъ господствующихъ духовныхъ состояній, одной изъ величайшихъ міровыхъ идей, а вовсе не для опредѣленія разныхъ преходящихъ чувствованій и случайныхъ влеченій.

Вотъ моя исходная точка зрѣнія.

Всякое духовное влеченіе становится сознательнымъ лишь путемъ непосредственнаго его *ощущенія* или *чувствованія* организмомъ. Пока этого ощущенія нѣтъ, мы имѣемъ дѣло съ фантазіею или безплотной идеей. Ощущеніе-же выражается въ вызываемыхъ данными влеченіями чувствахъ: наслажденія или отвращенія, радости или страха и т. п. Этимъ путемъ каждое влеченіе превращается въ опредѣленное физіологическое состо-

Digitized by Google

яніе, безъ котораго, повторяю, и самое влеченіе совершенно отсутствуетъ.

Поэтому, употребляя выраженія: любовь къ семьѣ, къ родинѣ и т. п., мы должны находить въ себѣ соотвѣтствующія имъ физіологическія состоянія. Анализируя происхожденіе каждаго изъ подобныхъ видовъ любви, мы должны придти къ заключенію, что они имѣютъ одинъ и тотъ-же источникъ и выражаются въ нашемъ организмѣ однимъ и тѣмъ-же состояніемъ. Источникъ этотъ — чувство *самосохраненія*, состояніе это—влеченіе къ объекту. Любовь-же въ смыслѣ полового влеченія имѣетъ своимъ источникомъ жажду общенія съ всемірною гармоніею и соотвѣтственнаго удовлетворенія своихъ физіологическихъ потребностей. О самосохраненіи тутъ нѣтъ и помину...

Начнемъ съ *самолюбія*. Въ чемъ оно выражается? Въ отстаиваніи своихъ личныхъ интересовъ, убѣжденій и взглядовъ, въ желаніи пользоваться плодами своихъ трудовъ *только для себя*, въ совершенномъ равнодушіи къ несчастію или интересамъ ближняго и т. п. Но все это чисто *отрицательныя* отношенія къ внѣшнему міру, вызывающіяся *чувствомъ самосохраненія*, желаніемъ доставить полное удовлетвореніе своимъ *личнымъ* потребностямъ хотя-бы въ ущербъ *чужимъ*. Мы видимъ здѣсь стараніе человѣка оградить себя отъ всякаго внѣшняго воздѣйствія; *положительныхъ-же проявленій*, въ смыслѣ прямого влеченія или *любовной привязанности къ себѣ*, мы не замѣчаемъ въ немъ, да и замѣчать не можемъ.

Digitized by Google

такъ какъ влеченіе мы можемъ питать лишь къ объекту, лежащему внѣ насъ. Это во первыхъ; во вторыхъ же, любовь, находящая себѣ удовлетвореніе въ общеніи двухъ субъектовъ, вноситъ въ жизнь послѣднихъ, именно, тѣ элементы, которыхъ нѣтъ въ состояніи, характеризующемся словомъ «самолюбіе»,—это: желаніе творить добро и готовность осуществлять самыя смѣлыя альтруистическія задачи. Съ этой точки зрѣнія слово «самолюбіе» является полной антитезой понятія о любви и оно легко могло-бы быть всегда замѣняемо словомъ «самоуваженіе», которымъ вполнѣ характеризуется исключительное вниманіе, оказываемое человѣкомъ своей личности, своимъ взглядамъ, своимъ интересамъ, плодамъ своихъ трудовъ и т. п.

Другой видъ *любви*—къ *родинѣ* тѣсно соприкасается съ тѣмъ состояніемъ, которое мы называемъ самолюбіемъ. Любовь къ родинѣ опять-таки имѣетъ своимъ источникомъ чувство самосохраненія. Чтобы понять въ данномъ случаѣ всю силу основного мотива любви, нужно очутиться на чужбинѣ. Тоска, овладѣвающая человѣкомъ въ этомъ положеніи, является выраженіемъ гнетущихъ чувствъ одиночества и беззащитности, которыя вызываются незнакомствомъ съ чужою страною, неувѣренностью въ своей безопасности или обезпеченности противъ несчастныхъ случайностей. Сознаніе своей безопасности въ собственной странѣ, кажущееся, по крайней мѣрѣ, знакомство съ каждымъ клочкомъ земли, съ каждымъ камнемъ своей родины,

Digitized by Google

знаніе порядковъ и увѣренность въ томъ, что, при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, непремѣнно явится поддержка, помощь или защита со стороны властей или согражданъ, — все это создаетъ крѣпкую *привязанность* къ родинѣ, т. е. духовное влеченіе, которое находитъ себѣ физіологическое выраженіе въ чувствѣ наслажденія, доставляемаго состояніемъ увѣренности или спокойствія. Самопожертвованіе ради отечества есть слѣдствіе того-же чувства самосохраненія или самообороны, которое въ цѣломъ народѣ становится общимъ, коллективнымъ, соціальнымъ.

Третій видъ любви человѣка, граничащій съ предидущими, это—по отношенію къ виновникамъ своего существованія, *родителямъ*, покровителямъ, воспитателямъ и т. п. Источникъ его — опять-таки чувство самосохраненія. Испытывая на каждомъ шагу полную свою безпомощность или беззащитность и сознавая свою безусловную зависимость отъ родителей, ребенокъ старается постоянно держаться поближе къ нимъ и такимъ образомъ развиваетъ въ себѣ ту привязанность къ родителямъ, которую мы называемъ любовью. Эта привязанность сохраняется и въ возмужаломъ возрастѣ, но тогда уже базируетъ на чувствѣ признательности за воспринятое отъ родителей добро.

Любовь родителей къ дѣтямъ коренится въ тѣхъ-же чувствахъ, которыми опредѣляется состояніе самолюбія и которыя также сводятся, какъ я показалъ выше, къ общему чувству самосохраненія Привыкая, со дня

Digitized by Google

рожденія ребенка, смотрѣть на него, какъ на свою неотъемлемую собственность, родители какъ-бы сливаются съ нимъ въ единое цѣлое, и чувство самосохраненія становится у нихъ *общимъ, коллективнымъ, семейнымъ.* Между членами семьи развивается и укрѣпляется чувство взаимной, круговой отвѣтственности, а это чувство является крѣпчайшей основой всякой привязанности. Антропологи находятъ, что чувство привязанности къ дѣтямъ внушено родителямъ самою природою для того, чтобы они удерживали ихъ при себѣ, по возможности, дольше или, по крайней мѣрѣ, до достиженія ими зрѣлаго возраста, когда они уже болѣе не нуждаются въ посторонней помощи. Догадка—весьма удачная и, повидимому, вполнѣ отвѣчающая истинѣ.

Наконецъ, *любовь къ Богу.* Это влеченіе является на смѣну первоначальному безотчетному страху передъ силами природы, когда въ человѣкѣ уже слагается сознаніе бытія Творца, пекущагося обо всемъ сущемъ. Влеченіе, вызываемое этимъ сознаніемъ, аналогично съ влеченіемъ дѣтей къ родителямъ. Слѣдовательно, и тутъ источникомъ любви является все то-же чувство самосохраненія.

Нѣтъ надобности распространяться въ доказательствахъ однородности происхожденія всѣхъ другихъ второ-и третье-степенныхъ видовъ любви: къ знанію, къ славѣ, къ богатству и т. п., до любви къ человѣчеству включительно...

Digitized by Google

Единственный видъ любви, не подходящій подъ только-что разсмотрѣнную категорію,—это любовь къ природѣ. Физіологическое выраженіе ея—то-же самое, которое вызывается хотя-бы, напр., питаніемъ (пищей, водой и воздухомъ), т. е. удовлетвореніемъ непосредственныхъ потребностей организма. Какъ я уже подробно пояснилъ выше, влеченіе къ природѣ является необходимымъ составнымъ элементомъ половой любви. Безъ общенія съ природою, хотя и мысленнаго, не можетъ быть и полной любви въ смыслѣ общенія со всемірной гармоніей...

Базируя на подобной временной, преходящей основѣ, какъ чувство самосохраненія, всѣ разсмотрѣнные выше виды любви не могутъ отличаться особенною прочностью, и потому, однажды утративъ свою *чувственную* подкладку, они уже переходятъ въ область отвлеченныхъ идей и вмѣстѣ съ ними подвергаются критическому анализу ума или практическаго разсудка. Вотъ, почему мы часто видимъ, что самый сильный религіозный фанатизмъ превращается въ крайній атеизмъ, самый глубокій патріотизмъ—въ крайній космополитизмъ, беззавѣтная любовь къ родителямъ—въ мстительную ненависть къ нимъ и т. д.

Одна половая любовь всегда и при всякихъ обстоятельствахъ остается вѣрной самой себѣ *): никакой деспотизмъ, никакія лишенія и оскорбленія не въ со-

*) Лермонтовъ: «Любовь Мертвеца», «Къ Л***» (подражаніе Байрону).

Digitized by Google

стояніи окончательно искоренить ее изъ сердца; она можетъ быть заглушена, придавлена чувствами озлобленія, мщенія и кажущейся ненависти, но совсѣмъ исчезнуть она можетъ развѣ только съ полнымъ перерожденіемъ организма или духа, напримѣръ, подъ вліяніемъ долгой изнурительной болѣзни, сильнаго физіологическаго потрясенія, продолжительнаго и разнообразнаго путешествія, систематическаго разжиганія чувства ненависти и т. п.

Смѣшиваютъ-же съ этою любовью всякія другія душевныя влеченія потому, что, по формѣ и способу своихъ выраженій, они представляются вполнѣ аналогичными съ нею, а въ большинствѣ случаевъ являются даже ея спутниками.

Но есть болѣе общая причина этого смѣшенія всякихъ временныхъ и преходящихъ влеченій съ любовью въ строгомъ смыслѣ этого слова. Причина эта заключается въ величайшей тайнѣ экономіи природы, такъ мало разгаданной до сихъ поръ нашей юной наукой.

Позволю себѣ объясниться и по этому пункту нѣсколько подробнѣе.

Природа, при всей обширности и необъятности пространства вселенной, соблюдаетъ въ процессѣ своего творчества такую строгую экономію, предѣлы которой совершенно ускользаютъ отъ созерцательной воспріимчивости нашего ума. Природа не терпитъ пустоты, бездѣйствія и непроизводительнаго бытія. Даже смерть или разложеніе есть ничто иное, какъ начало новаго

Digitized by Google

жизненнаго процесса. Ея творчество—полная противуположность нашему, человѣческому. Тогда какъ каждое дѣло нашихъ рукъ является немудренымъ превращеніемъ простого элемента въ сложный, а каждый произведенный нами предметъ получаетъ одностороннее и временное назначеніе, въ творчествѣ природы — все *сложно* и *вѣчно*, каждое явленіе обнаруживаетъ одновременно и внутреннее, самостоятельное, и внѣшнее, зависимое отъ другихъ явленій, бытіе.

Объяснюсь примѣрами. Растеніе, предназначенное. повидимому, для питанія животныхъ, или дерево, годное для нашихъ построекъ или для согрѣванія нашихъ жилищъ, само въ то-же время живетъ, питается, плодится. Мы просто срубаемъ дерево и превращаемъ его въ мертвыя доски или полѣнья дровъ; мы кладемъ эти полѣнья въ печку, нисколько не задумываясь надъ мыслью, что для добычи небольшого количества быстро исчезающаго тепла мы уничтожаемъ родоначальника цѣлаго будущаго сада или лѣса. Между тѣмъ, намъ, конечно, показалось-бы смѣшнымъ, напримѣръ, рубить столы, стулья и диваны и бросать ихъ въ печку для той-же цѣли, хотя эти предметы имѣютъ совершенно односторонніе назначенія, нуждаются для своего сохраненія во внѣшнемъ уходѣ за собой и осуждены на вѣчное бездѣйствіе и безплодность. Другой примѣръ. Вегетаріанецъ возмущается тѣмъ, что человѣку приходится питаться мясомъ и кровью живыхъ существъ. Этотъ протестъ, конечно, вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему духу, воспитан-

Digitized by Google

ному, такъ сказать, на чувствѣ самосохраненія, которое, собственно говоря, всецѣло относится къ нашей тѣлесной оболочкѣ. Вегетаріанецъ справедливо говоритъ: если мнѣ дано жить и передавать жизнь другимъ, то по какому-же праву я отнимаю ее у другого животнаго? Но природѣ нѣтъ никакого дѣла до подобныхъ разсужденій. Она предоставляетъ намъ питаться другими животными, какъ и другимъ животнымъ — питаться нами; если-же мы, въ большинствѣ случаевъ, избѣгаемъ этой непріятности, то только благодаря нашему умственному превосходству, средствамъ самопомощи и т. п. Для природы важно только, чтобы каждый объектъ, — каково-бы ни было его назначеніе, — осуществлялъ собою процессъ эволюціи или развитія, чтобы онъ самъ существовалъ и передавалъ свое бытіе другимъ. Поэтому вегетаріанцы напрасно воображаютъ, что воздерживаются отъ какого-то противоестественнаго акта, не употребляя въ пищу мяса: природа вовсе не думала, да и не можетъ предложить имъ другой пищи, кромѣ организованныхъ объектовъ, въ видѣ животныхъ или растеній; напрасно смущаются тѣмъ, что эта пища, до ея употребленія, обнаруживаетъ жизненность и самодѣятельность. Что-же дѣлать, если природа не знаетъ абсолютно элементарныхъ веществъ? Вѣдь, даже, такъ называемая, атомистическая теорія оказалась лишь пригнанною къ нашимъ воззрѣніямъ, ищущимъ непремѣнно для каждаго сложнаго явленія абсолютно *простого* начала. Какъ-бы умъ нашъ

Digitized by Google

ни ухищрялся представить себѣ безконечно малую величину вещества, дѣлимость послѣдняго, все-таки, останется безпредѣльной...

Но строгая экономія природы сказывается не только въ сложности или организованности объектовъ; она еще нагляднѣе проявляется въ различныхъ примѣненіяхъ однихъ и тѣхъ-же органовъ тѣла. Напримѣръ, механизмы рта и горла служатъ одновременно для проведенія пищи въ организмъ, для рѣчи, пѣнія и т. п., механизмъ носа—для обонянія, выдѣленія мокротъ и т. п. Восходя, далѣе, отъ видимыхъ къ невидимымъ явленіямъ, мы ту-же самую экономію замѣчаемъ и въ области чувствъ. Одно и то-же сердце усиленно бьется и отъ переполненія чувствомъ любви, и отъ жажды обогащенія, и отъ радости и страха. Въ интересахъ экономіи природа сообщила каждому чувству сильную интенсивность, которая даетъ ему возможность проявляться въ различныхъ формахъ и выраженіяхъ. Напримѣръ, одно и то-же чувство неудовольствія выражается въ формѣ безотчетной антипатіи или сознательной вражды, слабаго или сильнаго раздраженія, неуваженія или гнѣва и т. п.

По той-же самой причинѣ и всѣ перечисленные виды любви или симпатіи являются только *производными* изъ половой любви, какъ общаго, безотносительнаго, безкорыстнаго и господствующаго чувства,—что и требовалось доказать.

Можно было-бы подтвердить это положеніе еще

Digitized by Google

тѣмъ фактомъ, что почти всѣ сильныя душевныя эмоціи сопровождаются нѣкоторымъ половымъ движеніемъ, но это уже дѣло физіологіи...

Здѣсь кстати будетъ дополнить одно изъ высказанныхъ мною раньше предположеній. Отрицая существованіе, такъ называемаго, «духовнаго міра» *внутри* нашего организма, я сравнилъ роль нервной системы въ проявленіи духовной дѣятельности съ ролью скрипки въ производствѣ мелодіи. Мнѣ могутъ возразить: но, вѣдь, въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о *живомъ*, самодѣятельномъ существѣ—человѣкѣ, а во второмъ—лишь о *мертвомъ* механизмѣ, имѣющемъ одностороннее назначеніе. Совершенно вѣрно,—отвѣчу я. Но въ томъ-то и дѣло, что если-бы скрипку создала природа для той-же цѣли, т. е. производства звуковъ, — то этотъ механизмъ, безъ сомнѣнія, обладалъ-бы жизненностью, и тогда вызываемыя имъ чисто *внѣшнія* звуковыя явленія мы считали-бы продуктами его внутренней, *духовной* дѣятельности, — что, конечно, было-бы совершенно неосновательно...

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Когда я прочиталъ предъидущія строки одному изъ моихъ интимныхъ друзей, случайно заставшему меня за работой, онъ вполнѣ одобрилъ мое сужденіе объ условіяхъ, при которыхъ человѣку иногда удается благополучно освободиться отъ неудовлетвореннаго чувства любви, но при этомъ замѣтилъ: вы упустили изъ виду еще одно условіе или, вѣрнѣе, средство, мною лично испытанное. Оно, можетъ быть, самое вѣрное, хотя и должно сопровождаться нѣкоторой разсудочной работой, которая, на вашъ взглядъ, не мирится съ пассивнымъ чувствомъ любви.

Замѣчаніе это глубоко заинтересовало меня, и я просилъ его подробно изложить мнѣ свою «исторію».

«Это самая обыкновенная, на каждомъ шагу повто-

Digitized by Google

ряющаяся исторія,—пишетъ онъ мнѣ,—и потому-то въ ней, можетъ быть, очень много поучительнаго.... Разскажу ее вамъ безъ всякихъ претензій на краснорѣчіе....

«Уже въ очень юные годы я пристрастился къ чтенію романовъ и поэтическихъ произведеній. Я проводилъ надъ ними цѣлыя ночи и проглатывалъ ихъ цѣлыми десятками. Каждая прочувствованная строфа,—о чемъ-бы она ни пѣла: о любви, о красотахъ природы или о страданіяхъ,—вызывала во мнѣ восторженное настроеніе и усиленное сердцебіеніе. Я ощущалъ потребность откликаться на каждое трогательное стихотвореніе чѣмъ-то еще болѣе глубокимъ, еще болѣе прочувствованнымъ, и удовлетворялъ эту потребность чрезвычайно усердной и, конечно, совершенно безплодной порчей бумаги. Это было крайне неопредѣленное состояніе экстаза, энтузіазма—или назовите его, какъ хотите.... Не могу припомнить, сколько времени продолжалось это настроеніе; но школьная ферула, повидимому, очень скоро взяла верхъ надъ неосмысленными дѣтскими иллюзіями, и весь періодъ моего прохожденія средней и высшей школы прекрасно характеризовался въ моихъ дипломахъ словами: «отличное прилежаніе и прекрасное поведеніе». Я не имѣлъ привычки пропускать уроки, всегда зналъ ихъ на высшую отмѣтку и никогда не упускалъ изъ виду прямой цѣли моего обученія,—т. е.,—по практическому выраженію моихъ родителей, — «выйти въ люди» и быть также имъ полезнымъ въ ихъ старости...

Digitized by Google

«Первыя встрѣчи и столкновенія мои съ женщинами относятся къ послѣднимъ годамъ моей школьной жизни.

«Слово «люблю» уже тогда довольно часто срывалось съ моихъ устъ, но оно характеризовало собою только чисто случайныя, мимолетныя отношенія, которыя также легко разсѣевались, какъ и возникали. Въ основаніи ихъ скорѣе лежала жажда развлеченій, чѣмъ что-либо похожее на дѣйствительную любовь...

«Женщина, уже по самой природѣ своей, очень склонна къ физическимъ наслажденіямъ; чѣмъ меньше мужчины стараются привлекать къ себѣ ея вниманіе, тѣмъ больше она сама ихъ ищетъ. Ей нужны «кавалеры» хотя-бы только для того, чтобы сопровождать ее въ театръ, на разныя общественныя увеселенія и т. п. Но господа «кавалеры» далеко не такъ наивно-безкорыстны въ подобныхъ дѣлахъ, какъ женщина: въ «ухаживаніи» за женщиною только ради доставленія ей разныхъ услугъ и удовольствій мужчина не находитъ для себя ни малѣйшаго удовлетворенія, тѣмъ болѣе, что оно сопряжено съ множествомъ мелкихъ неудобствъ и непріятностей. Возможность болѣе интимнаго сближенія съ женщиною—вотъ главный и, пожалуй, единственный стимулъ всякихъ ухаживаній... Въ этомъ долженъ сознаться каждый мужчина, положа руку на сердце.... Если женщина танцуетъ дѣйствительно *только* для своего удовольствія, такъ сказать — для самаго процесса танцевъ, то мужчина, обнимая женщину за талію и какъ-бы

Digitized by Google

ненамѣренно прижимая ее къ своей груди, старается извлечь наслажденіе не изъ танца, а именно изъ этой временной близости женщины, воспринять, такъ сказать, частицу ея существа въ видѣ аромата ея тѣла, ея теплоты, физіологическаго возбужденія, вызываемаго взаимнымъ прикосновеніемъ, и т. п. Даже наивно-снисходительный идилликъ Вертеръ, впервые сблизившійся съ своей обожаемой Шарлоттой во время вальса, не могъ воздержаться въ письмѣ къ другу отъ слѣдующаго замѣчанія: «Обнимать прелестнѣйшее созданье и вертѣться съ нимъ, какъ вихрь, когда все вихремъ и кругомъ идетъ,—знаешь, что я тебѣ скажу?—въ то время я далъ себѣ клятву, что той дѣвушкѣ, которую буду любить, къ которой буду имѣть какія-нибудь притязанія, той дѣвушкѣ—умри я на мѣстѣ!—*не позволю вальсировать ни съ кѣмъ. Ты понимаешь меня?...*». Точно также, вызываясь проводить даму послѣ шумнаго бала или скромнаго семейнаго вечера,—о чемъ думаетъ «кавалеръ», какое чувство вкладываетъ онъ въ эту маленькую услугу?—Все то-же стремленіе къ интимному сближенію...

«Говоря объ этомъ сближеніи, я, конечно, не подразумѣваю подъ нимъ какой-либо прочной связи. Въ большинствѣ случаевъ, мужчина не только этого не ищетъ, но даже боится... Безотчетное чувственное влеченіе заставляетъ его желать только мимолетнаго обладанія женщиною, которая ему нравится... Разумная женщина, дорожащая своимъ достоинствомъ и понимающая истин-

Digitized by Google

ную подкладку подобныхъ мужскихъ услугъ, готова скорѣе отказаться отъ всякихъ развлеченій, чѣмъ служить предметомъ пошлыхъ, хотя-бы только мысленныхъ, притязаній... И что, въ самомъ дѣлѣ, за удовольствіе для женщины чувствовать въ каждомъ развлеченіи примѣсь какихъ-то постороннихъ вожделѣній, такъ сказать—чужеядныхъ элементовъ! Но, къ сожалѣнію, не всѣ женщины разумны, и тѣ изъ нихъ, которыя привлекаютъ къ себѣ «кавалеровъ», или не отдаютъ себѣ отчета въ дѣйствительныхъ мотивахъ ихъ ухаживаній, или сознательно игнорируютъ эти мотивы, стараясь только извлекать изъ нихъ всю возможную пользу. Но подобнымъ игнорированіемъ эгоистическихъ побужденій мужчины удерживать при себѣ кавалеровъ невозможно, и женщинѣ волей-неволей приходится прибѣгать къ притворству, т. е. безъ протеста принимать излишне-крѣпкое рукопожатіе, съ снисходительной улыбкой выслушивать безсмысленные комплименты, принимать недорогіе, но не прошенные подарки, въ видѣ конфектъ или букетовъ; однимъ словомъ—поддерживать въ кавалерѣ надежду на успѣхъ его искательствъ... Но здѣсь-то, именно, и кроется главный источникъ всякаго рода амурныхъ приключеній: женщина часто не выдерживаетъ своей притворной роли и спотыкается... Обыкновенно это случается въ пылу чрезмѣрнаго увлеченія танцами, или подъ вліяніемъ разыгравшейся фантазіи послѣ оживленнаго ужина, или при случайно-интимной бесѣдѣ о горѣ,

Digitized by Google

скрывающемся подъ туго затянутымъ корсетомъ, и т. п. На эту тему написаны тысячи романовъ, и, кажется, въ изображеніи любви беллетристы никогда не шли дальше этой узенькой сферы амурныхъ приключеній и интригъ...

«Не помню уже—сколько лѣтъ я и самъ состоялъ въ числѣ этихъ милыхъ кавалеровъ и,—что удивительнѣе всего, — я только теперь, спустя много лѣтъ, въ состояніи оцѣнить всю пошлость моего тогдашняго поведенія и всю щекотливость той роли, которую навязывалъ женщинамъ по отношенію ко мнѣ.

«Скажу словами Арбенина:

Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ,
Любимъ былъ часто нѣжно, страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.

«Странно, однако, обманываемыхъ женщинъ называть «обманщицами»... Напротивъ, я даже способенъ былъ озлобляться противъ женщины, которая уклонялась-бы отъ моихъ услугъ. Такихъ женщинъ я называлъ презрительнымъ именемъ «матронъ». Но, повторяю, истиннаго чувства любви я ни разу не испыталъ въ этотъ періодъ жизни, да и, кажется, не ощущалъ въ немъ никакой потребности... Только мучительное состояніе холостого одиночества, чередовавшееся съ мимолетными амурными похожденіями, заставляло меня иногда призадумываться надъ вопросомъ о болѣе прочной любовной связи....

Digitized by Google

«Въ одинъ изъ такихъ моментовъ я и сдѣлался супругомъ хорошенькой женщины, а черезъ годъ—отцомъ очень милаго ребенка... Вы видите, что во всей этой исторіи до сихъ поръ нѣтъ ничего необыкновеннаго... Дѣла и занятія постепенно отвлекали меня отъ прежняго общества и медовая пора интрижекъ окончательно ушла въ область преданій. Рутина жизни не оставляла мѣста поэтическимъ мечтаніямъ и влеченіямъ. Всѣ отношенія—супружескія, родительскія, дѣловыя—уже давно уложились въ установленныя законами и обычаями рамки. Моя семейная жизнь считалась во всѣхъ смыслахъ образцовою, и если я или жена моя мечтали о какихъ либо житейскихъ успѣхахъ или перемѣнахъ, то лишь въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія нашего благосостоянія, хорошаго воспитанія дѣтей и т. д.

«Вдругъ случилось то, что должно или, по крайней мѣрѣ, можетъ случиться съ каждымъ, кто съ молоду не былъ молодъ, а лишь «въ кругу обманщицъ глупо юность погубилъ»...

«Среди моихъ дѣловыхъ сношеній я нѣсколько разъ приходилъ въ столкновеніе съ молодою женщиною, которая жила совершенно одиноко вслѣдствіе отсутствія ея мужа—моряка, находившагося въ «дальнемъ плаваніи». Вы, конечно, догадываетесь, что она была и хороша, и умна, и добродѣтельна, и пользовалась самыми лучшими симпатіями въ обществѣ. Нѣсколько откровенныхъ бесѣдъ чисто дѣлового свойства, обнаружившихъ, съ одной стороны, ея затруднительное матері-

Digitized by Google

альное положеніе, а съ другой стороны—дѣйствительную причину ея одиночества—охлажденіе къ ней мужа,—настолько сблизили насъ, что мнѣ приходилось оказывать ей самыя разнообразныя мелкія услуги. Теперь я вспоминаю, что уже съ самаго начала нашего знакомства я дѣлалъ это съ усердіемъ, которое могло-бы мнѣ самому показаться слишкомъ преувеличеннымъ при другихъ обстоятельстахъ... Но побужденія мои представлялись мнѣ тогда идиллически чистыми. Я уже не былъ способенъ на донъ-жуанскія похожденія, а о болѣе серьезномъ чувствѣ,—мнѣ опять-таки казалось,—я и думать не могъ. Однако, наши отношенія все болѣе и болѣе принимали характеръ необыкновенно-тѣсной дружбы. Взаимные визиты все болѣе учащались и я сталъ для нихъ, незамѣтнымъ образомъ, урывать время не только отъ моихъ сношеній съ знакомыми и близкими, но и отъ дѣла. Не видѣться хотя-бы только одинъ день было-бы для насъ обоихъ большимъ лишеніемъ, и между нами установилось невинное обыкновеніе назначать другъ другу свиданія часто по одному и даже по два раза въ день...

«О чемъ мы такъ часто бесѣдовали, не замѣчая пролетавшихъ часовъ и вечеровъ, мнѣ теперь, конечно, трудно припомнить. Мы, разумѣется, обмѣнивались новостями дня, комментировали выдающіяся событія, спорили о новыхъ литературныхъ произведеніяхъ и т. д.... Но вы—я вижу—съ нетерпѣніемъ ждете главнаго: вѣдь, и въ менѣе интимныхъ бесѣдахъ съ женщинами—думаете

Digitized by Google

вы—*чувства* являются однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ!... Вы совершенно правы: и въ нашихъ бесѣдахъ «чувства» не оставались на второмъ планѣ, но мы подходили къ нимъ очень осторожно, подъ прикрытіемъ шутки надъ нашей необыкновенной дружбой или протеста противъ назойливой сплетни, уже успѣвшей заподозрить наши отношенія, и т. п. Но это нисколько не мѣшало моей собесѣдницѣ часто забывать свою руку въ моей, а мнѣ называть ее шутливо ласкательными именами... Могу, однако, увѣрить васъ, что мое расположеніе къ ней очень долго вполнѣ уравновѣшивалось моими дѣловыми и семейными отношеніями и что по собственному почину я никогда не вышелъ-бы изъ колеи, не нарушилъ-бы этого равновѣсія. Но женщины, къ сожалѣнію, слабѣе въ этихъ случаяхъ, и, въ концѣ концовъ, насталъ-таки тотъ неизбѣжный моментъ, когда болѣе сильное чувство, скрывающееся подъ маской непритязательной дружбы, требуетъ рѣшительнаго исхода... Въ одну изъ нашихъ бесѣдъ она какъ-то особенно конфузливо предложила мнѣ сдѣлать съ нею увеселительную поѣздку въ сосѣдній городъ. Въ необыкновенномъ тонѣ этого предложенія мнѣ почувствовался рѣшительный вызовъ, а когда я замѣтилъ разлившійся по всему лицу ея румянецъ—мнѣ все стало ясно... Знаете-ли вы—о чемъ я подумалъ въ эту минуту? О послѣдствіяхъ: мнѣ показалось, что эти крошечныя ручки вдругъ пріобрѣли гигантскую силу и, ухватившись за одинъ конецъ балан-

Digitized by Google

са моей жизни, собираются опрокинуть его. Это было одновременно и тревожное, и пошлое ощущеніе. Но мнѣ стало стыдно этого мимолетнаго сомнѣнія и, желая загладить его,—какъ будто она могла прочитать его въ моихъ мысляхъ!—я съ неподдѣльною нѣжностью взялъ ея руки и долго не выпускалъ ихъ. Передо мною въ эту минуту сидѣла уже совсѣмъ другая женщина, и чѣмъ больше я вглядывался въ ея черты, тѣмъ больше я сожалѣлъ о потерянномъ прошломъ. Мнѣ только теперь стало ясно, что наша дружба была ничто иное, какъ придавленная толстымъ кодексомъ житейскихъ приличій любовь, что стоило только немножко сдвинуть эту тяжесть, чтобы божественное чувство вырвалось наружу со всей присущей ему энергіей...

«Говорить-ли дальше?... Съ тѣхъ поръ мы уже не могли мыслить себя другъ безъ друга. Все окружающее насъ отодвинулось на задній планъ... Не стану вамъ описывать, какъ я,—человѣкъ второй молодости,—постепенно перерождался, обуреваемый той неукратимой страстью, которую такъ краснорѣчиво воспѣваютъ поэты, но которая выпадаетъ на долю очень немногихъ избранныхъ. Любовь, очевидно, спѣшила вознаградить себя за праздно проведенную мною первую молодость. Я былъ счастливъ до одуренія; я былъ ослѣпленъ до того, что крайне удивился, когда въ одно прекрасное утро мнѣ подали письмо, въ которомъ жена извѣщала меня, что она не могла долѣе переносить моего поведенія, выходящаго изъ предѣловъ всякихъ приличій, и на-

Digitized by Google

всегда покинула меня, удалившись вмѣстѣ съ ребенкомъ къ своимъ родителямъ... Я былъ, конечно, кругомъ виноватъ; но могъ-ли я, смѣлъ-ли я даже подумать о томъ, чтобы бѣжать отъ своего чувства?... Я послалъ женѣ слезное письмо, въ которомъ предоставлялъ себя, все мое состояніе въ полное ея распоряженіе, но умолялъ ее оставить мнѣ мое чувство, не требовать отъ меня самоотреченія, равносильнаго самоубійству... Я былъ слишкомъ виноватъ передъ нею, чтобы предлагать ей расторженіе брака, а она объ этомъ молчала. Да и возлюбленная моя—назовемте ее какимъ-нибудь именемъ,—хотя-бы Надей,—была слишкомъ благородна, чтобы предъявлять ко мнѣ такое требованіе относительно ни въ чемъ неповинной женщины. Наконецъ, и время дѣлаетъ свое дѣло: мало по малу вновь установившіяся отношенія какъ-то *по своему* уравновѣсились, и жизнь моя съ Надей была безпрерывнымъ праздникомъ любви, который только изрѣдка отравлялся мыслью о разладѣ съ семьею...

«Въ настоящую минуту, однако, вы видите меня совершенно одинокимъ и догадываетесь, конечно, что или смерть прекратила мои отношенія къ Надѣ, или въ нихъ произошелъ одинъ изъ тѣхъ неизбѣжныхъ переворотовъ, о которыхъ шекспировской монахъ Лоренцо говоритъ такъ поучительно и мѣтко:

Чѣмъ страсть сильнѣй, тѣмъ у нея бываетъ
Печальнѣе конецъ. Огонь и порохъ
Встрѣчаются за тѣмъ, чтобы другъ друга
Взаимно уничтожить...

Digitized by Google

«Нѣтъ, моя возлюбленная не умерла: она живетъ гдѣ-то очень далеко отсюда... съ мужемъ или съ кѣмъ-нибудь другимъ—не знаю... Ларошфуко или кто-то другой вполнѣ вѣрно замѣтилъ, что женщина, имѣвшая одного любовника, будетъ имѣть и другого, и третьяго... Вы понимаете весь трагизмъ этого финала... Какъ наступило между нами охлажденіе—я подробно разсказывать не стану... Это тоже довольно обыкновенная исторія... Скажу только, что первыя размолвки возникли на почвѣ разныхъ встрѣчъ и столкновеній. Пресытилась-ли она любовью, или въ нашу жизнь уже сталъ проникать всеотравляющій ядъ рутины, но она вдругъ стала обнаруживать особенный интересъ къ обществу, вспоминать о хорошихъ знакомыхъ, отыскивать старыхъ друзей... Незамѣтнымъ образомъ наше любовное tête-à-tête стало все чаще и чаще нарушаться вторженіемъ постороннихъ элементовъ. Приходилось назначать другъ другу свиданія въ промежуткахъ между пріемомъ гостей и отвѣтными визитами. Выдавались дни и вечера, когда мы и вовсе не видались. Но—что было всего ужаснѣе для меня, — это нетерпѣніе, съ которымъ она спѣшила сокращать наши и безъ того короткія свиданія для пріема добраго знакомаго или участія въ званомъ вечерѣ. Ясно было, что въ ея сердцѣ образовалась пустота, которой я своей собственной персоной уже не былъ въ состояніи наполнить. Зато мое сердце было не только по прежнему полно, но даже переполнено,—если позволительно такъ выразиться, -- прили-

Digitized by Google

вомъ желчи... Я сталъ раздражителенъ, и наши размолвки все болѣе учащались. Дѣло уже доходило до открытыхъ ссоръ и временныхъ разрывовъ, среди которыхъ вполнѣ ясно обнаруживалось, что я начинаю становиться ей невыносимымъ именно моей чрезмѣрной любовью, моимъ нежеланіемъ брать у нея лишь столько любви, сколько она *могла* мнѣ давать при тогдашнемъ настроеніи... Долго, однако, я не терялъ надежды на возможность полнаго примиренія, на возрожденіе всей ея прежней привязанности, и каждая искренняя ласка ея сразу изгоняла изъ моей груди невыносимыя муки сомнѣній. Но чѣмъ интиміѣе разрѣшалась одна размолвка, тѣмъ сильнѣе была другая, смѣнявшая ее, и однажды разрывъ затянулся гораздо дольше, чѣмъ всѣ прежнія временныя разлуки, вмѣстѣ взятыя...

«Это былъ одинъ изъ тѣхъ критическихъ психологическихъ моментовъ, которымъ геніальный поэтъ посвятилъ свое глубоко-трогательное стихотвореніе:

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной,
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи.
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьѣ
И милый образъ во снѣ лишь порою видали *)...

«Въ порывѣ великодушія, впрочемъ, моя возлюбленная предлагала мнѣ, взамѣнъ глупой разлуки «въ гор-

*) Лермонтовъ. «Изъ Гейне».

Digitized by Google

домъ страданьѣ», какую-то отвлеченную дружбу, съ обѣщаніемъ возвратить мнѣ свою любовь спустя нѣкоторое время, когда я буду въ состояніи «спокойно» переносить ея охлажденіе и не «мучить» ея своею требовательностью... Это напомнило мнѣ объ одной барынѣ, которая, періодически мѣняя любовниковъ, также оставляла ихъ въ своей свитѣ въ качествѣ платоническихъ друзей, и эти глупцы, не подозрѣвая существованія новаго, дѣйствительнаго любовника, цѣлые годы вздыхали около нея въ надеждѣ возвратить ея любовь. Въ обществѣ ихъ называли «потухшими планетами» и, конечно, осуждали за постыдную и несчастную безхарактерность... Говорите послѣ этого о непостоянствѣ или недостаткѣ довѣрія мужчины къ женщинѣ! Обуреваемый непобѣдимымъ чувствомъ и терзаемый, въ тоже время, мучительными сомнѣніями, онъ вовсе не думаетъ о томъ, какъ-бы совершенно отрѣшиться отъ этого несчастнаго чувства, а ждетъ отъ женщины какого-нибудь, хотя-бы голословнаго увѣренія въ ея невинности, чтобы возвратить ей все первоначальное довѣріе. Ему стыдно сказать ей прямо: «обмани меня, солги, но, ради Бога, разувѣрь меня въ моихъ сомнѣніяхъ»,—и онъ старается каждый уклончивый отвѣтъ ея—въ сущности, весьма подозрительный—толковать въ смыслѣ гордаго нежеланія ея прямо опровергнуть взводимое на нее неосновательное обвиненіе... Эта прискорбная безхарактерность мужчины служитъ часто коварной женщинѣ орудіемъ для полнаго обезличенія его.

Digitized by Google

Кто не знаетъ мужчинъ, которые долгіе годы носятъ извѣстныя украшенія женской измѣны и при каждой попыткѣ протестовать противъ своего позора сами попадаютъ въ положеніе обвиняемыхъ! Женщинѣ ничего не стоитъ совершенно сбить мужчину съ толку своею крайне безпорядочною и притворно-капризною логикою, въ которой посылки никогда не соотвѣтствуютъ выводамъ, а выводы посылкамъ: онъ, напримѣръ, вздумаетъ доказывать ей предосудительность ея поведенія въ извѣстномъ случаѣ, а она ему тотчасъ-же, какъ дважды два — четыре, докажетъ, что онъ нанесъ ей тяжкое оскорбленіе, и заставитъ его цѣлую недѣлю вымаливать у нея прощеніе; онъ, напримѣръ, скажетъ ей, что, получая отъ него полное матеріальное и нравственное удовлетвореніе, она не должна принимать подарковъ отъ людей, оскорбляющихъ его своими ухаживаніями за нею,—она ему рѣзко отвѣтитъ что онъ сводитъ любовныя отношенія къ денежнымъ съ умысломъ оскорбить ея чувство, и опять заставитъ его вымаливать прощеніе; однимъ словомъ: каждый разъ, когда онъ прямо указываетъ на ея «поступки», она ссылается на его «слова», вызванныя этими-же поступками, и споръ затягивается до безконечности, надолго отравляя ихъ любовныя отношенія. Я нарочно беру самые обыкновенные примѣры, такъ какъ именно «житейскія мелочи», а не крупныя катастрофы подтачиваютъ и разрушаютъ человѣческое счастье. Все искусство женской діалектики обыкновенно сводится къ тому,

Digitized by Google

чтобы обвинителя поставить въ положеніе обвиняемаго, и, благодаря безхарактерности мужчины, ей это большею частью вполнѣ удается. Очень жаль, что нигдѣ не записано какихъ-либо споровъ между древними профессіональными софистами и ихъ возлюбленными; надо думать, что первымъ не разъ приходилось слагать оружіе передъ діалектическими пріемами вторыхъ...

«Изъ всѣхъ этихъ мыслей вы можете вывести заключеніе о томъ, какую цѣну я могъ придавать идеальной дружбѣ моей возлюбленной...

«И вотъ при такихъ-то невыразимо-мучительныхъ обстоятельствахъ я и почувствовалъ въ себѣ то самое настроеніе, о которомъ вы мнѣ читали въ вашемъ этюдѣ. Разсудокъ все настойчивѣе и вразумительнѣе доказывалъ мнѣ, что я долженъ воспользоваться настоящимъ моментомъ, чтобы окончательно развязаться съ своею любовью, убѣжать отъ своего чувства. Но какъ, какимъ способомъ этого достигнуть? Вамъ, конечно, случалось видѣть, какъ зубчатое колесо въ часовомъ механизмѣ, освобожденное отъ уравновѣшивающаго его маятника, начинаетъ вертѣться съ возростающею скоростью. То-же самое бываетъ и съ чувствомъ любви, когда оно вдругъ лишается равновѣсія взаимности: оно становится еще интенсивнѣе, еще требовательнѣе; сердце при этомъ какъ-бы увеличивается въ объемѣ и бьется такъ сильно, какъ будто не находитъ себѣ достаточно мѣста въ грудной клѣткѣ...

Digitized by Google

«Какъ-же мнѣ было выйдти изъ этого состоянія? Что я могъ предпринять для этого по собственному почину?... Вы сами, вѣдь, не предлагаете никакого средства. Да вы ничего и предлагать не можете и потому только констатируете факты. Позвольте-же и мнѣ разсказать вамъ, какъ я поступилъ въ этомъ случаѣ, всецѣло отдавшись руководству слѣпого инстинкта. Теперь, почти хладнокровно вспоминая о прошломъ, я могу совершенно объективно взглянуть на то, что тогда со мною происходило.

«Среди моихъ душевныхъ страданій я сталъ все болѣе и болѣе подмѣчать въ себѣ одно стремленіе, которое увеличивало ихъ силу, это—стремленіе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь моими чувствами, перелить въ чужую добрую душу хотя-бы нѣкоторую часть моихъ страданій... Я сталъ перебирать моихъ друзей и знакомыхъ, отыскивать среди нихъ человѣка, которому я могъ-бы подарить мое довѣріе и который желалъ-бы его принять. Но кто въ состояніи живѣе и теплѣе отозваться на человѣческое горе и сердечныя страданія, чѣмъ женщина? Тутъ мнѣ невольно припомнился чрезвычайно симпатичный образъ молодой особы, подруги моей жены, которая была нѣсколько посвящена въ наши отношенія и всегда участливо относилась къ моему чувству. Я отыскалъ ее и съ перваго-же раза замѣтилъ, что она очень обрадована встрѣчей со мной. Оказалось, что молва уже донесла до нея довольно обстоятельныя подробности всего происходив-

Digitized by Google

шаго между мною и Надей. Очевидно, моя возлюбленная не дѣлала изъ своихъ «страданій» секрета для подругъ, и это-то, надо полагать, и послужило источникомъ молвы. Но нѣтъ худа безъ добра: это обстоятельство еще болѣе облегчило моё сближеніе съ старымъ другомъ, — имя ея Марья Петровна,— и я, конечно, не былъ въ претензіи на нескромность Нади. Марья Петровна сразу поняла, чего я ищу въ ней, и наши свиданія все болѣе учащались и становились интимнѣе. Это было правдивое, доброе и сострадательное сердце. Оставаясь съ нею наединѣ, я чувствовалъ себя какъ-бы охраняемымъ крыльями ангела, и бурное сердце мое притихало точно приласканный ягненокъ. О! сколько разъ въ увлеченіи откровенной бесѣдой мы не замѣчали, какъ тѣсно прижимались другъ къ другу, какъ смѣшивались наши слезы, какъ она ласково проводила рукою по моимъ волосамъ, а я склонялъ мою голову на ея плечо!..

«Нужно-ли вамъ разсказывать, какъ прелесть этой новой взаимности и блаженство душевнаго созвучія постепенно окончательно осушили слезы и какъ въ нашихъ сердцахъ водворилось новое чувство, совершенно вытѣснившее у меня прежнее?... Проходили дни и недѣли, въ которые я даже ни разу не вспоминалъ о Надѣ, а когда въ одинъ прекрасный вечеръ я нашелъ на своемъ столѣ письмо съ надписью, сдѣланною ея рукой, то,—представьте себѣ всю силу моего

Digitized by Google

превращенія, — у меня не нашлось даже настолько простого любопытства, чтобы пожелать ознакомиться съ его содержаніемъ, и оно осталось на этотъ разъ не распечатаннымъ. Впослѣдствіи оказалось, что моя возлюбленная, убѣдившись въ твердой рѣшимости моей не возобновлять нашихъ отношеній, сама сдѣлала рѣшительный шагъ къ примиренію... Съ тѣхъ поръ мы уже больше не видались.

«Что касается исторіи моихъ дальнѣйшихъ отношеній съ Марьей Петровной и женою, то она къ занимающему васъ вопросу не относится. Впрочемъ, судьбѣ угодно было, чтобы я пережилъ ихъ обѣихъ... Дочь-же моя оканчиваетъ теперь курсъ въ одномъ изъ институтовъ для благородныхъ дѣвицъ»...

Итакъ, своимъ личнымъ примѣромъ мой другъ хотѣлъ пояснить, что есть еще одно средство избавиться отъ гнетущихъ страданій неудовлетворенной любви, это—говоря грубою народною пословицею—клинъ клиномъ вышибать. Я не буду рекомендовать этого средства, такъ какъ, во первыхъ, оно не всегда въ нашей власти, а во вторыхъ—оно связано съ новыми неудобствами и такими случайностями, которыя могутъ навсегда выбить человѣка изъ жизненной колеи. «Сочувствіе» чужому горю въ подобныхъ случаяхъ часто является у женщины лишь орудіемъ ловкой интриги. Достаточно вспомнить фаворитокъ Людовика XIV, овладѣвшихъ сердцемъ великаго короля именно путемъ притворнаго участія къ его горестямъ и пе-

Digitized by Google

чалямъ *). Поучителенъ въ разсказѣ моего друга, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что измученная неудовлетвореннымъ влеченіемъ сердце само, инстинктивно, ищетъ себѣ исцѣленія и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, находитъ его... Средства-же для этого въ высшей степени разнообразны. Въ одномъ изъ романовъ нѣмецкой писательницы Марлиттъ, напримѣръ, герой заглушаетъ въ себѣ мучительную любовь къ недостойной женщинѣ посредствомъ утомительныхъ прогулокъ... Но горе тому, кто упорно остается въ заколдованномъ кругѣ своихъ душевныхъ страданій и настойчивыхъ размышленій о потерянной любви, — его гибель неизбѣжна!... Этимъ и объясняются многочисленныя самоубійства и съумасшествія изъ-за несчастной любви...

*) «Madame de Maintenon», par Madame de Genlis. Paris, 1845.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Теперь—къ супружескому союзу.

Я не стану, конечно, излагать здѣсь исторію брачнаго института: она болѣе или менѣе знакома каждому образованному человѣку. Для цѣлей нашихъ бесѣдъ намъ достаточно помнить, что брачный институтъ уже въ самой глубокой древности является важнѣйшей основой и главнымъ узломъ всѣхъ соціальныхъ и государственныхъ отношеній. Бракъ служитъ, съ одной стороны, источникомъ населенія государства, а съ другой стороны—очагомъ всякихъ соціальныхъ и государственныхъ добродѣтелей. Вслѣдствіе этого, государство, уже съ первыхъ дней своего существованія, принимаетъ бракъ въ свое исключительное вѣдѣніе, обставляетъ его всякаго рода формальными условіями, подчиняетъ его членовъ различнымъ обязательствамъ

Digitized by Google

и требованіямъ. Такимъ образомъ возникаютъ права и обязанности родителей между собою и по отношенію къ дѣтямъ, права и обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ, права и обязанности цѣлой семьи и каждаго изъ ея членовъ, въ отдѣльности, по отношенію къ государству и его органамъ. Свободными отъ всякаго государственнаго вмѣшательства или воздѣйствія остаются только мотивы заключенія брака, т. е. чувства или разсчеты, руководящіе лицами, вступающими въ бракъ. Значитъ-ли это, однако, что указанные мотивы являются свободными и *по существу?* Нисколько. Роль государственнаго вмѣшательства въ данномъ случаѣ играетъ совокупность самыхъ разнообразныхъ вліяній, начиная съ родственныхъ, семейныхъ, и кончая чисто практическими...

Ни одинъ бракъ не совершается безъ нравственнаго воздѣйствія родителей, опекуновъ, друзей, знакомыхъ и т. п. на разсудокъ, чувства и, вообще, настроеніе будущихъ супруговъ. Но еще сильнѣе въ данномъ случаѣ вліяніе условныхъ приличій и житейскихъ правилъ, слагающихся изъ чисто практическихъ соображеній, ничего общаго съ *чувствомъ* не имѣющихъ. Все то, чего не достигаетъ государство по отношенію къ браку своими принудительными мѣрами, довершаетъ сама, такъ называемая, культурная жизнь—часто даже при помощи всегда безкорыстной и доброжелательной науки. Достаточно вспомнить, что самыя популярныя экономическія и соціалистическія теоріи

Digitized by Google

направлены къ обезличенію брака въ интересахъ альтруистическихъ и общественныхъ задачъ. Можно представить себѣ, что вышло-бы изъ брачнаго института, еслибы онъ предоставленъ былъ въ полное распоряженіе политической экономіи. Примѣненіе одного только Мальтусова закона было-бы достаточно для того, чтобы изъ супружества изгнать даже малѣйшіе проблески человѣческаго чувства...

Впрочемъ, сама практическая жизнь, съ присущимъ ей индифферентизмомъ, подводитъ всѣ браки подъ двѣ категоріи: браковъ «по любви» и браковъ «по разсчету». Значеніе второй категоріи само собою вытекаетъ изъ вышеприведенной характеристики общей постановки брака. О любви тутъ не можетъ быть и рѣчи. Хорошо уже, если тутъ нѣтъ насильственнаго сочетанія или открытаго взаимнаго нерасположенія будущихъ супруговъ. Поэтому здѣсь также нѣтъ мѣста и для психологіи любви...

Передъ нами чисто имущественно-трудовой союзъ, аналогичный всякому другому дѣловому товариществу. Съумѣютъ товарищи сохранить между собою равновѣсіе отношеній, не взирая ни на какія счастливыя или несчастливыя случайности, и товарищество ихъ будетъ существовать долго къ обоюдной ихъ выгодѣ; не съумѣютъ—дѣло распадется и имъ придется свести свои счеты—разойтись въ разныя стороны. Разница тутъ только въ послѣдствіяхъ и способахъ ликвидаціи союза. Несчастнымъ супругамъ не такъ легко свести

Digitized by Google

свои счеты, гордіевымъ узломъ которыхъ является злополучное потомство; да и свести счеты не въ ихъ власти вслѣдствіе неразрывности брака и множества другихъ чисто внѣшнихъ препятствій...

Повторяю, тутъ психологіи дѣлать нечего, и, вопреки всѣмъ тенденціямъ законодательства и соціологіи, можно только желать, чтобы подобныхъ браковъ было по возможности меньше...

Счастливѣе-ли, однако, браки первой категоріи? Браки по любви—чего-же лучше! Значитъ, они удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ намъ природою: тутъ и осуществленіе идеи божественной гармоніи, и удовлетвореніе принципа размноженія, и общность труда подъ сѣнью взаимной любви, и добровольное исполненіе требованій государства и общества...

Но существуютъ-ли подобные браки на самомъ дѣлѣ? Исключенія, конечно, возможны и даже обязательны. Но въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что одна сторона дѣйствительно влюблена, а другая только притворяется влюбленною, и, такимъ образомъ, складывается, если можно такъ выразиться, любовно-разсчетливый бракъ; или-же обѣ стороны, понравившись другъ другу, принимаютъ случайную и преходящую симпатію за настоящую любовь. И вотъ, въ первомъ случаѣ, уже въ лучшую пору супружеской жизни, искренняя любовь встрѣчается со скинувшею маску разсчетливостью, и отношенія между супругами представляютъ безконечный рядъ мучительныхъ противорѣчій, которыя часто раз-

Digitized by Google

рѣшаются уголовными фактами. Во второмъ-же случаѣ взаимное охлажденіе наступаетъ гораздо раньше, чѣмъ это можно предполагать при видѣ радостныхъ лицъ жениха и невѣсты, и единственной основой брака остается его имущественно-трудовой характеръ, — или же обѣ стороны возвращаются къ своимъ первоначальнымъ мечтамъ объ идеалѣ брачной жизни, и супружество постепенно разрушается...

Кстати объ идеалахъ.

Каждая дѣвушка въ возрастѣ отъ 16-ти лѣтъ уже лелѣетъ въ своихъ мечтахъ болѣе или менѣе опредѣленный идеалъ: онъ высокъ или низокъ ростомъ, брюнетъ или блондинъ, съ черными или свѣтлыми глазами; конечно, обязательно красивъ и умнѣе всѣхъ окружающихъ его; всегда одѣтъ по послѣдней модѣ, танцуетъ, играетъ, пожалуй—даже богатъ (послѣднее—не всегда на первомъ планѣ)... Но судьба не любитъ потворствовать дѣвичьимъ фантазіямъ и она сводитъ ее съ субъектомъ какъ разъ противоположныхъ качествъ: вмѣсто высокаго роста—низкій, вмѣсто брюнета—блондинъ, вмѣсто краснорѣчиваго — косноязычный, вмѣсто богатства—лишь хорошіе виды на сносную карьеру .. Дѣвушкѣ нужно выйти замужъ, а молодой человѣкъ клянется въ беззавѣтной любви. Она присматривается къ нему, находитъ его вовсе не дурнымъ,—хотя идеалъ ея куда лучше; въ концѣ концовъ, она и въ себѣ начинаетъ ощущать нѣчто въ родѣ симпатіи къ нему... Она отдаетъ ему свою руку. Онъ въ восторгѣ... Но приходила ли ему въ го-

Digitized by Google

лову мысль спросить ее: соотвѣтствуетъ-ли его особа ея идеалу? Не оставитъ-ли ихъ бракъ существеннаго пробѣла въ ея сердцѣ?...

И вотъ, уже съ первыхъ дней брака, молодая женщина почувствуетъ потребность какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь восполнить этотъ пробѣлъ, а молодой мужъ, одержимый однимъ только желаніемъ угождать и доставлять всякое счастье любимому существу, станетъ ловить малѣйшую тѣнь задумчивости или скуки въ ея лицѣ, придумывать ей разныя удовольствія и развлеченія, окружать ее обществомъ, вывозить въ свѣтъ, а за неимѣніемъ для этого средствъ—вводить ее въ компанію своихъ холостыхъ товарищей, возить ее въ знакомые рестораны, проводить съ нею, въ компаніи тѣхъже друзей, вечера въ cabinets particuliers и т. д.; однимъ словомъ, онъ самъ, безсознательно, откроетъ широкое поле ея желанію нравиться... Кто-же поручится за то, что среди многочисленныхъ встрѣчъ та-же предательская судьба не натолкнетъ ея на тотъ дѣвичій идеалъ, который она такъ долго лелѣяла въ своихъ мечтахъ, и что послѣдній не вздумаетъ, въ свою очередь, поинтересоваться ея особою?..

А что изъ всего этого можетъ воспослѣдовать, несчастный мужъ вамъ, вѣроятно, самъ разскажетъ при случаѣ, въ интимной бесѣдѣ, или вы узнаете изъ судебнаго отчета, гдѣ онъ будетъ фигурировать въ качествѣ обвиняемаго въ женоубійствѣ или отвѣтчика по иску о доставленіи покинутой женѣ средствъ къ существованію.

Digitized by Google

Но бываетъ также и наоборотъ: женщина влюблена до безумія и безсознательно развиваетъ въ себѣ это состояніе; мужчина-же, уставши маскировать истинные мотивы своего вступленія въ супружество, начинаетъ тяготиться ея чувствомъ, а иногда и выражать нетерпѣніе. Возникаютъ сцены ревности, повторяющіяся все чаще и чаще и опошляющія жизнь. Въ концѣ концовъ, женское чутье начинаетъ угадывать истину, и несчастная страдалица дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы овладѣть собою, уйти въ самое себя. Мужъ, съ своей стороны, радуется устанавливающемуся равновѣсію, радуется исчезновенію изъ его жизни величайшаго и пріятнѣйшаго дара природы и начинаетъ все больше затягивать свои отлучки изъ дому, все дольше засиживаться за карточнымъ столомъ въ клубѣ, все меньше оставаться на единѣ съ супругою... Но бѣдная женщина все-таки нисколько не утратила страстнаго желанія любить, коренной способности, прирожденной ея полу. Годы ея таковы, что она *должна* любить, и она ведетъ долгую и томительную борьбу съ своимъ сердцемъ. О, какъ ей страшно не хочется разочароваться въ любимомъ существѣ, еще недавно служившемъ путеводною звѣздою ея жизни! Но печальная истина съ каждымъ днемъ все болѣе выступаетъ передъ нею въ своей безобразной наготѣ... И вотъ идеально-доброе, идеально-честное чувство начинаетъ уступать мѣсто скрытому озлобленію, лицемѣрію и притворству... Желаніе нравиться другимъ, обостренное жаждой мщенія,

Digitized by Google

вспыхиваетъ въ ней еще съ большей силой... Начинается погоня за развлеченіями; домъ и семья окончательно теряютъ свою привлекательность: дѣти оставляются на рукахъ мамокъ и нянекъ или-же забрасываются въ гостепріимный пріютъ.

Финалъ—тотъ-же, что и въ предыдущемъ случаѣ... Одна роковая встрѣча—и семья превращается въ адъ, мужъ навсегда лишается жены, а дѣти—матери...

Такъ большею частью и кончаются въ жизни всѣ эти «браки по любви». Если-же процессъ сближенія будущихъ супруговъ дѣйствительно начинается на почвѣ чистой, безкорыстной симпатіи, то развитіе послѣдней сразу останавливается подъ давленіемъ матеріальныхъ интересовъ, все больше и больше поглощающихъ и вниманіе, и досугъ, и всѣ лучшія душевныя наклонности супруговъ.

Уже первое движеніе перваго плода въ утробѣ матери, наполняющее сердца молодыхъ супруговъ небесною радостью и невыразимымъ блаженствомъ,—уже это знаменательное движеніе является роковымъ предостереженіемъ противъ излишнихъ увлеченій супружеской любовью, вразумительнымъ напоминаніемъ о цѣломъ рядѣ житейскихъ заботъ и обязанностей по воспитанію, образованію и обезпеченію безпомощнаго потомства... Уже первые шаги дѣтей вмѣстѣ съ непрекращающеюся почти болѣзненностью ихъ; затѣмъ—необходимый тщательный надзоръ за каждымъ ихъ поступкомъ, изученіе и исправленіе ихъ привычекъ, внушеніе имъ правилъ

Digitized by Google

житейскихъ приличій и нравственности,—все это поглощаетъ девять десятыхъ первоначальнаго досуга молодыхъ супруговъ; влюбленные супруги постепенно сходятъ со сцены и ихъ замѣняютъ нѣжные и заботливые «родители»... Вѣроятно, каждому читателю приходилось встрѣчать среди женщинъ прекрасныхъ музыкантшъ, которыя, постепенно втягиваясь въ сферу супружескихъ обязанностей и, въ концѣ концовъ, совершенно поглощаясь ими, почти никогда не подходятъ къ музыкальному инструменту... То-же самое совершается и съ «супружескою» любовью: она вся цѣликомъ переходитъ въ «родительскую», становится общимъ достояніемъ семьи, и односторонніе любовные порывы уже служатъ въ ущербъ этому семейному достоянію...

Съ точки зрѣнія, такъ называемаго, «семейнаго начала», слѣдуетъ, конечно, только радоваться этому... Ну, что-же! Будемте радоваться, когда эта метаморфоза совершается вполнѣ благополучно, безъ сердечныхъ потрясеній и взаимныхъ неудовольствій. Но зачѣмъ-же закрывать глаза на оборотную сторону семейной жизни и въ только-что указанныхъ условіяхъ, очень часто порождающихъ несчастную «вторую молодость» мужчины, непремѣнно усматривать элементы произвольной распущенности и злонамѣреннаго разврата! Какъ ее судить—эту «вторую молодость»,—какъ вы, вообще, станете судить какое-либо физіологическое состояніе?... Только софистическая женская логика можетъ прикидывать къ подобнымъ состояніямъ принципъ равноправности и требо-

Digitized by Google

вать отъ мужчины самоограниченія, противорѣчащаго, весьма ясно и отчетливо выразившимся въ нашей жизни, законамъ природы... Высказываю эту мысль безъ всякаго страха подвергнуться строгому суду прекрасныхъ читательницъ и вынести изъ него обвиненіе въ обскурантизмѣ и жестокости...

Аргументы мои—въ слѣдующей главѣ:

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Вопросъ о равноправности мужчины и женщины имѣетъ свою многовѣковую исторію, свою спеціальную литературу. Но къ чему-бы намъ послужили эта исторія и эта литература при рѣшеніи вопроса въ данную минуту? Теоретически принципъ равноправности разумныхъ существъ не можетъ быть оспариваемъ ни однимъ разумнымъ-же существомъ. Если-же мы прибавимъ къ этому, что доказательства тождества умственныхъ способностей мужчины и женщины не менѣе многочисленны, чѣмъ доказательства обратнаго свойства, и что доказательства положительнаго свойства очень трудно изобрѣтаются (нельзя, напримѣръ, никого убѣдить въ томъ, что бѣдный—богатъ, глупый—уменъ и т. д.), тогда какъ отрицательные, напротивъ, очень легко измышляются, часто даже просто въ видѣ клеветъ и недоброco-

Digitized by Google

вѣстныхъ обвиненій (очень легко, напр., доказать, что умный человѣкъ дѣлаетъ глупости, что человѣкъ, слывущій богатымъ, собственно говоря, бѣденъ, что честный человѣкъ совершаетъ предосудительные поступки и т. д.), —то вопросъ о равноправности мужчины и женщины представится намъ уже на половину разрѣшеннымъ. Софистическій способъ доказательства неразумности женщины, какъ извѣстно, практикуется уже цѣлыя тысячелѣтія и даже въ такихъ странахъ, которыя цѣлыя столѣтія благоденствовали подъ скипетромъ мудрыхъ королевъ, т. е. подъ управленіемъ той-же неразумной женщины. Не даромъ женщины часто говорятъ мужчинамъ: вы основываете ваши права и превосходство на священномъ писаніи, на исторіи, на дѣйствующихъ законахъ; но вы-же сами писали и эти книги, и эти законы... Если-бы мы съ самаго возникновенія человѣчества находились на вашемъ мѣстѣ, то вамъ, вѣроятно, также приходилось-бы до сихъ поръ доказывать вашу разумность, отыскивать ваши права и бороться за вашу независимость...

Я полагаю, что основной мотивъ неразрѣшимости занимающаго насъ вопроса заключается, прежде всего, въ неравной интенсивности половыхъ влеченій мужчины и женщины.

Примѣняя къ человѣческимъ половымъ отношеніямъ тотъ общій законъ, по которому почти каждая самка обязана ежегодно умножать свою породу однимъ или нѣсколькими плодами, мы должны признать, что

Digitized by Google

и каждая женщина должна, при нормальныхъ условіяхъ частной и общественной жизни, производить ежегодно хотя-бы одного ребенка, а это неизбѣжно связано, по меньшей мѣрѣ, съ шестимѣсячнымъ болѣзненнымъ состояніемъ, исключающимъ нормальное брачное сожительство. Физіологическія-же способности и свойства мужчины въ то-же время остаются въ полной силѣ, и ни одинъ физіологъ не въ состояніи былъ-бы указать какой-либо симптомъ, который свидѣтельствовалъ-бы объ обязательности полового самоограниченія мужчины въ подобные періоды—съ точки зрѣнія естественныхъ законовъ. Прибавимъ къ этому періодическія очищенія, рядъ спеціальныхъ женскихъ болѣзней, уклоненіе женщины отъ частой беременности, подверженность ея организаціи разнымъ болѣзнетворнымъ вліяніямъ, кормленіе дѣтей, очень раннее увяданіе ея красоты и свѣжести и т. п. обстоятельства, также препятствующія нормальному общенію между супругами,— и половая неравноправность мужчины и женщины предстанетъ передъ нами въ видѣ непреложнаго, рокового принципа. Говорю: непреложнаго—потому что ненормальный фактъ безплодности женщины, устраняющій вышеприведенныя препятствія къ общенію ея съ мужчиною, не можетъ быть возведенъ на степень общаго правила или естественнаго принципа.

Возьмемте теперь нравственную сторону этого вопроса...

Добросовѣстный мужчина, обуреваемый физическими страстями, выноситъ за предѣлы своей семьи, такъ

Digitized by Google

сказать—лишь избытокъ своихъ чувствъ и благосостоянія, а въ домъ извнѣ ничего не приноситъ; женщина-же не только выноситъ за предѣлы семьи ея основное начало, ея «очагъ», но и вноситъ въ нее чужой плодъ, чужія страсти... Мужчина можетъ насчитывать въ своей амурной хроникѣ десятокъ женщинъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, и, тѣмъ не менѣе, присущія ему физическія и нравственныя достоинства не потерпятъ отъ этого существеннаго ущерба. Женщина-же, имѣвшая хотя-бы только двухъ любовниковъ, уже носитъ на себѣ печать нравственной распущенности, попранной стыдливости и т. п. Можетъ быть, это происходитъ отъ возникающей для нея, при подобныхъ условіяхъ, необходимости импонировать слишкомъ суровому суду общественнаго мнѣнія: — если не ошибаюсь, это именно настроеніе читаемъ мы часто въ вызывающемъ взглядѣ подобной женщины, въ ея манерѣ держать черезчуръ высоко голову, въ развязномъ тонѣ ея рѣчей и т. п.; но фактъ приниженности женщины въ указанномъ положеніи, — особенно при связи ея съ субъектомъ низкаго гражданскаго достоинства (напр., съ слугою),—и, вообще, пассивная роль ея въ любовныхъ отношеніяхъ—нисколько не говорятъ въ пользу принципа равноправности. Чтобы въ отношеніи адюльтера поставить мужчину на равную ногу съ собою, женщинѣ приходится прибѣгать къ явнымъ софизмамъ. Послушайте, напримѣръ, рѣчь Адріаны, обращенную къ Антифолу Сиракузскому въ «Комедіи Ошибокъ» Шекспира.

Digitized by Google

О, почему, супругъ мой, сталъ ты чуждымъ,
Для *самого себя?* Я говорю:
«Для самого себя», затѣмъ, что чуждымъ,
Вѣдь, сдѣлался ты для меня—меня,
Которая, съ тобой такъ нераздѣльно
Соединясь, составила давно
Часть лучшую души твоей прекрасной.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Какъ глубоко ты былъ-бы раненъ слухомъ,
Что пала я, что запятнала я
Постыднѣйшимъ развратомъ это тѣло,
Которое посвящено тебѣ?
Ты плюнулъ-бы въ лицо мое, ты сталъ-бы
Топтать меня ногами, ты въ меня
Швырнулъ-бы именемъ супруга, кожу
Грѣховную сорвалъ-бы съ моего
Преступнаго чела, вѣнчальный перстень
Съ моей руки невѣрной ты-бъ отсѣкъ
И разломалъ его на части съ клятвой
Жестокаго развода. Это все
Ты сдѣлалъ-бы, я знаю; ну, такъ дѣлай!
Запятнана прелюбодѣйствомъ я,
Разврата грѣхъ съ моей смѣшалось кровью:
Да, ежели и ты, и я—одно
И если ты невѣренъ, то ношу я
Въ моей крови ядъ тѣла твоего,
Осквернена твоимъ прикосновеньемъ.
Храни-же въ чистотѣ супружеское ложе—
И буду я чиста и чистъ ты будешь тоже.

Digitized by Google

Неправда-ли: чрезвычайно убѣдительная аргументація! Она носитъ въ своей крови *ядъ его тѣла*! Но да простятъ меня прелестныя читательницы, готовыя стать на сторону краснорѣчивой Адріаны,—вѣдь, мужчина въ подобномъ случаѣ легко можетъ отвѣтить: «Какъ мало, однако, нужно сдѣлать для того, чтобы отъ указаннаго яда не осталось не только слѣда, но даже воспоминанія; такъ-ли легко устранить послѣдствія женской измѣны?»...

Но—разъ пошло на откровенность—поставимте вопросъ о равноправности на болѣе широкую нравственную почву. Пусть прекрасныя читательницы, положа руку на сердце, скажутъ намъ: многія-ли изъ нихъ способны откликаться на истинную, глубокую любовь всѣмъ пыломъ своего сердца, всею силою самоотверженія благородной души? Не являются-ли онѣ большею частью рабами и жертвами всякихъ второстепенныхъ чувствъ: самолюбія, тщеславія, желанія нравиться и т. п.? Пусть онѣ намъ покажутъ тѣхъ женщинъ, которыя, подобно Данте, Петраркѣ, Боккачіо, Гете и другимъ великимъ поэтамъ, пѣли про вѣчную любовь и сами носили въ себѣ неумирающую страсть до гробовой доски? Не Беатриче-ли это, не Лаура-ли, не Фьяметта-ли? Но эти госпожи преспокойно вышли замужъ за малоизвѣстныхъ смертныхъ, завѣдомо презрѣвъ любовь своихъ великихъ обожателей, которые цѣлую жизнь сочиняли въ ихъ честь сонеты, канцоны, поэмы и, въ концѣ концовъ, окружили ихъ — этихъ никому невѣдомыхъ

Digitized by Google

госпожъ—вовсе незаслуженнымъ ими ореоломъ божества и безсмертія. Не возлюбленная-ли Вертера—Шарлотта, которая съ назрѣвшею къ нему любовью въ сердцѣ совершенно добровольно вышла замужъ за своего перваго жениха, очень разсчетливаго хозяина, но очень холоднаго любовника? Бѣдный Вертеръ! Я положительно не могу постигнуть, какимъ образомъ такой идеально-любящій человѣкъ могъ принести въ жертву цѣлую жизнь такой разсчетливой женщинѣ, какъ Шарлотта. Единственное ея достоинство — вѣрность долгу — вѣдь, явилось уже послѣдствіемъ совершившагося безсмысленнаго факта—разсчетливаго замужества. Соединеніе чувства долга съ боязнью нарушенія своего домашняго покоя очень характеристично выразилось даже въ тотъ моментъ, когда она, предчувствуя роковое намѣреніе Вертера лишить себя жизни и имѣя полную возможность предупредить это самоубійство, дала, однако, послѣднему совершиться.

Прочитаемте вмѣстѣ эту поучительную страницу изъ безсмертнаго творенія Гете.

Дѣло происходитъ на слѣдующій день послѣ того, какъ Вертеръ, оставшись съ Лоттой наединѣ, заключилъ ее въ свои объятія и осыпалъ ее самыми страстными ласками.

Рѣшившись на самоубійство, Вертеръ посылаетъ своего слугу къ мужу Шарлотты (Альберту) съ незапечатанною запискою слѣдующаго содержанія:

Digitized by Google

«Не одолжите-ли мнѣ на дорогу ваши пистолеты? Будьте счастливы!».

«Альбертъ только-что возвратился домой и Лотта встрѣтила его съ торопливымъ смущеніемъ. Онъ былъ не въ духѣ; его дѣло не удалось. Чиновникъ, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ, оказался мелочнымъ, несговорчивымъ формалистомъ. Дурная дорога довершила неудачу поѣздки.

«Альбертъ спросилъ: «не случилось-ли чего?». Она поспѣшила отвѣтить, что вечеромъ былъ Вертеръ. Онъ спросилъ: «нѣтъ-ли писемъ?». Она отвѣтила, что на его имя получено нѣсколько конвертовъ.

«Онъ уходитъ въ кабинетъ, и она остается одна. Присутствіе мужа, ею любимаго, уважаемаго (въ предъидущихъ главахъ романа, однако, авторъ говоритъ о любви этихъ супруговъ очень сдержанно), подѣйствовало на нее благопріятно. Она припомнила его любовь, его доброту, великодушный характеръ и добрый геній шепнулъ ей—слѣдовать за нимъ. Она собрала свою работу и, какъ это и прежде бывало, взошла въ его комнату. Онъ вскрывалъ конверты и читалъ бумаги. Нѣкоторыя были, казалось, непріятнаго содержанія. Она сдѣлала нѣсколько вопросовъ. Его отвѣты были кратки. Онъ подошелъ къ конторкѣ и началъ писать.

«Такъ прошелъ мучительный часъ и туча скорби снова заволокла ея кроткую душу. Мрачное расположеніе мужа отнимало всякую надежду на взаимную откровенность. Признаніе просилось наружу; сомнѣнія становились поперекъ. Ею овладѣло отчаяніе, а тутъ еще надо было скрывать, глотать слезы...

«Вошелъ слуга Вертера. Она содрогнулась. Прочитавъ записку, Альбертъ оборачивается къ ней и говоритъ спокойно: «дай ему пистолеты».—«Скажи, что желаемъ счастливаго пути», отвѣчаетъ онъ посланному и продолжаетъ писать. Она какъ

Digitized by Google

громомъ поражена; еле встаетъ, шатается, медлитъ и тихимъ, неровнымъ шагомъ подходитъ къ стѣнѣ. Ея руки дрожатъ. Она снимаетъ пистолеты, стираетъ съ нихъ пыль и снова медлитъ и долго-бы медлила. Альбертъ оборачивается и останавливаетъ на ней вопросительный взглядъ. Молча вручаетъ она дрожащей рукой зловѣщее оружіе посланному. Слово замерло; вздохъ подавленъ. Слуга выходитъ. Она складываетъ свою работу и, сама не зная что дѣлаетъ, уходитъ въ свою комнату. Ея положеніе невыразимо; сердце полно недобрыхъ предсказаній. Ее беретъ ужасъ; она готова упасть къ ногамъ мужа, готова сознаться въ случившемся, признаться въ своей винѣ, въ своихъ опасеніяхъ. Но встаютъ новыя сомнѣнія, а за ними безнадежность—подвигнуть мужа къ спасенію Вертера. Да и рѣшится-ли онъ идти къ нему, и какой будетъ всему исходъ?

«Между тѣмъ, столъ былъ накрытъ. Приходитъ одна изъ подругъ, и требованіе приличій доставляетъ нѣкоторое развлеченіе несчастной. Она принуждаетъ себя. Разговариваютъ, разсказываютъ, а у нея на сердцѣ камень.

«Когда возвратился слуга, Вертеръ съ жаромъ выхватилъ у него пистолеты, услышавъ, что они были вручены самой Лоттой Онъ приказалъ принести себѣ вина и хлѣба, отпустилъ его ужинать и, между тѣмъ, сдѣлалъ въ письмѣ къ ней слѣдующую приписку:

«Они прошли черезъ твои руки. Ты стерла съ нихъ пыль Цѣлую ихъ тысячу разъ! Итакъ, небесный геній, ты сама благословила мою рѣшимость, сама вручаешь мнѣ орудіе смерти! Чего я такъ желалъ, то исполнилось. О, я обо всемъ разспросилъ посланнаго! Твои руки дрожали; ты не произнесла ни слова—и—горе—не сказала мнѣ «прости!». Не закрылось-ли для меня твое сердце, за мгновеніе соединившее насъ на вѣки? Нѣтъ, Лотта, тысячелѣтія не сгладятъ тѣхъ впечатлѣній, и ты не можешь ненавидѣть того, кто такъ пламенѣетъ тобой!»

Digitized by Google

На слѣдующее утро друзья и почитатели злополучнаго Вертера омывали слезами его холодный трупъ. Что-же касается виновницы этой преждевременной смерти, то авторъ могъ намъ сообщить о ней лишь, что «опасались за ея жизнь»—больше ни одного слова... Но вы, конечно, прелестныя читательницы, не сомнѣваетесь вмѣстѣ со мною, что разсудительная Лотта очень скоро оправилась отъ своей «опасной болѣзни», мало-по-малу забыла о приключившейся съ нею непріятной исторіи и дожила до глубокой старости среди своихъ сытыхъ и рѣзвыхъ внуковъ и внучатъ, о которыхъ она, кстати, очень много мечтала, еще будучи дѣвицей...

Нѣтъ! Мужчина не такъ легко забываетъ подобныя «непріятныя» исторіи. Я могъ-бы составить довольно объемистый сборникъ изъ однихъ только стихотвореній, свидѣтельствующихъ объ этой неоспоримой истинѣ. Вспомните, напримѣръ, у Шиллера хотя-бы гордый отвѣтъ Гектора Андромахѣ, убоявшейся, что «канетъ въ Лету Гектора любовь».

Весь мой пылъ, всѣ мысли и стремленья
Я залью волной рѣки забвенья,
Но не чистый пламенникъ любви...
Чу! Дикарь у стѣнъ ужь кличетъ къ бою.
Дай мнѣ мечъ и не томись тоскою:
Леты нѣтъ для Гектора любви!

Такъ беззавѣтно, самоотверженно, до полнаго самозабвенія, можетъ любить только мужчина, всецѣло отдающійся своимъ сердечнымъ влеченіямъ. У женщины-

Digitized by Google

же,—какъ-бы велика ни была, съ виду, ея страсть,— на первомъ планѣ всегда матеріальный разсчетъ и удобства жизни; если-же она въ пылу увлеченія немного поступится своими личными интересами и выгодами, то мужчина никогда не расплатится за принесенную ему громадную жертву... Правда, и среди мужчинъ найдется не мало донъ-жуановъ, которые видятъ въ любви одну лишь пріятную забаву и насчитываютъ въ короткой лѣтописи своей жизни не мало безсовѣстно-обманутыхъ жертвъ. Достаточно, для примѣра, указать хотя-бы на одного только Печорина. Но что-же превратило этого, полнаго жизни и энергіи, мужчину въ неисправимаго мизантропа и разочарованнаго Чайльдъ-Гарольда, если не то-же пустое кокетство женщины, если не та-же женская неумѣлость овладѣть глубокимъ чувствомъ мужчины? Въ самомъ дѣлѣ: не кислосладкой-ли княжнѣ Мери дано было взнуздать этого строптиваго арабскаго коня, снова раздуть пламя въ этомъ преждевременно потухшемъ вулканѣ? Наконецъ, развѣ на одного Печорина не приходится десять такихъ страдальцевъ любви, какъ Арбенинъ, у которыхъ безъ этого чувства не можетъ быть

. . . ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованія! —

или «Кавказскій плѣнникъ», которому пришлось бѣжать изъ страны, гдѣ

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
Позналъ невѣрной жизни цѣну.

Digitized by Google

Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ! —

и съ тѣхъ поръ «вянетъ жертвою страстей» и на пламенную любовь дѣвы горъ можетъ отвѣчать только такой жестокой правдой:

Когда такъ медленно, такъ нѣжно
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно—
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый,
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю,
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

А сколько на одну наивную княжну Мери приходится сластолюбивыхъ, честолюбивыхъ и жестокосердыхъ Клеопатръ, Тамаръ, Маринъ и т. п.?...

Сдѣлаемте еще нѣсколько сравненій.

Ревность безспорно обладаетъ свойствомъ вызывать раздраженіе въ томъ, противъ кого она направлена; но особенной нетерпимостью къ этому чувству отличается та сторона, которая сознаетъ свою виновность въ его возбужденіи, и чѣмъ сильнѣе это сознаніе, тѣмъ

Digitized by Google

рѣзче проявляется и эта нетерпимость. Но какое глубокое различіе между выраженіями этой нетерпимости у мужчины и женщины! Мужчина прямо и откровенно идетъ къ развязкѣ, не отсрочивая рѣшительнаго объясненія, не останавливаясь даже передъ неизбѣжной катастрофой,—и, благодаря именно этому, истинно любящая женщина всегда можетъ сразу обезоружить его, прервавъ его ревнивое брюжжаніе нѣжной лаской, доброй улыбкой. Женщина-же, напротивъ, способна, подъ вліяніемъ безразсуднаго капризао среди самыхъ нѣжныхъ изліяній, выбросить своего ревниваго мужа или любовника за дверь, покидать его на цѣлые мѣсяцы и годы, заставлять его сходить съ ума отъ невыносимыхъ мукъ безпричинной разлуки и, въ добавокъ, еще умышленно возмущать его цѣлымъ рядомъ именно такихъ поступковъ, которые всегда возбуждали и разжигали въ немъ ревность... Казалось-бы, что, въ силу того-же принципа равноправности, и на сторонѣ мужчины должно быть право совершенно игнорировать существованіе подобной женщины, искать успокоенія своему возмущенному чувству въ полномъ забвеніи виновницы своихъ страданій! Такъ нѣтъ! Онъ, видите-ли, ни на одну минуту не долженъ упускать изъ виду своей мучительницы: терзаясь насильственной разлукой, онъ долженъ по прежнему думать и заботиться о ея существованіи, доставлять ей матеріальныя средства можетъ быть, для того, чтобы она имѣла возможность

Digitized by Google

проводить дни и вечера въ обществѣ ненавистныхъ ему людей, среди обстановки или условій, поднимающихъ въ немъ желчь и оскорбляющихъ его лучшія чувства, и т. д.

Тамъ, гдѣ мужчина сталъ-бы просить, умолять и, въ крайнемъ случаѣ, угрожать самоубійствомъ или самопожертвованіемъ, женщина будетъ прямо угрожать публичнымъ скандаломъ или измѣной, — и, повѣрьте, не задумается привести свои угрозы въ исполненіе. Не желая испытывать неудобствъ и непріятностей вызываемой ея-же поступками ревности, она старается заручиться полной «независимостью» отъ любящаго человѣка; но «независимость» прежде всего заключается въ матеріальныхъ средствахъ, и вотъ она, уже во имя *высокой* идеи освобожденія женщины отъ деспотизма мужчины, во имя женской эмансипаціи,— вѣдь, у женщины фантазія очень экспансивная!—старается силою вырвать у него свою «независимость», убѣждая себя при этомъ, что цѣль оправдываетъ средства, и не сознавая, что въ конечномъ результатѣ она, собственно говоря, добивается вознагражденія за любовь.

Спрашивается опять: гдѣ-же тутъ почва для равноправности? Женщина отдаетъ любящему человѣку одну только чистую любовь—и то лишь *ради самой себя*, ради собственнаго счастья—и отнимаетъ ее у него при первомъ капризѣ или размолвкѣ изъ-за вздорнаго слова. Мужчина-же отдаетъ ей и сердце, и умъ, и любовь, и

Digitized by Google

трудъ, заботится не только о ея духовномъ удовлетвореніи, но и о матеріальномъ существованіи,—и что-же? Выброшенный за дверь и самымъ безцеремоннымъ образомъ вынужденный уступить мѣсто другому, онъ все-таки остается неоплатнымъ должникомъ передъ нею!... Такова женская логика: ей предоставляется, подъ видомъ капризовъ, платить мужчинѣ за добро зломъ, а онъ, видите-ли, всегда обязанъ расплачиваться за то-же самое зло не иначе, какъ добромъ!...

Говорю все это на основаніи многочисленныхъ безспорныхъ фактовъ, подтверждающихся десятками романовъ и сотнями судебныхъ процессовъ.

Наконецъ, можетъ-ли мужчина сравниться съ женщиною въ притворномъ проявленіи любовнаго чувства?... Притворство женщины—родное дѣтище желанія нравиться. Стараніе удерживать за собою хвостъ поклонниковъ заставляетъ ее вырабатывать въ себѣ искусство выказывать фальшивую любезность, поддѣльную чувствительность, ложное сочувствіе и т. п. Способная очень легко увлекаться, она еще легче пріискиваетъ оправданія своимъ неудачнымъ увлеченіямъ. Ей ничего не стоитъ экзальтировать въ себѣ какую-нибудь случайную симпатію (напр., къ видѣнному въ первый разъ артисту или даже къ невидѣнному никогда писателю), развить въ себѣ временную страсть и увѣрить себя въ томъ, что одержима самой пламенной любовью. Многія изъ моихъ читательницъ, вѣроятно, припомнятъ, какъ онѣ одновременно писали одинаково нѣжныя,

Digitized by Google

трогательныя и даже страстныя письма формально-любимому человѣку и какому-нибудь близкому другу, какъ онѣ одинаково нѣжно опирались на плечо того и другого, какъ одинаково томились разлукою съ каждымъ изъ нихъ... Припоминаютъ онѣ также, вѣроятно, какъ у нихъ пламенная любовь сразу потухала при каждомъ малѣйшемъ неудобствѣ, при каждомъ рѣшительномъ заявленіи любимаго человѣка своихъ правъ на неподдѣльную сердечную взаимность... Нѣтъ! Геніальный художникъ, создавая образъ Хлестакова, не подозрѣвалъ, что этотъ типъ цѣликомъ сидитъ въ каждой женщинѣ, что онъ достойный сынъ своей законной матери...

Такъ, вотъ, милыя читательницы, гдѣ дѣйствительная причина вашей нравственной неравноправности съ мужчиною. Истинная равноправность дается не законами и не общественными приличіями, *а самими чувствами*, уравновѣшенною взаимностью и постоянствомъ любви. Но,—увы!—какъ далеко большинство изъ васъ отъ этого высокаго идеала!... За то вы и платитесь нравственною приниженностью и физическимъ полурабствомъ...

Я говорилъ до сихъ поръ о чисто нравственной равноправности. Надо прибавить, что и въ сферѣ политической равноправности каждое новое завоеваніе должно еще больше отдалить женщину отъ истиннаго идеала любви. Я раньше довольно пространно доказывалъ, что политическая жизнь—совершенно мертвая среда для подобныхъ идеаловъ, что въ ней *умъ* преобладаетъ надъ *чувствомъ* и требованія государствен-

Digitized by Google

ности надъ влеченіями сердца. Чтобы представить себѣ характеръ будущей полноправной въ политическомъ отношеніи женщины, достаточно хотя мелькомъ взглянуть на тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя по немногу пробуютъ свои силы на поприщѣ политической науки. Одно только поверхностное прикосновеніе къ этой отрасли знанія уже сдѣлало ихъ крайне черствыми или искусственно-безчувственными и стяжало имъ славу «синихъ чулковъ». Самолюбіе ученой женщины, пожалуй, во стократъ сильнѣе самолюбія артистки, готовой поступиться лучшими своими привязанностями и семейнымъ счастьемъ ради нѣсколькихъ преходящихъ апплодисментовъ. Артистка старается овладѣть симпатіями данной публики, даннаго театральнаго зала. Ученая-же женщина уже мнитъ себя наставницей всего міра, Жанной Д'Аркъ науки; умъ ея постоянно блуждаетъ въ метафизическомъ пространствѣ; прилично-ли ей отдаваться какимъ-то мелкимъ симпатіямъ, какой-то любви!

Шиллеръ прекрасно подчеркнулъ эту фанатическую черту характера женщины въ слѣдующемъ діалогѣ между королемъ и Орлеанскою дѣвою:

Король (*взявъ ее за руку*).

Теперь тебѣ лишь голосъ духа внятенъ;
Любовь молчитъ въ груди, горящей Богомъ;
Но, вѣрь, она молчать не вѣчно будетъ.
Утихнетъ брань; побѣда приведетъ
Къ намъ ясный миръ; *въ сердца вольется радость,*
Нѣжнѣйшія пробудятся въ нихъ чувства:
Тогда объ нихъ проснешься и ты;

Digitized by Google

Тогда впервой печали сладкой слезы
Прольютъ твои глаза и будешь сердцемъ,
Исполненнымъ донынѣ только неба,
Съ любовію искать земного друга.
Всѣхъ нынѣ ты для счастія спасла—
И одному тогда ты будешь счастьемъ.

Іоанна

(*посмотрѣвъ на него съ негодованіемъ*).
Иль, утомленъ божественнымъ явленьемъ,
Ужь хочешь ты разбить его сосудъ
И благовѣстницу верховной воли
Низвесть во прахъ ничтожности земной?
О, маловѣрные! сердца слѣпыя!
Величіе небесъ кругомъ васъ блещетъ;
Ихъ чудеса предъ вами безъ покрова,
А я для васъ лишь женщина. Безумцы!
Но женщинѣ-ль подъ бронею желѣзной
Мѣшаться въ бой, водить мужей къ побѣдѣ?
Погибель мнѣ, когда, *Господне мщенье*
Нося въ рукѣ, я суетную душу
Отдамъ любви, отъ Бога запрещенной.
О, нѣтъ! тогда мнѣ лучше-бъ не родиться!
Ни слова болѣе! Не раздражайте
Моей душей владѣющаго духа!
Одинъ ужь взоръ желающаго мужа
Есть для меня и страхъ, и оскверненье.

Этимъ языкомъ способна заговорить съ вами любая ученая женщина, — такъ далеко она идетъ въ своемъ фанатическомъ отреченіи отъ всякихъ личныхъ чувствъ... Подобное самопожертвованіе, конечно, во многихъ отношеніяхъ весьма похвально, но согла-

Digitized by Google

ситесь, что любовь отъ этого далеко не въ выигрышѣ... И одна-ли только ученость влечетъ за собою очерствленіе женскаго сердца! Я видалъ молодыхъ женщинъ, которыя усвоили себѣ лишь поверхностныя научныя знанія посредствомъ популярныхъ книжекъ и лекцій. Эти женщины часто обнаруживали способность любить всѣмъ пыломъ сердца, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда мужчина молился на ихъ ученость, признавалъ ихъ превосходство надъ собою въ отношеніи ума и знанія. Рѣдкая изъ такихъ женщинъ пользуется своимъ образованіемъ для того, чтобы сознательно и по достоинству цѣнить умственный авторитетъ или ученыя заслуги любимаго человѣка; нѣтъ, она непремѣнно желаетъ превосходить его. Мнѣ случалось наблюдать весьма часто повторяющееся явленіе, что жена ученаго и авторитетнаго мужа тщательно избѣгаетъ разговоровъ съ нимъ объ умственныхъ предметахъ и, напротивъ, очень охотно бесѣдуетъ о тѣхъ-же предметахъ съ посторонними людьми, а присутствуя при спорѣ мужа съ кѣмъ-либо — непремѣнно присоединится къ его противнику. Этотъ «духъ противорѣчія», вытекающій, какъ я говорилъ изъ боязни санкціонировать превосходство мужа, дѣйствуетъ отравляющимъ образомъ на взаимныя симпатіи супруговъ, и въ результатѣ опять получаются неудовлетворенное сердечное влеченіе и неизбѣжное нарушеніе брачнаго равновѣсія.

Такимъ образомъ, вопросъ о равноправности,—съ ка-

Digitized by Google

кой-бы стороны ни посмотрѣть не него,—представляется почти неразрѣшимымъ, вслѣдствіе исключительныхъ особенностей физической и нравственной природы женщины, и если ужь требуется указать какой-нибудь надежный исходъ изъ этой заколдованной диллемы, то остается обратиться все къ тому-же разводу...

Къ сожалѣнію, законодатели слишкомъ мало обращаютъ вниманія на психологическую сущность брачнаго союза; иначе они, въ интересахъ той-же государственной задачи, которая ими преслѣдуется въ брачномъ институтѣ, предоставляли-бы супругамъ самую широкую свободу развода и, вмѣсто дорого стоющихъ средствъ и орудій надзора за святостью брака, учреждали-бы пріюты для дѣтей, осиротѣвшихъ вслѣдствіе разрушенія семьи. Вѣдь, всѣ заботы о сохраненіи цѣлости брака сводятся, собственно говоря, къ вопросу о судьбѣ дѣтей. Не лучше-ли, въ такомъ случаѣ, доставлять дѣтямъ общественное воспитаніе, чѣмъ насильственно дѣлать ихъ жертвами семейныхъ несчастій и раздоровъ?...

Digitized by Google

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Слѣдя внимательно за развитіемъ моей мысли, начиная съ первой страницы этой книги, читатели могли составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, *какою любовь должна и можетъ быть* и *какою она является въ дѣйствительности, среди нашей искусственной житейской обстановки.* Такъ называемую, «золотую середину» между этими двумя крайностями составляютъ однѣ только временныя привязанности: дружба, привычки и случайныя симпатіи,—привязанности, совершенно чуждыя истиннаго блаженства любви...

Чтобы овладѣть этимъ блаженствомъ и упрочить на немъ безмятежное счастье цѣлой жизни, человѣкъ долженъ стоять на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя первоначально положены Творцомъ въ основу его природы. Каковы эти задачи—мы можемъ лишь догадываться

Digitized by Google

по тѣмъ естественнымъ симптомамъ, которые указаны мною въ первыхъ главахъ, и, пожалуй, еще по лаконичному библейскому сказанію о сотвореніи человѣка. Я ссылаюсь на это сказаніе потому, что оно возникло и сложилось далеко за предѣлами нынѣшней искусственной цивилизаціи, въ эпоху безпрепятственнаго господства *непосредственнаго чувства* человѣка...

Создавъ сначала Адама, а потомъ, въ помощницы ему, Еву и поселивъ ихъ среди райской обстановки Эдема, Творецъ, очевидно, намѣренъ былъ поставить ихъ въ незыблемыя условія вѣчнаго и безмятежнаго счастья. О половомъ влеченіи и соединенныхъ съ нимъ страданіяхъ это сказаніе первоначально вовсе не упоминаетъ и даже самая миссія человѣка на землѣ первоначально намѣчена была лишь въ одномъ словѣ «господство». По смыслу сказанія, Творцу угодно было дать человѣческой жизни направленіе, которое вполнѣ совпадало-бы съ непреложными задачами всеобщей гармоніи и осуществляло-бы собою великую тайну вѣчнаго блаженства и неизмѣннаго счастья... Конечно, дѣло не обошлось-бы безъ присущаго всему животному міру полового влеченія, но оно, вѣроятно, было-бы поставлено въ полное соотвѣтствіе съ своимъ прямымъ назначеніемъ, а не въ зависимость отъ всякихъ внѣшнихъ случайностей, какъ это произошло впослѣдствіи.

Но въ одномъ несчастномъ углу райскаго сада росло дерево, плодъ котораго представляетъ собою средоточіе зародышей всѣхъ тѣхъ видовъ зла, которые

Digitized by Google

служатъ прямыми противоположностями началъ добра, красоты и счастья, составляющихъ основу всемірной гармоніи. Дерево это—увы!—роковая эмблема человѣческой цивилизаціи. Стоило только раскусить одинъ изъ его плодовъ, чтобы изъ него посыпались всевозможныя бѣдствія, несчастья и пороки. Злому генію, къ несчастью, удалось натолкнуть человѣка на эту роковую ошибку, и все, что было дано послѣднему для достиженія и осуществленія вѣчнаго счастья, повернулось къ нему своею оборотною стороною, т. е. превратилось въ страданіе...

Первое половое сближеніе между Адамомъ и Евой, по тому-же сказанію, произошло послѣ ихъ изгнанія и разрѣшилось плодомъ, вполнѣ достойнымъ проклятаго дерева,—истиннымъ сыномъ нашей гуманной цивилизаціи—Каиномъ...

Съ тѣхъ поръ любовь стала недосягаемымъ идеаломъ, къ которому человѣкъ можетъ до нѣкоторой степени приблизиться только внѣ искусственныхъ страстей, условій и обязательствъ нынѣшней житейской среды.

По моему крайнему разумѣнію, приближеніе къ этому идеалу возможно лишь при настойчивомъ обоюдномъ самоограниченіи любящихъ существъ, при самоотверженномъ соблюденіи, своего рода, рыцарскаго обѣта:

1) любя другъ друга, постоянно заботиться о поддержаніи и укрѣпленіи между собою строгаго равновѣсія взаимности;

2) не возмущаться противъ чувства ревности, какъ

Digitized by Google

естественнаго показателя нарушенія этого равновѣсія, а стараться лишь предупреждать его возникновеніе;

3) избѣгать поступковъ, возбуждающихъ чувство ревности;

4) среди случайныхъ размолвокъ и недоразумѣній не забывать, что любовь часто становится жертвой софистической логики женщины и неумѣренной раздражительности мужчины; что причиною такихъ размолвокъ и недоразумѣній большею частью бываютъ *слова*, а не *поступки* (безсознательно брошенный грубый упрекъ, рѣзкая обмолвка, преувеличенное обобщеніе какого-либо поступка—вотъ что часто отравляетъ самолюбіе, а вмѣстѣ съ нимъ и любовь; но зачѣмъ-же, ради Бога, жертвовать *постояннымъ* для *случайнаго*, цѣлымъ счастьемъ для необдуманнаго слова?);

5) самую сильную и оскорбительную вспышку гнѣва немедленно погашать доброй улыбкой и нѣжной лаской, такъ-какъ въ *уступчивости*, при подобныхъ обстоятельствахъ, сказывается гораздо больше характера, чѣмъ въ *упрямствѣ*, которое, безъ сомнѣнія, является выраженіемъ грубаго злопамятства, полной безхарактерности и сердечнаго непостоянства, т. е. такихъ именно качествъ, которыя не могутъ служить основами истинной и прочной любви;

6) помнить, что каждому человѣку свойственно въ моменты болѣзненнаго или гнѣвнаго возбужденія принимать *слова* за *поступки* и оспаривать самыя непреложныя истины, — будь это государственный законъ,

Digitized by Google

общепризнанный принципъ, неопровержимая нравственная сентенція, — и въ виду этого *слѣпо* повиноваться вышеуказаннымъ правиламъ даже при обстоятельствахъ, явно имъ противорѣчащихъ. Впослѣдствіи это слѣпое повиновеніе истинѣ вполнѣ оправдается и вознаградится сердечнымъ покоемъ и душевнымъ блаженствомъ.

Мужчина или женщина, не чувствующіе въ себѣ способности самоотверженно наложить на себя подобный рыцарскій обѣтъ, должны сознательно избѣгать всякаго сближенія, которое можетъ повести за собою возбужденіе чувства любви, такъ какъ это будетъ не любовь, а безконечное страданіе...

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

1, Къ страницѣ 20.

ШИЛЛЕРА.

Фантазія—Лаурѣ.

Милая Лаура, назови ту силу,
Что такъ тѣло къ тѣлу трепетно влечетъ!
Назови, Лаура, то очарованье,
Что насильно сердце сердцу отдаетъ!
То она вкругъ солнца учитъ обращаться
Стройныя планеты вѣчной чередой;
И вокругъ владыки звѣзды тѣ кружатся,
Словно ребятишки вкругъ своей родной.
И впиваетъ жадно каждая планета
Золотистый дождикъ солнечныхъ лучей;
Пьетъ огонь и силу изъ сосуда свѣта,
Какъ изъ мозга члены жизненный елей.
Солнечную искру съ солнечною искрой
Сочеталъ любовно міровой законъ...
Не любовь-ли движетъ сферы міровыя?
Не на ней-ли остовъ міра утвержденъ?
Удали богиню съ колеса природы —
И система міра распадется въ прахъ:
Съ грохотомъ планеты упадутъ въ пространство
И Ньютонъ заплачетъ о былыхъ мірахъ...
Пусть любовь покинетъ этотъ міръ любовный —
И подъ гнетомъ тѣла духъ его замретъ...
Безъ любви весною май не возвратится;
Безъ любви молитва къ Богу не дойдетъ.
Отчего, Лаура, поцалуи милой
Зажигаютъ пламя на щекахъ моихъ,
Заставляютъ сердце биться съ новой силой,

Digitized by Google

Кровь воспламеняютъ въ жилахъ молодыхъ?
Жизненныя силы расторгаютъ узы,
Кровь наружу рвется выбиться ключемъ.
Жаркія объятья просятся въ объятья
И сердца пылаютъ въ пламени одномъ.
Также полновластно какъ въ твореньѣ мертвомъ
Въ вѣчномъ тяготѣньѣ атомовъ міровъ —
Также полновластно въ *ткани Арахнеи*
Всей живой природы царствуетъ любовь...
Посмотри, Лаура: радость обнимаетъ
Страждущее горе, горе усыпивъ;
На груди надежды тихо замираетъ
Скорби нестерпимой бѣшеный порывъ.
Братское лобзанье разгоняетъ тучи —
Безотрадный сумракъ тягостныхъ скорбей —
И глаза, сверкая сладкими слезами,
Отражаютъ прелесть солнечныхъ лучей.
Милая! не та же-ль злая симпатія
Насъ влечетъ упорно въ царство тьмы и зла?
Наши преступленья съ адомъ сочетались
И враждуютъ съ небомъ мысли и дѣла...
Вкругъ грѣха сплелися узловатымъ змѣемъ
Стыдъ и безнадежность, пара Эвменидъ;
Взмахи мощныхъ крылій славы безконечной
Грозная опасность зорко сторожитъ.
Гордостью играетъ жалкое паденье,
Зависть отравляетъ счастье нашихъ дней
И развратъ безсильно падаетъ въ объятья
Неизбѣжной смерти, злой сестры своей.
На крылахъ любови будущее наше
Кинуться въ объятья прошлаго спѣшитъ—
И Сатурнъ упорно по волнамъ пространства
Вслѣдъ своей невѣстѣ-вѣчности летитъ.
Но наступитъ время—говоритъ оракулъ —
И Сатурнъ невѣсту-вѣчность обрѣтетъ:
Пламень міра будетъ факеломъ ихъ брачнымъ
И сѣдое время вѣчность обоймѣтъ.
Свѣтлая Аврора занялась надъ нами:
То любви денница, ангелъ чистый мой!
Какъ ихъ брачной ночи, ей конца не будетъ...
Милая Лаура, радуйся со мной!

Н. Гербель.

Digitized by Google

2, Къ страницѣ 22.

ШИЛЛЕРА.

I.

Боги Греціи.

—

Въ таинственномъ туманѣ отдаленья
Когда-то вы, о, боги древнихъ лѣтъ,
Руководя земныя поколѣнья,
Лелѣяли младенчественный свѣтъ!
И все не такъ являлось тамъ, какъ нынѣ:
Воздвигнутъ былъ тамъ А родиты храмъ:
Гдѣ пламенныхъ сердецъ увѣнчанной богинѣ
Курился ѳиміамъ,
Природа тамъ была сестрой искусству;
Тамъ истина была сродни мечтамъ
И что теперь такъ недоступно чувству,
До глубины прочувствованно тамъ;
Природы всей былъ ликъ облагороженъ,
Уразумленъ былъ образъ естества;
По всюду и во всемъ былъ ясный слѣдъ проложенъ
Живого божества.
И гдѣ теперь, взоръ обративъ къ денницѣ,
Мы только шаръ бездушный видимъ въ ней,
Тамъ Геліосъ на пышной колесницѣ
Сіялъ, сверкалъ и гналъ своихъ коней;
Летучихъ нимфъ былъ полонъ сводъ лазурный,
Дріадами одушевленъ былъ садъ
И свѣтлый водный ключъ билъ брызгами изъ урны
Смѣющихся наядъ.
Пѣвица-ли пернатая запѣла,
Легла-ль роса на чаши юныхъ розъ —
Тамъ грустная стенала Филомела,
А тутъ былъ слѣдъ Авроры чистыхъ слезъ.
Ручей-ли текъ струею свѣтло-синей —
Катился онъ у Нимфы изъ очей,
Иль это былъ въ тоскѣ рыдающей богиней
Наплаканный ручей.
Безсмертные къ Девкаліона чадамъ
Слетали тамъ для общихъ съ ними дѣлъ;
Гиперіонъ, взявъ посохъ, нѣжнымъ взглядомъ
На Пирры дочь прекрасную глядѣлъ.
Отъ тайныхъ стрѣлъ Эрота не спасались
И боги тамъ—и, съ пламенемъ въ крови,
Герои, смертные и боги покорялись
Могуществу любви.

Digitized by Google

Всечтимая наперсница святыни,
Приставница священнаго огня,
Весталка тамъ, предъ алтаремъ богини
Невинныя колѣни преклоня
И чая быть самимъ безсмертнымъ равной,
Санъ дѣвственный умѣла такъ хранить,
Что поясъ у нея самъ Зевсъ громодержавный
Не смѣлъ-бы разрѣшить.

Божественный сіялъ тамъ вѣчный пламень,
Что въ гимнахъ былъ у Пиндара зажженъ,
У Фидія внѣдренъ въ безсмертный камень
И данъ твоей былъ лирѣ, Аріонъ.
Даръ творчества на смертныхъ шелъ отъ Феба
И не было тамъ мѣста грустной мглѣ,
Гдѣ боги—нисходя—себѣ второе небо
Творили на землѣ.

Торжественнѣй была надъ зломъ побѣда
Подъ сѣнію Медузина щита
И прелестью цвѣтущей Ганимеда
Тамъ юноши блистала красота.
Гдѣ Гименей вязалъ судьбу съ судьбою,
Была плотнѣй сердецъ союзныхъ связь
И мягче, и нѣжнѣй у Парокъ подъ рукою
Жизнь смертнаго прялась.

Обычнаго земного поклоненья
И тяжкихъ жертвъ не требовалось тамъ;
Тамъ счастія искали всѣ творенья:
Кто счастливъ былъ, тотъ равенъ былъ богамъ;
Прекрасное одно лишь было свято,
Отъ пиршества не уклонялся богъ
И свѣтлый храмъ его, изъ мрамора и злата,
Былъ праздничный чертогъ.

На сборищахъ Истмійскихъ колесницы
Неслись съ огнемъ и громомъ въ перегонъ:
Привѣтный кликъ былъ слышимъ у границы
И сыпались вѣнки со всѣхъ сторонъ.
Блаженъ—за кѣмъ побѣда оставалась:
Онъ ликовалъ, боговъ благодаря,
Съ нимъ ликовалъ народъ и пляской обвивалась
Святыня алтаря.

Давали знать въ блестящей сбруѣ тигры
И по горамъ «эвое» звучный кликъ,
Что настаютъ вакхическія игры —
И Бахусъ свой являлъ румяный ликъ;
Шли впереди и фавны, и сатиры,
Кругомъ толпы неистовыхъ менадъ,
Тамъ полногрудыя вакханки, чаши, лиры
И сочный виноградъ.

Digitized by Google

Сухой скелетъ, страшилище твореній,
Не шелъ къ одру, гдѣ смертный угасалъ:
Надъ смертнымъ тѣмъ безмолвный, тихій геній
Съ улыбкою свой факелъ опускалъ
И въ сладостномъ, мирительномъ лобзаньѣ,
Склонясь надъ нимъ, лишеннымъ жизни силъ,
Съ поблеклыхъ устъ его послѣднее дыханье
Спокойно уносилъ.
И въ тартарѣ, средь всеразящей бури,
Надъ страждущимъ порою бичъ суда
Смягчаемъ былъ и жалость сердцу фурій
Небесная давалась иногда;
И грозный судъ бывалъ не безсердеченъ:
Поставленъ былъ при орковыхъ вѣсахъ
Внукъ человѣческій, чтобъ взглядъ былъ человѣченъ
И въ самыхъ небесахъ.
Въ Элизіумъ толпой спѣшили тѣни
Для сладкаго свиданія и встрѣчъ;
Тамъ слышались и звуки пѣснопѣній,
И лиры звонъ, и родственная рѣчь;
Шли группы женъ къ своимъ мужьямъ и чадамъ,
Шли юноши въ объятія невѣстъ.
Шелъ къ другу вѣрный другъ—и встрѣчею съ Пиладомъ
Обрадованъ Орестъ.

На доблестномъ пути своемъ къ наградамъ,
Высокую тамъ смертный цѣль имѣлъ:
Какъ полубогъ, порой съ богами рядомъ
Стоялъ герой, свершитель славныхъ дѣлъ.
Онъ мертвыхъ звалъ—и мертвые вставали!
Сбивались-ли въ пути морскомъ пловцы:
Касторъ и Полуксъ ихъ съ Олимпа ободряли,
Герои-близнецы.

Прекрасный міръ! весна со всею любовью,
Всей прелестью—исторіи весна!
Мой жадный взоръ стремится къ баснословью,
Гдѣ жизни той хоть тѣнь сохранена.
О, возвратись! Но временамъ нѣтъ ходу
Обратнаго—и для меня мертва
Природа нашихъ дней, гдѣ вижу я природу,
Не видя божества.

Отъ сѣвера повѣяло дыханье:
Весна прошла, насталъ конецъ всему:
Ушло боговъ безчисленныхъ собранье,
Чтобъ мѣсто дать надъ міромъ одному.
Селены я ищу на звѣздномъ сводѣ:
Селена, гдѣ? Сводъ звѣздный нѣмъ стоитъ.
Гдѣ божество твое? взываю я къ природѣ:
Бездушная — молчитъ.

Digitized by Google

Разумному сознанью непричастна,
Разрознена съ тѣмъ духомъ міровымъ,
Которому безчувственно подвластна,
Она чужда всѣмъ радостямъ моимъ.
Къ художнику, какъ кукла, равнодушна,
Какъ мертвые часы — заведена,
Лишась своихъ боговъ, лишь тяжести послушна
Влеченіямъ она...
Сегодня взрывъ сама себѣ могилу,
Въ ней погребетъ планетъ своихъ шары,
А завтра ту-жь возобновляя силу,
Пойдетъ вращать возникшіе міры;
И боги тѣ, что дѣтства въ возрастъ малый
На помочахъ водили міръ земной,
Его оставили—и сталъ онъ, возмужалый,
Держаться самъ собой.
Ваятель тамъ, открывъ себѣ дорогу
Къ безсмертію, могъ равенъ быть въ вѣкахъ
Изъ мрамора имъ вызванному богу:
Передъ Творцомъ здѣсь каждый смертный—прахъ,
Земной червякъ, немногимъ долговѣчнѣй
Другихъ червей, Святъ Богъ нашъ—грѣшенъ вѣкъ!
А тамъ, гдѣ божество являлось человѣчнѣй,
Святѣй былъ человѣкъ.
Создатель мой! свѣтило новой вѣры!
Ты вѣчный блескъ, а я охваченъ тьмой;
Ты Царь небесъ, Тебѣ нѣтъ вѣса, мѣры,
Тебя обнять не можетъ разумъ мой—
Къ тебѣ стремлюсь: напрасныя усилья!
Тебя зову—и мнѣ отвѣта нѣтъ...
О, безконечный Духъ! дай силы мнѣ, дай крылья
Взлетѣть въ твой горній свѣтъ!

В. Бенедиктовъ.

II.

Торжество любви.

Счастливы любовью
Боги! — не любовью-ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ!
Древле—слышится преданье —
Изъ подвижныхъ скалъ
Вмигъ возникло мірозданье,
Смертныхъ родъ возсталъ.

Digitized by Google

Ихъ сердца—какъ хладный камень,
Злоба въ нихъ и страхъ,
И небесъ всесильный пламень
Не пылалъ въ сердцахъ.
Ни амуровъ рой воздушной
Не манилъ четы послушной
Цѣпью изъ цвѣтовъ;
Хоръ Каменъ—любови милыхъ —
Не плѣнялъ сердецъ унылыхъ
Звукомъ голосовъ.
Ахъ! любовники не знали
Плесть вѣнцы порой;
Вёсны съ грустью отлетали
Въ слѣдъ одна другой
И Аврора безъ привѣта
Возставала съ водъ;
Безъ привѣта нисходило
Солнце въ лоно водъ.
По лѣсамъ сыны печали
Одинокіе блуждали—
Бремя въ ихъ сердцахъ.
Ни слеза любви страданья
Не искала упованья
Въ мрачныхъ небесахъ.
Но вдругъ всплыла изъ свѣтлыхъ волнъ
Дщерь неба: взоръ любовью полнъ...
И вотъ плывутъ въ пучинѣ
Наяды въ слѣдъ богинѣ.
Какъ утра юнаго разсвѣтъ —
Такъ озарилъ весны привѣтъ
Творенья мракъ бездонный;
Стихіи дышутъ, жизнью полны.
Денница съ звѣздной высоты
Богинѣ улыбнулась,
И роза съ трона красоты
Предъ нею развернулась.
Ужь заунывный соловей
Запѣлъ ей пѣснь любови;
Ужь волны оживилъ ручей
Дыханіемъ любови.
Твой мраморъ дышетъ красотой,
О, Пигмальонъ! о, воскреситель!
О, богъ любви! ты—побѣдитель:
Твои созданья предъ тобой.

Счастливы любовью
Боги!—не любовью-ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;

Digitized by Google

Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ!
Какъ мечта, какъ нектаръ алый
Бьющій искрами въ фіалы,
Средь любви пировъ
Дни летитъ боговъ.
Громовымъ перуномъ блещетъ
Съ трона гордаго Кронидъ;
Гнѣвъ власы его крутитъ
И Олимпъ подъ нимъ трепещетъ.
Зевсъ богамъ оставилъ тронъ:
Богъ міровъ—съ земли сынами —
Въ мглѣ дубровъ вздыхаетъ онъ.
Смолкли громы подъ стопами;
Леды пламенной устами
Страхъ Титановъ усыпленъ.
Въ голубыхъ волнахъ эѳира
Ксней бѣлою четой
Правитъ Фебъ въ бронѣ златой:
Въ прахъ предъ нимъ народы міра!
Что ему его порфира?
Что ему народы міра?
Для любви, для звучныхъ лиръ
Онъ забылъ, забылъ про міръ.
Тамъ къ юнонину престолу
Сонмъ богинь склонился долу;
Гордый взоръ ея скользитъ
Надъ четой младыхъ павлиновъ;
Блескомъ радужнымъ рубиновъ
На власахъ вѣнецъ горитъ.
О, богиня! что намъ въ славѣ?
Нѣтъ любви въ твоей державѣ!
Вянутъ жизни въ ней цвѣты...
Но кому сей гласъ молебный?
Съ гордой трона высоты
Молитъ—поясъ дать волшебный—
Не богиню-ль красоты?
Счастливы любовью
Боги!—не любовью-ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе:
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ.
Свѣтъ любви прогнать адъ!
Тамъ лучи его блестятъ,
Въ темномъ царствѣ злой судьбины;
Предъ улыбкой Прозерпины
Возсіялъ Плутона взглядъ:
Свѣтъ любви смиряетъ адъ.

Digitized by Google

Зазвучали ада своды,
Церберъ смолкъ: то гласъ свободы,
Лиры гласъ твоей, Орфей!
Тамъ Миносъ въ тоскѣ глубокой
Укрощаетъ судъ жестокой;
На власахъ Мегеры хладной
Змій смирился кровожадной;
Спитъ тяжелый звукъ цѣпей:
Тронутъ пѣснію Орфея,
Вранъ покинулъ Прометея
И Коцитъ, дотолѣ громкой,
Стихъ—и вотъ струею звонкой
Вторитъ пѣснь твою, Орфей:
О любви ты пѣлъ, Орфей!

Счастливы любовью
Боги!—не любовью-ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ.

Весь природы стройный храмъ
Ей возноситъ ѳиміамъ:
Міръ—алтарь любови.
Изъ-за дальнихъ, синихъ горъ
Не Діаны-ль вижу взоръ?
Нѣтъ!—то взоръ любови.
Не богиня въ вышинѣ,
Улыбаясь, зрится мнѣ:
Не свѣтила въ небесахъ
Блещутъ въ радужныхъ лучахъ:
Все любовь—и *здѣсь*, и *тамъ*.
И природа свѣтитъ намъ
Взорами любови!
Про любовь журчитъ ручей —
Быстрый токъ любовь смиряетъ;
Запоетъ-ли соловей—
Пѣснь любви любовь вдыхаетъ:
Все любовь, любовь одна
Въ звукахъ радости слышна.
Мудрость въ солнечныхъ лучахъ!
Пусть твой огнь горитъ въ умахъ!
Уступи любови!
Предъ любимцами молвы
Не склоняла ты главы —
Покорись любови!
Кто надъ сонмами свѣтилъ
Въ вѣчность путь тебѣ открылъ
Свѣтлою стезею?

Digitized by Google

Кто, разрушивъ мглы покровъ,
Сквозь разсѣлины гробовъ
Возсіялъ зарею?
Все любви небесной взоръ
Храмъ безсмертья освѣщаетъ,
И духовъ согласный хоръ
Ею къ Вышнему пылаетъ.
Такъ любовь, любовь одна
Намъ вождемъ къ Творцу дана!
Счастливы любовью
Боги!—не любовью-ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ!

С. Шевыревъ.

БАЙРОНА.

(Чайльдъ-Гарольдъ, пѣснь IV, строфы XLVII—LII).

Италія! твои страданья
Навѣрно будутъ жить вѣка.
Ты—мать искусствъ: твоя рука
Насъ берегла, дала намъ знанья.
Ты—мать религіи, чудесъ!
Предъ ними націи склонялись;
Ихъ руки рабски простирались,
Чтобъ получить ключи небесъ.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Тамъ ликъ Венеры разливаетъ
Кругомъ блескъ дивной красоты—
И воздухъ вдругъ благоухаетъ...
Съ тебя покровъ упалъ—и ты
Стоишь, богиня! Въ изумленьи
На эти формы мы глядимъ:
Какъ человѣка вдохновенье
Природу геніемъ своимъ
Могло осилить? Преклонясь,
Мы никнемъ въ прахъ у дивныхъ ногъ...
О! только геній древнихъ могъ,
Красою древней вдохновляясь,
Такую статую создать,
Чтобъ все потомство поражать!

Digitized by Google

И мы глядимъ, той красотою
Упоены, ослѣплены;
Мечта смѣняется мечтою...
Искусства чары такъ сильны
И власть его неотразима...
О, нѣтъ! слова безсильны тутъ—
(То шарлатановъ жалкій трудъ)
Оно для словъ не уловимо.
У насъ есть сердце, нервы, кровь,
У насъ одно есть только зрѣнье:
Чрезъ нихъ понятна намъ любовь
И предъ прекраснымъ восхищенье;
Лишь только ими понята
Богиня дивной красота.

Скажи, въ такомъ-ли точно видѣ
Съ Парисомъ встрѣтилася ты?
О! тѣ же-ль чистыя черты
Впервые богъ войны увидя.
Съ мольбою палъ у дивныхъ ногъ?
Склонившись на твои колѣни,
Въ истомѣ сладострастной лѣни,
Смотрѣлъ въ лицо влюбленный богъ:
А ты—съ румяныхъ устъ Венеры —
Хотя уста тѣ не клялись —
Лобзанья лавою лились,
Лились безъ счета и безъ мѣры.
Ея лицо, рѣсницы, бровь—
Все выражало лишь любовь.

Полны любви, порою, боги,
И въ самомъ блескѣ божества
Не въ силахъ скрыться отъ тревоги,
И, какъ земныя существа,
Глубоко страждутъ. Есть мгновенья,
Когда и люди на землѣ
Лучъ божества и вдохновенья
Носили гордо на челѣ,
Пока не скрыла ихъ могила...
Но есть видѣнья чудныхъ грезъ—
И имъ поспорить-бы пришлось
Съ красою статуй: та-же сила
И тѣ-же формы—только богъ
Въ ту красоту облечь ихъ могъ.

Д. Минаевъ.

Digitized by Google

ГЕЙНЕ.

Боги Греціи.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Я васъ никогда не любилъ, олимпійскіе боги,
Затѣмъ, что мнѣ греки противны давно
И римляне мнѣ ненавистны!
Но все-жь состраданье святое и горькая жалость
Сжимаютъ мнѣ сердце,
Когда я гляжу въ вышину
На васъ, позабытые боги, —
Васъ, мертвыя, ночью бродящія тѣни,
Непрочныя, словно туманъ, разгоняемый вѣтромъ.
И только я вспомню, какъ пусты и какъ малодушны
Тѣ идолы — боги, что васъ побѣдили —
Несносные, властные, новые боги,
Подъ маской смиренья носящіе гнусную злобу, —
О, въ эти минуты исполненъ я мрачнаго гнѣва,
Готовъ-бы разрушить всѣ капища новыхъ боговъ
И броситься въ битву за васъ, побѣжденные боги,
За васъ и за ваши права,
И стать на колѣни предъ вами,
И чествовать васъ высоко возносящейся жертвой,
И руки съ любовію къ вамъ простирать...
Да, древніе боги!
Хоть въ битвахъ людскихъ становились
Всегда вы на сторону тѣхъ, кто одержитъ побѣду, —
Но великодушнѣе васъ человѣкъ,
И въ битвахъ боговъ принимаю
Я сторону вашу, разбитые боги!
Такія слова говорилъ я, — и, видимо глазу,
Краснѣли воздушные образы въ небѣ,
Взглянули въ глаза мнѣ они умирающимъ взглядомъ
И вдругъ съ небосклона исчезли.
Скрылся и мѣсяцъ за черною, новою тучей,
Запѣнилось бурное море,
И въ небѣ зажглись побѣдительно вѣчныя звѣзды.

П. Вейнбергъ.

В. А. ОЗЕРОВА.

Гимнъ Богу Любви.

О, богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смертный оживленный

Digitized by Google

Течетъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.
Вотще, какъ брегу яры воды,
Такъ разрушенье намъ грозитъ;
Отъ истощенія природы
Благой законъ твой міръ хранитъ.
Вотще духъ алчности и злобы
Стремится въ наши времена
Пр обрат ть всѣ царства въ гробы
И поглотить всѣ племена:
По бороздамъ опустошенья,
Сдѣ духъ вражды л лъ страхъ и кровь,
Ты разливаешь наслажденья
И населяешь земли вновь.
Вотще вонтель ставитъ твердый
И пышный столбъ своихъ побѣдъ:
Рукою Кронъ немилосердый
Сотретъ столба послѣдній слѣдъ.
Вотще и ты свои злодѣйства
Мечтаешь въ тайнѣ скрыть, тиранъ!
Кронъ мракъ сорветъ и съ тайнъ семейства,
Какъ вѣтры рвутъ съ морей туманъ.
Безъ дѣлъ премудрыхъ, благородныхъ
Честь и ша вась не переживетъ,
И лишь в проклятіяхъ народныхъ
Тирановъ имя перейдетъ.
Не скроет имя и гробн ца;
Нероновъ прахъ клянетъ весь свѣтъ:
«Ты матери своей убійца!
Тебѣ и днесь покоя нѣтъ!».
Блаженъ владыка, кто не страхомъ —
Любовью правитъ свой народъ;
Благословеніе надъ прахомъ
Ему возшлетъ позднѣйшій родъ.
О, богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смертный оживленный
Течетъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

Digitized by Google

3, Къ страницѣ 52.

АЛМАНЗОРЪ.

ТРАГЕДІЯ **Гейне**, ПЕРЕВ. Ѳ. **Миллера**.

ДѢЙСТВ. IV.

САДЪ ВО ДВОРЦѢ АЛИ, ОСВѢЩЕННЫЙ УТРЕННИМЪ СОЛНЦЕМЪ ЗЮЛЕЙМА СКЛОНИЛАСЬ ПРЕДЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ СПАСИТЕЛЯ.

(Алманзоръ приближается къ ней незамѣтно, кладетъ руки на ея плечи и вздыхая произноситъ имя Зюлеймы).

Зюлейма.

(Съ испугомъ оглядывается и долго смотритъ на него).

Ты много измѣнился, мой Алманзоръ!
Ты съ виду крѣпкій мужъ; но у тебя
Еще привычки юности остались.
И ты попрежнему меня пугаешь,
Когда съ цвѣтами я веду бесѣду.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Алманзоръ.

Какъ хорошо мнѣ здѣсь! на этой почвѣ
Стою я твердо, какъ прикованъ къ ней;
Я заколдованъ въ этотъ милый кругъ,
Которымъ обвила меня ты, фея,
И вѣетъ мнѣ привѣтный ароматъ;
Цвѣты поютъ, деревья говорятъ,
И радуютъ знакомыя картины...

(Онъ взглянулъ на изображеніе Спасителя и изумился).

Скажи мнѣ, милая, чей этотъ ликъ?
Такъ кротко смотритъ онъ и такъ печально,
Что горькую слезу роняетъ онъ
Въ прекрасный кубокъ радости моей.

Зюлейма.

Ужель тебѣ невѣдомъ этотъ ликъ?
Ты не видалъ его въ блаженныхъ снахъ?
И на яву нигдѣ не повстрѣчалъ?
Припомни, мой заблудшій, милый братъ!

Алманзоръ.

Да, этотъ ликъ я видѣлъ на дорогѣ
Въ тотъ день, когда въ Испанію вступилъ:
Налѣво при пути, ведущемъ въ Хересъ,
Стоитъ великолѣпная мечеть.
Но тамъ, гдѣ съ башни муэззинъ взывалъ:
«Единъ лишь Богъ и Магометъ его

Digitized by Google

Пророкъ!» теперь звучалъ тяжелый,
Густой, протяжный, колокольный звонъ;
Изъ вратъ ко мнѣ, какъ темная рѣка,
Неслись могучіе органа звуки,
Которые, взлетая, какъ въ котлѣ
Волшебномъ, клокотали и кипѣли,
И какъ рукой гигантской эти звуки
Влекли меня войти въ тотъ чудный домъ.
И сердце мнѣ обвили, будто змѣи,
И грудь мою сдавили и кололи,
Какъ будто бы гора на ней лежала
И клювъ Симурга сердце мнѣ терзалъ.
И въ домѣ томъ, какъ похоронный гимнъ,
Звучало пѣніе какихъ-то старцевъ,
Суровыхъ видомъ, съ лысой головой.
Въ цвѣтной одеждѣ; мальчики при нихъ,
Всѣ въ бѣломъ платьѣ, пѣли и порой
Звонили въ колокольчикъ; изъ блестящихъ
Кадилъ взвивался тонкій ароматъ;
Отъ тысячи свѣчей лилось сіянье
И отражалось въ позолотѣ стѣнъ.
И всюду, въ каждой нишѣ, видѣлъ я
Смотрѣвшій на меня такой-же ликъ,
Который здѣсь теперь опять я вижу.
Но всюду мнѣ страдающимъ и грустнымъ
Казался этотъ дивный мужа ликъ.
Тутъ онъ страдалъ подъ тяжкимъ бичеваньемъ,
Тамъ падалъ онъ подъ бременемъ креста,
Тутъ на него плевали съ озлобленьемъ,
Тамъ терніемъ главу его вѣнчали,
Тутъ, пригвоздивши ко кресту, пронзали
Его копьемъ, — и всюду кровь, кровь, кровь
Въ картинѣ каждой. — Видѣлъ я еще
Печальную жену; — она держала
Истерзанный того страдальца трупъ,
Худой, нагой, облитый черной кровью...
И вдругъ услышалъ я звенящій голосъ:
— Сіе есть кровь его, — и оглянувшись,
(съ содроганіемъ)
Увидѣлъ мужа, пьющаго изъ чаши...

Зюлейма.

Ты въ домъ любви вступилъ, о Алманзоръ!
Но слѣпота твои мрачила очи.
Ты не замѣтилъ въ немъ того веселья,
Какимъ блестятъ языческіе храмы,
Ни ежедневныхъ будничныхъ удобствъ,
Какія встрѣтишь въ храмахъ мусульманскихъ.
Нѣтъ, лучшій домъ и болѣе достойный

Digitized by Google

Любовь себѣ избрала на землѣ.
Становятся въ немъ дѣти мудрецами,
А мудрецы становятся дѣтьми;
Въ немъ бѣдные богаты благодатью,
А богачи блаженны въ нищетѣ;
Веселый въ немъ становится печальнымъ,
Печальный въ немъ утѣху обрѣтетъ.
Вѣдь, и сама любовь явилась людямъ
Какъ сирое, несчастное дитя.
Ей ложемъ ясли тѣсныя служили,
Ей изголовьемъ былъ соломы клокъ.
И, бѣдная, она была гонима
И глупостью, и мудростью людской:
И продали, и предали любовь,
И мучали, и распяли ее.
Но отъ семи ея предсмертныхъ вздоховъ
Разбились въ прахъ тѣ ада семь замковъ,
Которыми замкнулъ онъ двери неба.
И точно семь отверстыхъ ранъ любви,
Отверзлись людямъ снова семь небесъ,
И приняли и праведныхъ, и грѣшныхъ.
Любовь, любовь ты видѣлъ въ хладномъ трупѣ
Въ объятіяхъ той плачущей жены.
О, вѣрь мнѣ, — на холодномъ этомъ тѣлѣ
Согрѣться можетъ цѣлый родъ людской;
Изъ этой крови возростутъ цвѣты
Прекраснѣй, чѣмъ въ садахъ у Аль-Рашида,
А изъ очей той плачущей жены
Струится чудно-сладостный елей,
Какого не дадутъ Ширахи розы.
И ты причастенъ этой вѣчной плоти
И вѣчной крови, милый Алманзоръ;
И для тебя есть мѣсто за трапезой,
Гдѣ Божій хлѣбъ и Божіе вино,
И для тебя открытъ чертогъ блаженныхъ,
И противъ страшной силы сатаны
Тебѣ защитникъ самъ Христосъ Спаситель,
Когда вкусишь ты — хлѣба и вина.

Алманзоръ.

Ты слово мнѣ произнесла, Зюлейма,
Которое творитъ и держитъ міръ,
И слово то великое — любовь,
И ангелы его ликуя вторятъ,
И въ небесахъ звучитъ оно повсюду.
Его сказала ты, и облака
Образовали сводъ, какъ куполъ храма,
Какъ звукъ органа зашумѣли вязы,

Digitized by Google

И птички хоръ молитвенный запѣли.
И ароматомъ дышетъ вся земля,
И какъ алтарь возсталъ цвѣтистый лугъ, —
И въ храмъ любви земля вся обратилась.

Зюлейма.

Земля — великая Голгоѳа, гдѣ
Любовь царитъ, но истекаетъ кровью.

Алманзоръ.

О, не сплетай съ эмблемой смерти мирту,
Не облекай любовь въ покровъ могильный!
Ты жрица чистая любви, Зюлейма,
Сама любовь въ груди твоей живетъ:
Она глядится изъ твоихъ очей,
Изъ устъ твоихъ ея дыханье вѣетъ,
Вы, нѣжныя, пурпуровыя губки!
На васъ любовь царицей восѣдаетъ,
На васъ душой желалъ-бы отдохнуть...
Ты знаешь, что сказала мнѣ Фатима:
— Отдай Зюлеймѣ этотъ поцѣлуй!
(Они нѣжно смотрятъ другъ на друга. Торжественное лобзанье).

Зюлейма.

Прими за мертвый поцѣлуй Фатимы
Животворящій поцѣлуй Христа!

Алманзоръ.

Я пилъ любви дыханіе святое
Изъ кубка устъ рубиновыхъ твоихъ;
То былъ потокъ огнистый, онъ по жиламъ
Моимъ струей горячею течетъ
И сердце мнѣ живитъ и сожигаетъ.
(Обнимаетъ ее).
Нѣтъ, я не разлучусь съ тобой, Зюлейма!
И еслибъ мнѣ открылись двери рая
И гуріи меня-бъ туда манили,
Тебя-бъ я не оставилъ, я съ тобою
Остался-бъ, обнялъ-бы твой милый станъ.
Твое лишь небо, лишь Зюлеймы небо
Моимъ да будетъ небомъ; твой лишь Богъ
Моимъ да будетъ Богомъ: крестъ Зюлеймы
Да будетъ и моимъ, а твой Христосъ —
Моимъ Спасителемъ, и я молиться
Пойду въ тотъ храмъ, гдѣ молится Зюлейма.
Въ волнахъ любви я плаваю въ блаженствѣ,
Мой слухъ ласкаютъ сладостные звуки,
Деревья пляшутъ чудный хороводъ,
И ангелы стряхаютъ на меня

Digitized by Google

Дождь солнечныхъ лучей и пыль цвѣтовъ,
И небеса открылись предо мною,
И на крылахъ златистыхъ я лечу,
Лечу къ блаженству, къ небу...
(Вдали раздается колокольный звонъ и церковное пѣніе).

Къ страницѣ 83.

I.

БОЙРОНА.

(**Чайльдъ-Гарольдъ**, пѣснь четвертая, CXXI—CXIII).

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Любовь! ты гостья въ мірѣ этомъ;
Къ тебѣ, незримый серафимъ,
Мы порываемся съ привѣтомъ
И съ свѣтлымъ помысломъ своимъ.
Въ сердцахъ разбитыхъ скрыта вѣра;
Но все-жь не можемъ мы взглянуть,
Гдѣ ты живешь, гдѣ эта сфера
Любви, свершающей свой путь.
Кто эти формы созерцаетъ?
Ты нашей мыслью создана.
Какъ мысль, фантазія вѣрна,
Пространство неба заселяетъ,
Такъ и въ любви она творитъ
И наши страсти шевелитъ.

Влюбленная въ свое созданье,
Въ насъ мысль становится больна
И въ лихорадкѣ обожанья
Бываетъ вымыслу вѣрна.
Кто далъ скульптору идеалы?
Они сокрыты въ немъ самомъ.
А наши грезы, что, бывало,
Насъ увлекали дивнымъ сномъ,
Какимъ-то раемъ неизвѣстнымъ,
И мы рвались подъ чарой грезъ,
Въ попыткахъ дѣтскихъ, въ мукахъ слезъ,
Къ какимъ-то образамъ прелестнымъ;
Ни живописецъ, ни поэтъ
Не уловилъ еще ихъ слѣдъ.

Любовь—безумство. Но ужаснѣй
Еще лекарство отъ любви.
Оно любви еще опаснѣй:

Digitized by Google

Исчезнетъ первый жаръ въ крови
И убѣгутъ очарованья —
И наши идолы падутъ,
Исчезнутъ пылкихъ грезъ созданья,
Мечта уйдетъ; но даже тутъ
Не сбросимъ мы любви оковы...
Посѣявъ вѣтры, мы найдемъ
Лишь бури страшныя кругомъ;
Мы будемъ думать, что готовы
Найти сокровища въ тотъ часъ,
Когда ужь бездна близко насъ.

II.

Гяуръ.

(ТУРЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ).

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Она слилась съ моей душой,
Она повсюду предо мной
Блестящей, утренней звѣздой;
И нѣжный свѣтъ ея лучей
Слился съ зеницами очей.
И впрямь любви завѣтный жаръ
Есть неба свѣтлый, чистый даръ —
Есть искра яркая лучей
Лазурныхъ ангельскихъ очей,
Забвенье скорби и заботъ
И духа на небо полетъ.
Молитва, какъ ты знаешь самъ,
Возноситъ душу къ небесамъ;
Въ любви-же сами небеса
Нисходятъ въ душу, какъ роса;
Въ ней лучъ Творца, въ ней славы слѣдъ,
Безсмертной жизни яркій свѣтъ.
Пускай любовь моя была
Не такъ чиста, не такъ свѣтла;
Пускай враги, когда хотятъ,
Ее преступною клеймятъ;
Но знай, что не была грѣхомъ
Ея любовь передъ Творцомъ.
Она была свѣтиломъ дня
Во мракѣ жизни для меня;
Но свѣтъ погасъ — и нѣтъ лучей.
Кто-жь озаритъ мнѣ мракъ ночей?

А. Студитскій.

Digitized by Google

Къ страницѣ 88.

ШИЛЛЕРА.

Тайна.

Она стояла молчаливо
Среди толпы—и я молчалъ;
Лишь взоръ спросилъ я боязливо —
И понялъ я, что онъ сказалъ.
Я прихожу, пріютъ вѣтвистый,
Къ пустынной тишинѣ твоей:
Подъ зеленью твоей тѣнистой
Сокрой счастливыхъ отъ людей!
Вдали, чуть слышный для вниманья,
День озабоченный шумитъ,
Сквозь смутный гулъ и восклицанья
Тяжелый молотокъ стучитъ.
Тамъ человѣкъ такъ постоянно
Съ суровой борется судьбой —
И вдругъ съ небесъ къ нему нежданно
Слетаетъ счастіе порой.
Пускай-же люди не узнаютъ,
Какъ насъ любовь животворитъ!
Они блаженству помѣшаютъ—
Досаденъ имъ блаженства видъ.
Да, свѣтъ не допускаетъ счастья:
Какъ за добычею, за нимъ
Бѣги, лови—и отъ участья
Людского строго сохрани!
Оно прокралось тихо; любитъ
Оно и ночь, и тишину;
Нечистый взоръ его погубитъ:
Какъ смерть, ужасенъ онъ ему.
Обвейся, о, ручей безмолвный,
Вокругъ широкою рукой
И, грозно поднимая волны,
Нашъ охраняй пріютъ святой!

К. Аксаковъ.

ЛЕРМОНТОВА,

Прелестницѣ.

Пускай ханжи глядятъ съ презрѣньемъ
На беззаконный нашъ союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ;

Digitized by Google

Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета,
Ни сильной злобы, ни любви.
Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не чту владыкой никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего;
Живу, какъ соколъ, беззаботно,
И не тревожимый ничѣмъ;
Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.
Мы брань ихъ—смѣхомъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,
Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
Они пусть будутъ—какъ хотятъ!...

Къ страницѣ 97.

ШИЛЛЕРА.

Орлеанская дѣва.

(Драматическая поэма).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ

Ліонель. Іоанна.

ЛІОНЕЛЬ.

Отступница, готовься въ бой! Погибнуть
Одинъ изъ насъ на этомъ мѣстѣ долженъ.
Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;
Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
Съ великою душой своей разстался.
Отмщу за храбраго, иль будь одна
Для насъ судьба. Но пасть-ли мнѣ, иль нѣтъ,
Ты прежде знать должна, кого твой рокъ
Съ тобою свелъ: я Ліонель, послѣдній
Британскій вождь, еще непобѣжденный.

(Нападаетъ на нее; чрезъ минуту она вышибаетъ изъ руки его мечъ).

О, счастіе!

(Борется съ нею. Іоанна, во время борьбы, срываетъ съ него шлемъ, и онъ остается съ непокрытою головою).

Digitized by Google

ІОАННА.

Умру! Святая Дѣва
Моей рукой тебя приноситъ въ жертву.

(Въ эту минуту ея глаза встрѣчаются съ глазами Ліонеля; пораженная видомъ его, она стоитъ неподвижна и рука ея опускается).

ЛІОНЕЛЬ.

Что медлишь? Что ударъ твой задержало?
Взявъ честь, возьми и жизнь. Я не хочу
Пощады: я въ твоихъ рукахъ.

(Она даетъ ему знакъ, чтобы онъ бѣжалъ).

Бѣжать
Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ
Презрѣнной жизнію? Скорѣй погибнуть!

ІОАННА (отвративъ глаза).

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была въ моихъ рукахъ.

ЛІОНЕЛЬ.

Я ненавижу
Тебя и даръ твой. Не хочу пощады.
Не медли! Поражай того, кто самъ
Сразить тебя хотѣлъ.

ІОАННА.

Убей меня
И удались.

ЛІОНЕЛЬ.

Что слышу?

ІОАННА (закрывъ лицо руками).

Горе мнѣ!

ЛІОНЕЛЬ (приближаясь къ ней).

Молва идетъ, что ни одинъ британецъ
Тобою не пощаженъ; за что-же мнѣ
Пощаду одному?

ІОАННА

(собравшись съ духомъ, поднимаетъ мечъ, чтобы его поразить; опять, взглянувъ на него, опускаетъ руку).

Святая Дѣва!

ЛІОНЕЛЬ.

Зачѣмъ зовешь Святую? О тебѣ
Не вѣдаетъ она: ты небесами
Отвержена.

Digitized by Google

ІОАННА (въ сильнѣйшемъ отчаяніи).

О горе! горе! что
Я сдѣлала? Нарушенъ мой обѣтъ.
(Ломаетъ въ горести руки).

ЛІОНЕЛЬ

(смотритъ на нее съ участіемъ и подходитъ ближе).
Несчастная, жалѣю о тебѣ!
Ты трогаешь меня. Со мной однимъ
Великодушною была ты. Сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится.
Скажи, кто ты, откуда?

ІОАННА.

Прочь! бѣги!

ЛІОНЕЛЬ.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты,
Жаль младости твоей. Твой милый образъ
Тѣснится въ душу мнѣ—и я хотѣлъ-бы
Тебя спасти; но какъ и чѣмъ спасу?
Поди за мной. Оставь союзъ свой страшный:
Оставь погибельный свой мечъ.

ІОАННА.

Увы!
Носить его я недостойна.

ЛІОНЕЛЬ.

Брось
Его; иди со мной.

ІОАННА (въ ужасѣ).

Съ тобой? О, небо!

ЛІОНЕЛЬ.

Пойдемъ. Еще тебя спасти возможно —
И я тебя спасу. Но поспѣши.
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебѣ; невыразимымъ
Желаніемъ спасти тебя полна.
(Беретъ ее за руку; вдали показывается Дюнуа и Ла-Гиръ).

ІОАННА.

О, Боже! Дюнуа!—Они ужь близко.
Бѣги!—тебя найдутъ.

Digitized by Google

ЛІОНЕЛЬ.

Я твой защитникъ.

ІОАННА.

О, нѣтъ! Бѣги! Умру, когда погибнешь.

ЛІОНЕЛЬ.

Иль дорогъ я тебѣ?

ІОАННА.

О, Пресвятая!

ЛІОНЕЛЬ.

Увидимся-ль? Услышу-ль о тебѣ?

ІОАННА.

Нѣтъ! никогда!

ЛІОНЕЛЬ.

Сей мечъ въ залогъ, что я
Тебя найду.

(Вырываетъ изъ рукъ ея мечъ).

ІОАННА.

Ты смѣешь, безразсудный?

ЛІОНЕЛЬ.

Теперь я уступаю силѣ. Мы
Увидимся.

(Уходитъ поспѣшно).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

БОГАТО УБРАННАЯ ЗАЛА.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ІОАННА

(стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ).

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы,
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ,

Digitized by Google

И зиждутся изъ вѣтвей пышныхъ входы,
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ,
И гости ждутъ вѣнчальнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.
И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что рознила война.
Гордится франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ-будто всѣмъ отчизна вновь дана
И съ честію примирена корона:
Вся Франція въ собраніи у трона.
Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой.
Британскій станъ любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.
Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу-ли сердца укоризны?
Скажу-ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

(Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую мелодію).

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ;
Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.
Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!
Тише, звуки, замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упованьемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

(Помолчавъ, съ большею живостью).

Могла-ли я его сразить? О, какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй-бы я сразила.

Digitized by Google

Виновна-ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ-ли жалость? Какъ! Скажи-жь, Іоанна,
Была-ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости-ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда младой валліецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О, сердце хитрое, ты-ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя злекло не сожалѣнье
Увы! зачѣмъ дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту?
Несчастная, сей взоръ—твоя погибель!
Орудія слѣпого хочетъ Богъ:
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть—
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила сѣть.

Къ страницѣ 141.

ЛЕРМОНТОВА.

I.

Любовь мертвеца.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,
О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки—
Разлуки нѣтъ!
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ,
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узнавалъ.

Digitized by Google

Что мнѣ сіянье Божьей власти
И рай святой!
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ встарину.

Коснется-ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Душа моя въ нѣмомъ страданьѣ
Вся задрожитъ.
Случится-ль—шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ;
Твои слова текутъ, пылая,
По мнѣ огнемъ.

Ты не должна любить другого,
Нѣтъ, не должна!
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.
Увы! твой страхъ, твои моленья,
Къ чему онѣ?
Покоя мира и забвенья
Не надо мнѣ!

II.

КЪ Л***

(ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ).

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей;
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ память, демонъ-властелинъ,
Все будитъ старину,
И я твержу одинъ, одинъ:
Люблю, люблю одну!

Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой;
Съ тѣхъ поръ влекутъ меня мечты
Прочь отъ земли родной;

Digitized by Google

Корабль умчитъ меня отъ ней
Въ безвѣстную страну,
И повторитъ волна морей:
Люблю, люблю одну!

И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ;
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Я памятью томимъ
И гдѣ-бы я ни сталъ искать
Былую тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
Люблю, люблю одну!

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google